НОВАЯ ПОЛЬША

№3 (106) 2009

Анджей Корашевский: что дал польскому селу ЕС

Виктор Кулерский: мы не были уверены в успехе

Даниэль Бовуа: Россию нужно изучать страстно

СТИХИ АНДЖЕЯ БУРСЫ

Проза Казимежа Орлося

Ян Блонский — человек, не позволивший нам закрывать глаза

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Вы можете подписаться на «Новую Польшу», перечислив деньги на наш счет и отправив нам по почте, факсу или электронной почте копию подтверждения оплаты с пометкой: *prenumerata*.

Наш адрес:
Nowaja Polsza
Biblioteka Narodowa
al. Niepodległości 213
02-086 Warszawa

Подписка в Польше:
Название банка: BANK HANDLOWY SA I O/WARSZAWA
Номер счета: 55103010160000000003327001
Цена 1 экз. — 7 зл.
Цена годовой подписки — 84 зл.

Подписка за границей:
Название банка: BANK HANDLOWY SA I O/WARSZAWA
Адрес банка: ul. Traugutta 7/9 Warszawa
Номер счета: PL 55103010160000000003327001
SWIFT: CITIPLPX
Цена годовой подписки — 70 евро или 90 долларов

Информация о подписке за границей:
Тел. +48 22 608-27-95
Факс: +48 22 608-25-05
e-mail: nowpol@bn.org.pl

Информация о подписке в Польше:
Тел./факс: 22 608-24-88, 22 608-23-74
e-mail: czaspatron@bn.org.pl

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 3(106)
2009
март

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Анджей Корашевский 3
ПОЧЕМУ ПОЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ ПОВЕЗЛО

Виктор Кулерский 11
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Адам Кшеминский 19
ПОЧЕМУ ПОЛЯКИ ЗАЩИЩАЮТ ГРАССА

Виктор Кулерский 24
МЫ НЕ БЫЛИ УВЕРЕНЫ В ЗАВТРАШНЕМ ДНЕ

Эдвард Бальцежан 27
АНДЖЕЙ БУРСА В БОЛЬНИЦЕ МИРА

Анджей Бурса 33
СТИХОТВОРЕНИЯ

Казимеж Орлось 42
ДАЧНИК С ВИСЛИНСКОЙ КОСЫ

Лешек Шаруга 49
САГА О ЖИВУЩИХ ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС

Данизль Бовуа 51
ОБРАЗЦОВАЯ ДРУЖБА

Ежи Урбан 54
СМЫСЛ АБСУРДА

Иоанна Подгурская 57
ПАНИ ПО ДЕЛАМ БЕЖЕНЦЕВ

Барбара Петкевич 59
ТРИ ПОКОЛЕНИЯ ЖОЛИБОЖА

Эльжбета Савицкая 63
КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Лешек Шаруга 67
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Кшиштоф Дроба 70
МЕЖДУ ВОЗВЫШЕННОСТЬЮ И СТРАДАНИЕМ

ТАНЦУЯ В ИНВАЛИДНОЙ КОЛЯСКЕ 73
Беседа с Камилем Кураном

Иоанна Арашкевич 78
МАРЫЛЯ РОДОВИЧ И ДРУГИЕ

Александр Вирпша 80
ОБРАЗ ПОЛЬШИ И ОБРАЗ ЛИТЕРАТУРЫ

Ян Блонский 83
БЕДНЫЕ ПОЛЯКИ СМОТРЯТ НА ГЕТТО

Переводчики: И. Адельгейм, Е. Гендель, Н. Горбаневская, А. Кандудина, М. Курганская, С. Политыко, Е. Шиманская.

Фото ©: Agencja Gazeta (стр. 24, 26, 70, 73), Archiwum (стр. 27, 41, 56), Archiwum W. i R. Śliwowskich (стр. 51), E. Lempp (стр. 49, 80), Tadeusz Późniak (стр. 57).

Редакционный совет
Стефан Братковский
Генрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский
(главный редактор)

Редколлегия
Элиза Вольская
Наталья Горбаневская
Галина Дубик
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Петр Мицнер ***(зам. гл. редактора)***
Кристина Пашек ***(секретариат)***
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих
(зам. гл. редактора, секретарь редакции)
Эльжбета Савицкая
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция
Паулина Зеленая

Адрес редакции
BIBLIOTEKA NARODOWA
Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: **(0-22) 608 27 95; 608 25 65**
факс: **(0-22) 608 25 05; 608 27 96**
e-mail: **nowpol@bn.org.pl**

Информация о журнале для стран СНГ:
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская, д.15, кв.49
тел: **621-41-42**
e-mail: **mic@inbox.ru**

Журнал издается под патронажем Национальной Библиотеки по поручению Министра Культуры и Национального Наследия Республики Польша
Тираж 4700 экз.

Анджей Корашевский

ПОЧЕМУ ПОЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ ПОВЕЗЛО

Пять лет в Евросоюзе

1 мая исполнится пять лет с того дня, как Польша вступила в Евросоюз, а через месяц после этого нам предстоит отмечать двадцатилетие прощания с коммунизмом. За эти два десятка лет Польша изменилась до неузнаваемости, статистика приводит данные об улучшении здоровья, росте продолжительности жизни, падении младенческой смертности, не говоря уже о таких показателях, как число телефонов на душу населения, количество автомобилей или, наконец, доступ в Интернет (которого 20 лет назад вообще не существовало).

11 лет назад, прожив тридцать лет на Западе, я возвратился в Польшу и поселился в маленьком городке, где безработица превышала 30%, а жители главным образом пили водку и ожидали лучших времен. Иногда я приглашал туда своих друзей из Варшавы, злорадно спрашивая, нет ли у них желания выбраться «в Польшу». Столицы меняются быстрее, зачастую до неприличия быстрее, но их развитие ничего не говорит о развитии страны в целом.

Выбор моего городка был случайным: просто на протяжении нескольких лет я посылал по почте одной учительнице английского из школы в расположенной поблизости деревне всякие пособия по изучению языка и, наконец, навестив её во время отпуска, купил себе дом, который мне понравился.

По образованию я социолог, но после отъезда на Запад пришел к выводу, что не только польская социология не располагает никакими сведениями, которые она могла бы хоть кому-нибудь предложить, но и западная тоже, после чего сбежал в историю экономики, а моим наставником был и по сей день остается единственный темнокожий лауреат Нобелевской премии по экономике Уильям Артур Льюис, посвятивший свою жизнь исследованиям различных стратегий экономических реформ в недостаточно развитых странах. Этот ученый, на Западе сегодня почти забытый, был в трудах китайских экономистов в период разработки стратегии реформ Дэн Сяопина одним из самых цитируемых западных экономистов. Исследуя историю развития европейских государств, он пришел к выводу, что шансов на эффективную экономическую реформу нет у тех стран, которые делают ставку на быструю индустриализацию и урбанизацию без глубоких реформ в сельском хозяйстве. Анализируя начальные этапы промышленной революции в Англии, Льюис показывал, что на первой стадии она означала всего лишь механизацию орудий, повсеместно применявшихся ранее в сельском хозяйстве. Весьма корректный, почти безукоризненный анализ Мальтуса не предвидел (а в тот период, пожалуй, и не мог предвидеть), что рост производительности сельского хозяйства с избытком опередит темпы естественного прироста населения. Промышленность и урбанизация должны базироваться на современной деревне и современном сельском хозяйстве, где всё меньшее число людей производит все больше излишков сельскохозяйственных товаров и продовольствия.

Вместе с тем стратегии, которые поддерживают отсталую деревню и отсталое сельское хозяйство, сосуществование средневековья и современности, можно сказать, практически обречены на слабую, неспособную эффективно функционировать промышленность и дегенеративную урбанизацию — иными словами, на города, находящиеся под вечным давлением бегущей из деревни бедноты.

Коммунизм обещал крестьянам, что рабочим будет житься лучше, но для Льюиса более важным стало поражение африканских государств, которое в определенном смысле вытекало из такой же самой мечты быстро организовать у себя современность за счет деревни.

Rys. Ignacy Czwartos

Изучая книги Льюиса, его анализ экономической истории стран Латинской Америки и Африки, я с изумлением обнаруживал, что узнаю картины, так хорошо известные мне из истории Польши. Элита (шляхетская или племенная), посылающая своих сыновей на Запад для получения социологического и экономического, реже юридического или медицинского образования, и эти молодые люди, которые после возвращения и прихода к власти привозили в свою страну западные фирмы и западных инженеров, чтобы те построили им промышленность (главным образом горнодобывающую). Везде повторяется одна и та же схема: сильные помещики-землевладельцы, резкий недостаток собственных технических кадров и полное отсутствие интереса к современному производству продовольствия, основанному на индивидуальном сельскохозяйственном предприятии.

Временами это сопровождалось специфическим мужиколюбием, уверенностью, что землепашцы — хранители народной души, и политической демагогией, апеллирующей к этому мужиколюбию и прекрасно сочетающейся с беспредельным презрением к необразованным, безвольным и позволяющим манипулировать собою массам крестьян.

Безотносительно к тому, какую модель экономики выбирали подобные элиты — социалистическую или капиталистическую, — деревня оставалась вне этой модели, в пределах феодальной экономики, всегда производя слишком мало продовольствия, порождая огромные излишки неквалифицированной рабочей силы и не создавая, практически говоря, никакого рынка для промышленных товаров.

Тем, что с первого же взгляда отличало промышленно развитые государства от стран, которые не подверглись индустриализации, была численность занятых в сельском хозяйстве и количество городских жителей. В Англии уже в середине XIX века население городов сравнялось с числом деревенских жителей. В Польше этого удалось достичь спустя сто с лишним лет. Занимаясь исследованием этих проблем по состоянию на 1970-е, я обращал внимание на сильную корреляцию между численностью людей, занятых в сельском хозяйстве, и религией. В протестантских странах занятость в сельском хозяйстве к этому времени упала до уровня ниже 10% рабочей силы, в западноевропейских католических странах — ниже 20% (в государствах Латинской Америки она равнялась 40-50%), в СССР составляла менее 30%, в других православных странах — менее 40%, в мусульманских странах удерживалась на уровне 60-70%, а в Африке достигала 80% и более.

Уильям Артур Льюис обращал здесь внимание на ту опасность, какую представляет собой модернизация сельскохозяйственного производства, осуществляемая землевладельцами-помещиками без цивилизационного прогресса сельского населения. (Специфической разновидностью этого явления была система колхозов и совхозов в СССР или социалистического сельского хозяйства в Польше, где механизация не сопровождалась ни ростом образованности, ни ростом покупательной способности преобладающего большинства сельских жителей.)

Задолго до конца коммунизма я часто писал об этих проблемах в польской эмигрантской прессе, отдавая себе отчет в том, что у моих друзей на родине, занятых борьбой с коммунистической системой, нет времени задуматься над вопросом, как они собираются поступать со свободой. (В конечном итоге свобода пришла внезапно и застигла их врасплох вечером 4 июня 1989 года.)

После обретения свободы от коммунизма существовала угроза чего-то такого, что некоторые западные экономисты называли «латинизацией» экономики, иначе говоря, возникновения капитализма, переплетенного с феодализмом, городов, затопленных беженцами из деревни, экономики, разъеденной коррупцией сверху донизу или скорее наоборот — снизу доверху, так как деревня, застрявшая в другой исторической эпохе, не в состоянии защищаться от гангстерства, тогда как мафиозные методы добывания товара от производителей продовольствия естественным образом распространяются на всю экономику.

Однако в польской столице никто не намеревался проявлять интерес к чему-то столь скучному, как экономическая история Латинской Америки или Африки, либо даже к новейшей истории экономического успеха азиатских «тигров», в основе которого лежали одногектарное семейное хозяйство, сельский аграрно-промышленный кооператив и сельская школа, готовящая хорошо обученные кадры для сельского хозяйства и промышленности.

Мечтания польской интеллигенции после падения коммунизма немного напоминали мне мечтания Герцена, который за 130 с лишним лет до этого питал надежду, что Россия воспользуется опытом и ошибками Запада и оттолкнется от них, словно от трамплина. Варшава не хотела интересоваться проблемами Латинской Америки, зато хотела принимать участие в современных спорах между Европой и Америкой, между Великобританией и Францией, а там спор велся главным образом об аграрной политике и субсидиях сельскому хозяйству. Трудно было сомневаться в том, что никто во всей Варшаве не понимал, о чем идет речь в этом споре, тем не менее все были уверены, что права, конечно, Великобритания, выступающая против дотаций на сельское хозяйство, особенно против субсидирования каких-либо иных земледельцев, кроме собственных. Архитектор польских реформ чисто риторически вопрошал, чем же землепашец отличается от врача или социолога, и было видно, что такой вопрос вполне искренен и что он на самом деле этого не понимает.

Приоритеты польских элит в сфере общественного устройства были очевидны: сначала демократия, а потом экономика, причем в переключении экономики с социалистической модели на капиталистическую неопровержимой считалась святая идея о том, будто достаточно освободить торговлю и приватизировать государственные предприятия, — а все остальное устроит невидимая рука рынка. Распространение получила догма, гласившая, что всякое вмешательство в рынок вредно, а в силу этой догмы любые субсидии сельскому хозяйству носили почти преступный характер, и в этой связи никто (буквально никто) не занимался изучением различий как между разными типами субсидий, так и между разными типами аграрной политики, исходя из принципиальной посылки, что никакая сельскохозяйственная политика вообще не нужна.

Социологи, журналисты и политики соперничали в своем удивлении тем, что земледельцы отчего-то недоверчиво относятся к этому рынку, и сообща приходили к выводу, что те, видимо, тоскуют по коммунизму. Желая выбить у них из головы эту ностальгию, вся эта компания наперегонки ликвидировала еще существовавшую кооперацию и, как могла, разваливала имевшееся политическое представительство крестьян. Эти люди совершенно не принимали к сведению появлявшуюся то тут, то там информацию о полной беззащитности индивидуального земледельца перед новым, гангстерским рынком.

Сельское хозяйство в рыночной системе обладает своей сложной системой финансирования, сложной структурой переработки и сбыта, которая неизменно связана с различными организациями крестьян-земледельцев и смягчает специфические колебания конъюнктуры в производстве и торговле продовольствием. Индивидуальный земледелец может выжить только в том случае, когда он не вполне индивидуален.

Дружественные министры из наших правительств эпохи «Солидарности» рассказывали мне с развеселыми ужимками, что позволяли себе малость соснуть на заседаниях совета министров, когда представители министерства сельского хозяйства болтали чего-то там о водном хозяйстве, о системе закупок или о сельскохозяйственных банках. Само же это министерство отдавали той или иной крестьянской партии, которая в тот момент была нужна для получения большинства в Сейме, чтобы взамен она не хотела ничего, кроме нескольких высоких кресел и постов. Но даже если ей чего-то и хотелось, то все равно никто не понимал, в чем эта партия, собственно говоря, заинтересована, а посему не было и предмета дискуссии.

Вступление в Евросоюз, или скорее в Европейское сообщество, как это тогда называлось, являлось одним из приоритетов каждого очередного польского правительства. Одним из, потому что многим казалось более важным и более срочным вступление в НАТО. Несмотря на распад Советского Союза, травма после длительного периода зависимости оставалась по-прежнему очень сильной. Присоединение к Евросоюзу казалось чем-то ненадежным и весьма отдаленным. Большинству польской интеллигенции хотелось быть в «Европе», но оно не очень-то ориентировалось, что конкретно означает этот самый Евросоюз. Первый демократический министр иностранных дел Польши, превосходный юрист и замечательный человек, совершенно не понимал происходящего. Он отправился с первым визитом в Брюссель, хотел разговаривать о серьезных делах, а они заставили его вести разговоры о говядине.

Некая известная дама, профессор социологии, с брезгливостью и отвращением писала о европейских спорах по поводу петрушки. Эта столь взлелеянная в грезах идеальная Европа явно не доросла до наших польских грёз о настоящих европейцах.

Сама история Евросоюза не вызывала особой заинтересованности и в польской публицистике ограничивались изучением его программных деклараций. Между тем ЕС был странным созданием, представляя собой дитя разваливающегося колониализма. У.А.Льюис (впрочем, не он один) размышлял над вопросом, почему промышленная революция совершилась в Англии, а не в какой-либо другой из стран мира. Здесь надо отступить к временам Реформации, которая была общественной революцией, разрушившей феодальную структуру, наделившей правами рядовых граждан и не только допускавшей, но прямо-таки предписывавшей народное просвещение, чтобы народ стал самостоятельно читать Священное Писание. Англия в ту пору выдвигалась на ведущие позиции, становясь самой могучей морской державой и крупнейшей колониальной силой. Одним из последствий ее колонизаторских завоеваний был постоянный экспорт рабочей силы. Многочисленная армия, административный персонал колоний и непрекращающийся экспорт людей в колонии приводили к тому, что на внутреннем рынке ощущалась непрерывная нехватка рабочей силы, а это в свою очередь влекло за собой возникновение спроса на изобретения, на механизацию всевозможных орудий, позволяющих экономить человеческий труд.

Во времена моей молодости мы покатывались со смеху над излагавшейся нам в школе информацией о российских и советских изобретателях. И только сделавшись взрослым человеком, я стал отдавать себе отчет в том, что эти сведения не были никакими выдумками, что Россия и впрямь располагала легионом блистательных умов, на плоды деятельности которых отсутствовал спрос, множеством людей, чьи изобретения заканчивали свою жизнь в качестве прототипов или образцов, потому что никто не испытывал в них потребности, — не находилось тех, кто взялся бы за их производство, и отсутствовал рынок потребителей.

Англии повезло, там не только Реформация освободила торговлю, но и дефицит рабочей силы на внутреннем рынке вызвал настоящую жажду изобретений, и главным образом — в аграрном секторе. Сельское хозяйство стало первым и самым важным клиентом промышленности, причем отнюдь не крестьянское хозяйство, а совсем иное — фермерское. (Кстати сказать, само слово «фермер» происходит от аренды, издольщины, платы за пользование, от договора, основанного на деньгах.) Англия ввозила из колоний громадные количества продовольствия, а потому свое сельское хозяйство в известной степени перенацеливала на выработку сырья для промышленности; однако частые войны и блокады портов поневоле должны были родить там философию продовольственной безопасности, защиты собственных земледельцев — главным образом с помощью таможенных барьеров на основные продукты питания (в первую очередь — на зерновые).

За пределами Великобритании возникали подозрения, что секрет тягостного перевеса Англии кроется частично в современности ее сельскохозяйственного производства (отсюда французский аграризм). Во второй половине XIX в. реформы немецкого сельского хозяйства вызывали гнев русских социал-демократов (в том числе Плеханова и Ленина), потому что рост количества фермерских хозяйств не желал согласовываться с коммунистическим догматом о централизации капитала.

Существуют обоснованные причины утверждать, что обе мировые войны были вызваны немецкими попытками лишить Англию ее гегемонии в колониальном мире. Обе они закончились катастрофическими поражениями Германии, которая выступала главным претендентом на роль нового гегемона. А в действительности таким новым гегемоном оказались США, но уже в постколониальном мире.

Соединенные Штаты Америки были с момента своего возникновения фермерской республикой. Раньше в британских колониях на территории Северной Америки ситуация складывалась в некотором роде аналогично тому, как обстояло дело в Великобритании, хотя и по другим причинам: здесь имелось вдоволь земли, но не хватало рабочих рук, и всякие изобретения, совершенствующие человеческий труд, были на вес золота. Американский фермер не только никогда не был гражданином второй категории, но и представлял собой (по крайней мере, до великого кризиса) основную и самую влиятельную группу давления в американском обществе.

Питательной средой этого кризиса, или великой депрессии, отчасти послужили взаимоотношения между сельским хозяйством и промышленностью. Американская индустрия экспортировала всё больше товаров, что приводило к кардинальному росту импорта продовольствия и ослаблению покупательной способности американских фермеров. Введение таможенных барьеров на импорт продовольствия было одним из устоев тогдашних антикризисных действий. Поддержка земледельцев, причем главным образом мелких фермеров, продолжалась вплоть до конца войны и позволила США не только избежать продовольственного кризиса и радикальным образом укрепить внутренний рынок, но и оказывать Европе гигантскую продовольственную помощь как во время II Мировой войны, так и в первые годы после ее завершения. Европа стала зависеть от американской военной помощи, от американской промышленности и от американского продовольствия.

Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) в немалой степени брало за образец антикризисный пакет президента Рузвельта. Первым шагом было Европейское объединение угля и стали, но тем, что на самом деле сыграло определяющую роль в успехе ЕЭС, стала его Единая сельскохозяйственная политика (ЕСП) — дорогая и с виду странноватая политика принуждения французских и итальянских политических верхов к элементарной честности по отношению к собственным земледельцам, причем за деньги налогоплательщиков из числа протестантских членов ЕЭС. Принципиальная предпосылка этого была довольно очевидной: нет никаких шансов на динамичное экономическое развитие, если часть общества живет в другой исторической эпохе.

Постколониальным парадоксом было то обстоятельство, что локомотивом изложенной концепции выступала Германия, которая проиграла битву за господство в колониальном мире и поняла, что шансы на получение новых рынков сбыта существуют только в ситуации мирных взаимоотношений и на обоюдовыгодных условиях. Главным противником такой политики выступала Великобритания, которая (не без причин) считала ее угрозой для своей и без того уже весьма ослабленной позиции в мире. С годами Франция сделалась главным заступником и глашатаем борьбы за расширение собственных рынков сбыта, достигаемое через поддержку развития деревни и сельского хозяйства соседей с целью оздоровления их внутреннего рынка. В споре между Францией и Великобританией польские политические элиты (как левого, так и правого толка) сочли французские аргументы абсурдными и высказались в пользу британской стороны.

Когда пять лет назад, после длительного периода приготовлений, нас в конце концов приняли в Евросоюз, то, слушая выступления польских политиков, невозможно было в полной мере сориентироваться, куда мы вступаем — в Евросоюз или же в Европу; ораторы выражали уверенность только в одном: что мы вступаем. Самая крупная отечественная газета проводила в последние дни апреля широко задуманную акцию под лозунгом «Last Minute в Европу». Эта акция преследовала цель информировать нас, как выехать туда на работу или учебу и каким образом нам следует действовать, чтобы извлечь пользу наподобие Испании либо чтобы стать Ирландией. Уродливой неуклюжести формы при этом соответствовала такая же уродливость содержания.

Тот факт, что секрет успеха Евросоюза крылся и по-прежнему кроется в Единой сельскохозяйственной политике, что эта аграрная политика поглотила львиную долю фондов из общей кассы и была единственным элементом, всерьез отличающим стратегию Евросоюза от стратегии конкурирующей организации ЕАСТ (Европейской ассоциации свободной торговли), тщательно замалчивался.

Страны, объединившиеся в ЕАСТ (за исключением Швейцарии и Норвегии), одна за другой перебирались во вражеский стан, но это не означало, что они изменяли свои взгляды на ЕСП. Им хотелось пользоваться рынком, уже созданным этой стратегией и, защищая собственных земледельцев, а также современность собственного сельского хозяйства, не выбрасывать деньги на выравнивание экономического уровня в тех странах, где у верхов имелись другие идеи по поводу того, как надо жить.

Единая сельскохозяйственная политика была, как я уже упоминал, своего рода подкупом. Страны с протестантскими традициями выплачивали несметные суммы странам с католическими традициями, чтобы политики последних соизволили прекратить дискриминацию своих сельских жителей. Главные расходы по этому трансферту денег несла Германия, тогда как первоначально главными бенефициариями (получателями платежей) выступали Франция и Италия. Благодаря ЕСП католические страны Западной Европы одна за другой отталкивались от дна. Сначала это проделали как раз Франция и Италия, потом Ирландия, Испания, Португалия, и, наконец, действия в рамках ЕСП начали давать результаты и в православной Греции.

Скажем себе искренне, что в 1970-1980 гг. польская элита не очень-то хотела слушать обо всех тонкостях, сложностях и спорах по поводу ЕСП, а с начала 1990-х воспринимала любые попытки положительных высказываний о ней с открытой враждебностью.

Всего лишь через семь месяцев после вступления Польши в Евросоюз на страницах одной из не самых важных польских газет появилась статья профессора Барбары Федышак-Радзеёвской. Название статьи: «Деревня — ахиллесова пята польской политики». Подзаголовок звучал для меня значительно более электризующе: «Лишь в Евросоюзе польская деревня дождалась сельскохозяйственной политики, которой ей никогда не предлагали польские элиты».

«В 2004 г., — писала Барбара Федышак-Радзеёвская, — впервые с тех пор, как я себя помню, уборка зерновых не стала событием в СМИ. Никаких очередей, нервничающих земледельцев, обустройства ночных биваков перед элеваторами — ничего, просто ничего особенного не происходило тем летом в сельском хозяйстве. Почему? Это были первая жатва и первая закупка урожая, проведенные в соответствии с принципами, которые действуют в Евросоюзе».

По мнению автора, вступление в ЕС сразу же ввело польских земледельцев и жителей польской деревни в самый центр европейских салонов. Брюссель, в процессе переговоров противостоявший доплатам польским земледельцам, «отнесся к ним лучше, чем это намеревалась сделать часть тех «стыдливо смущенных» польским сельским хозяйством элит, которые формируют общественное мнение».

В этих кругах, создающих общественное мнение, писала Барбара Федышак-Радзеёвская, «четкий и умелый запуск действующей в Евросоюзе системы выравнивающих доплат, которые неизвестно почему называются временами в польской прессе «социальными» (систему выравнивающих доплат в ЕС по существу ввели в качестве некой формы компенсации падения сельскохозяйственных доходов в результате реформы ЕСП), не вызвал никакого интереса. Более важными оказались вопросы о последствиях притока европейской наличности в руки «обычных» людей. Что сделают владельцы небольших низкотоварных хозяйств с головокружительной суммой, составляющей ежегодно около 2-3 тыс. злотых? Не могу припомнить, чтобы эти люди с таким же беспокойством думали о том, как распорядятся повышением своих зарплат, скажем, учителя или научные работники. Часть прессы относится к крестьянам и земледельцам весьма своеобразно, «используя их» в качестве эталона непомерного потребительства, пассивности и популизма».

В заключительном разделе своей статьи Барбара Федышак-Радзеёвская написала: «За последние годы в польской деревне произошла настоящая образовательная революция: не только образовательные запросы и устремления городской и деревенской молодежи достигли сходного уровня, но и процентные доли молодежи из обоих этих сообществ, которая продолжала учебу после получения аттестата зрелости, в значительной степени сблизились между собой. (...) По данным всеобщей национальной переписи населения 2002 г., после окончания средней школы продолжают обучение 39% городской молодежи и 35% — сельской, причем молодые сельские жители реже (на 7%), чем их коллеги из городов, учатся в режиме дневных занятий. Это означает, что деревня, находящаяся в худшей финансовой форме, чаще платит за высшее образование своих детей, чем несколько более зажиточный город».

Изменил ли что-нибудь в этой сфере Евросоюз по истечении пяти лет? Да, но такие процессы идут значительно медленнее, чем в самом сельском хозяйстве.

Интересным элементом общей картины стал тот факт, что в результатах всех польских выборов решающую роль в конечном итоге играют голоса деревни. Так было на выборах в июне 1989 г., когда победу антикоммунистической оппозиции предопределила по существу польская деревня (шедшая на эти выбо-

ры под лозунгом «Проголосуем даже за корову, лишь бы на ней был значок «Солидарности»»). Однако после этих выборов победители тотчас же отвернулись от своих деревенских избирателей, заключив «тактический» союз с оставшейся от коммунистических времен крестьянской партией, против которой проголосовала деревня. После этих выборов деревня непрестанно становилась предметом предвыборных манипуляций городских политических партий, делавших ставку на самую дикую демагогию, которую они считали приемлемой по отношению к этому наименее образованному и организационно расколотому электорату. Следствием подобной тактики стала электоральная расшатанность сельского избирателя и его прогрессирующая радикализация. В референдуме о присоединении к Евросоюзу сельский электорат склонил чашу весов в пользу вступления в ЕС. Однако уже после этого плебисцита какая-то часть сельских избирателей в результате негативистских кампаний и явной дискриминации перебросила свои голоса на самую радикальную, демагогическую крестьянскую группировку — «Самооборону», которая дважды входила в правящие коалиции с победившими городскими партиями, один раз — с левой (Союзом демократических левых сил), другой раз — с крайне правой («Право и справедливость»).

Отношение к сельскому избирателю как к добыче, которую можно захватить, ведя негативистскую кампанию по очернению политических противников, а параллельно — целенаправленно уничтожая умеренное представительство деревни и не выдвигая никаких собственных идей ее развития, приводит к сильному расхождению между наглядными позитивными сторонами европейской сельскохозяйственной политики и оценкой изменений, происходящих в польской сельской среде.

Систематически растет цена земли. Когда 11 лет назад я приехал в Польшу, то купил пять гектаров земли по 1000 злотых за гектар (тогда менее 200 долларов). Теперь стоимость земли выросла в 15 раз. Значительно улучшилась структура хозяйств. Зато теперь полностью пренебрегают средними и малыми хозяйствами, которые при минимальной помощи государства и минимальном надзоре за добросовестностью контрактов с такими земледельцами (их систематически обманывают скупщики сельскохозяйственной продукции) могли бы приносить своим владельцам значительно более высокие доходы, а это привело бы к заметному снижению уровня недовольства в деревне. Лично я один раз ждал денег за проданный урожай целый год, несколько раз — по 10 месяцев, а однажды вообще лишился платы за половину урожая. Означает ли это, что профессор, чью статью я цитировал выше, писал неправду? Нет, речь у нее шла об улучшении ситуации при закупке зерновых, которые дотируются Евросоюзом, тогда как я — производитель плодовых культур.

Дотации ЕС коренным образом улучшили положение в польском селе. Поток денег увеличил уровень инвестиций в деревенские хозяйства, некоторые капиталовложения поддерживаются из европейских фондов, но деньги возвращаются оттуда только после того, как инвестиция реализована. Коренным образом совершенствуются способы применения защитных средств. Везде, где существуют доплаты на конкретное производство, надзор ЕС вынуждает проводить модернизацию.

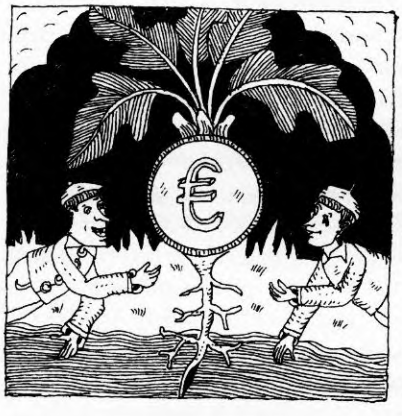
Фонды Евросоюза, предназначенные на развитие села, ускоряют изменение профессиональной структуры занятости в деревнях и небольших городах. С одной стороны, постепенный рост зажиточности земледельцев превращает их в привлекательных клиентов, с другой — существует определенная поддержка (вовсе не такая уж большая) лиц, основывающих новые предприятия и создающих новые рабочие места.

Дотации ЕС были выгодны также органам гминного самоуправления. Здесь весьма существенно еще и то обстоятельство, что, добиваясь такой дотации, гмина должна подготовить бизнес-план, собрать необходимые средства, начать (а временами даже закончить) строительство, — и только после этого наступает частичный возврат понесенных ею расходов из денег Евросоюза. В отдельных гминах подобные действия привели к коренному улучшению всей работы местного самоуправления.

После пяти минувших лет мы располагаем осязаемыми доказательствами того, что ЕСП не так бессмысленна, как казалось литераторам, журналистам и политикам из больших городов. Этот процесс мог бы протекать значительно эффективнее и четче, если бы деревню не дергали худшими разновидностями политической борьбы за голоса избирателей (колбаса и электоральное спиртное — в подобной борьбе отнюдь не метафора) и если бы организации, занимающиеся распределением денег ЕС, не делались постоянной добычей участников политических игр. Сотрудники агентств,

распределяющих европейские деньги, обладают трагически низкой квалификацией, потому что после каждых выборов там всякий раз высаживается неудержимый десант знакомых и родственников разных деятелей из победивших политических партий.

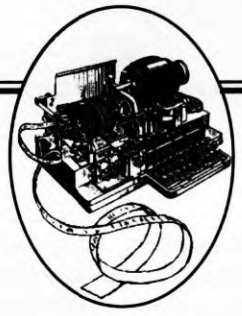
Одним из последствий вступления в Евросоюз стала спекуляция землей. Поскольку наряду с целевыми дотациями существуют еще и так называемые прямые, или непосредственные дотации (на каждый гектар возделываемой земли), то едва ли не крупнейшим бенефициарием ЕС стала католическая Церковь, которая после падения коммунизма вернулась к роли одного из самых крупных землевладельцев. Часть этих дотаций перетекает к большой группе спекулянтов, приобретавших землю исключительно по соображениям ожидаемого роста как ее стоимости, так и размера непосредственных дотаций (то есть не связанных ни с производством, ни с его модернизацией). Новым членам ЕС удалось добиться дотаций этого типа ввиду их полной неподготовленности к обслуживанию сложных целевых дотаций.



Я смотрю на последствия деятельности Евросоюза не только сквозь призму статистики и аналитических данных, публикуемых в профессиональных изданиях, но прежде всего, наблюдая за развитием моего городка и окрестных деревень, вижу, что польская деревня и малые населенные пункты становятся сегодня частью современного общества. Наконец-то мы прощаемся с остатками феодализма. Что же касается перемен сознания, то здесь невероятно важную роль играет техника. Когда я приехал сюда, то организовал в здешней школе журналистский кружок. Разумеется, 11 лет назад ни у кого из детей не было компьютера, а сегодня компьютеры есть у всех без исключения, и все пользуются Интернетом. Почти каждое сельскохозяйственное предприятие располагает моторизованным транспортом, радикальным образом выросла механизация полевых работ; любопытно зрелище автостоянки перед местной сельскохозяйственной школой, куда часть учащихся приезжает на собственных автомобилях. Всё это — наглядные признаки фермеризации польской деревни. Очередным этапом должно стать возвращение к тем или иным формам кооперации, к защите сельскохозяйственных производителей от гангстерства рынка, где отсутствует какой бы то ни было контроль.

Все описанные процессы происходят скорее вопреки нашему государству, чем благодаря ему. Они осуществляются при поддержке Евросоюза, но вместе с тем в ситуации, когда городские политики рассматривают эту поддержку как какое-то неизбежное зло. Тормозом перемен выступает не только консервативная ментальность сельских жителей, но и — даже в еще большей степени — самоубийственная для экономических реформ ментальность жителей больших городов, совершенно не понимающих, что выравнивание цивилизационного уровня представляет собой условие развития общества в целом. И все равно мы можем испытывать благодарность за то, что нас принуждают к этим медленным изменениям ментальности другие институты, которые финансируют их из собственного кармана, не без оснований надеясь, что разбогатев мы сделаемся соседями получше и менее разочарованными, станем больше верить в свои силы и охотнее покупать — в том числе и их товары.

После десяти лет работы с молодежью часть моих воспитанников уже получает высшее образование, мечтая, что у них никогда не возникнет нужды вернуться в свою деревню или городок. Однако некоторые из них понемногу начинают верить, что сумеют и здесь, на месте, создать себе сносную жизнь — такую же или даже лучше, чем в большом городе. Пока же они учатся действовать в среде, где приезжего из сельской местности или небольшого поселения характеризуют как деревенщину либо «бурака» и где самая либеральная, самая просвещенная газета гордо описывает просветительскую акцию студентов, которая должна склонить молодежь к участию в голосовании, демонстрируя афишу с фотографией красивой девушки, держащей свеклу во рту, с подписью: «Воспользуйся своим голосом прежде, чем бураки заберут его у тебя». Обучение демократии — нелегкая штука, но первые пять лет этого курса у нас уже позади.



Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

«Вчера Сейм в специальном постановлении высоко оценил «мудрость и дальновидность» участников «круглого стола», который начался 6 февраля 1989 года. Депутаты от разных партий продемонстрировали редкое единомыслие — постановление было принято (...) единогласно (...) Тадеуш Мазовецкий, который благодаря «круглому столу» и «контрактным» выборам [в Сейме «Солидарность» могла получить не более 35% мест; выборы в Сенат были свободными. — *Ред.*] стал первым некоммунистическим премьер-министром в этой части Европы, прокомментировал это так: «Я очень рад, что Сейм принял это постановление при участии всех политических сил. Это очень важное событие — давно ожидаемая единодушная оценка великих исторических фактов, изменивших Польшу. Сейм воздал должное 'круглому столу'». *(«Газета выборча», 24-25 янв.)*

Александр Квасневский, бывший президент, в 1989 г. участник переговоров с партийно-правительственной стороны: «У меня нет сомнений — и пусть это прозвучит как мое кредо, — что «круглый стол» был большим успехом. Это было успешное, бескровное народное восстание. Спустя 20 лет у нас на счету целый ряд колоссальных достижений. Евросоюз, НАТО, демократия, рыночная экономика — мы добились того, что когда-то трудно было себе даже представить». *(«Газета выборча», 6 февр.)*

«Сегодня опасность заключается в том, что этой темой манипулируют по собственному усмотрению, а манипулируют ею всякий раз, когда отмечают какую-нибудь годовщину (...) Вчера по телевизору я узнал, какие имена связаны с 1989 годом. Назвали даже Михника, упомянули о Валенсе, но Лех Качинский и Анджей Гвязда стали главными героями этой программы. О Куроне — ни слова! О Геремеке — ни слова! (...) Сегодня предпринимаются действия, которые, во-первых, отрезают пути к сотрудничеству между людьми из разных политических группировок, а во-вторых, нарушают непрерывность культуры и традиций. Авторитаризм так въелся в нашу ментальность, что без ненависти мы просто не можем жить (...) Мы живем в свободной стране и должны сделать из этого выводы». ***(Эдвард Грудзинский, Стефан Теплый, Филип Ратковский, «Пшеглёнд», 25 янв.)***

«Вчера президент Лех Качинский подписал закон, отменяющий пенсионные привилегии бывшим сотрудникам госбезопасности и авторам военного положения (...) Сейчас генерал Войцех Ярузельский получает военную пенсию 9-10 тыс. злотых до вычета налогов. После того как закон начнет действовать, она сократится до 2000-3000 злотых. Если бы он воспользовался пожизненной пенсией для бывших президентов, то получал бы около 10 тыс. злотых плюс около 7 тыс. на содержание офиса (...) «Я на это не пойду. Это ниже достоинства офицера, особенно учитывая то, что у других обвиняемых [по делу о введении военного положения] такой возможности нет», — говорит Ярузельский». *(«Дзенник», 7-8 февр.)*

«Согласно опросу ЦИОМа, бывший президент Лех Валенса второй месяц подряд пользуется самым большим общественным доверием — 68%. За Валенсой следуют министр иностранных дет Радослав Сикорский (60%) и премьер-министр Дональд Туск (59%)». ***(«Впрост», 8 февр.)***

«На вопрос Группы IQS: «Хорошо ли, что 20 лет назад в Польше сменился политический строй и ПНР преобразовалось в Третью Речь Посполитую?» — 65% опрошенных ответили «хорошо», 9% — «плохо», 21% — «ни хорошо, ни плохо», а 5% затруднились с ответом». *(«Газета выборча», 2 февр.)*

«Согласно опросу ЦИОМа, 75% девятнадцатилетних поляков считают, что у их поколения больше возможностей, чем у их родителей. В 2003 г. так думало лишь 56% их ровесников. 30% опрошенных считают, что в будущем они откроют свою фирму. В 1990 г. о собственной фирме думали 12% их ровесников». ***(«Дзенник», 3 февр.)***

«Доля поляков в возрасте 18-24 лет, получающих образование, достигла 95% (...) Еще в 2001 г. поляки, прервавшие обучение после 18 лет, составляли 7,9% от общего числа молодежи, а в 2007/2008 учебном году их уже стало всего 5%». *(«Дзенник», 21 янв.)*

Согласно опросу ЦИОМа, в 2008 г. 22% учащихся средних школ регулярно курили (в 2003 г. — 31%), наркотики употребляли 15% (в 2003 г. — 24%), не употребляли наркотиков 85% (в 2003 г. — 76%), ни разу не пили пиво 22% (в 2003 г. — 15%), ни разу не пили вина — 67% (в 2003 г. — 44%), ни разу не пили водки 42% (в 2003 г. — 29%)». ***(«Дзенник», 27 янв.)***

«В 2008 г. впервые за 11 лет наблюдался прирост населения. По предварительным подсчетам, в конце 2008 г. население Польши составило 38,135 млн. человек, т.е. на 20 тысяч больше, чем год назад». *(«Впрост», 8 февр.)*

«У старого трамвая со звездой Давида нет номера — он катится по рельсам от Фильтровой улицы до кольца на Потоцкой. Никто не может в него сесть, никто не выходит. На нем едут только души жертв Катастрофы (...) 22 января мы отмечали Международный день памяти Катастрофы. Сегодня старинный трамвай будет ездить до 18 часов — в это время начнутся главные мероприятия Международного дня памяти Катастрофы у памятника Героям гетто (ул. Левартовского)». ***(Анна Витенберг, «Жечпосполита», 27 янв.)***

«В воскресенье 18 января исполняется 64 года со дня взятия руин левобережной Варшавы солдатами 1-й армии Войска Польского и Красной Армии. В этот день жители столицы возлагают венки на кладбище советских солдат на аллее Жвирки и Вигуры (...) Кладбище было основано в 5-ю годовщину со дня окончания II Мировой войны (...) В центре стоит 38-метровый обелиск (...) Вокруг него — 636 братских и 138 именных могил (...) В них покоятся останки 23 759 солдат, перенесенных со многих подваршавских воинских кладбищ (...) На сегодня удалось установить имена 9398 павших». *(«Газета выборча», 17-18 янв.)*

В Варшаве открыт памятник семье православного священника о. Симона Федоренко. Отец Федоренко, главный православный капеллан Войска Польского, погиб в Катыни. Он отказался сотрудничать с советскими властями. Его старший сын Александр, летчик 300-й бомбардировочной дивизии британских Королевских ВВС, погиб в апреле 1944 г. в небе над Германией. Его могила находится в Мангейме. 24-летний Вячеслав был заместителем командира 4-й роты группы «Гурт» во время Варшавского восстания. Он погиб 18 августа 1944 г. на перекрестке Иерусалимских аллей и Маршалковской улицы. Его 22-летний брат Орест пал в бою еще 1 августа. Он воевал в диверсионном отряде саперного батальона. Инициатива почтить память погибших принадлежит выпускникам лицея, в который ходили все три сына батюшки. В церемонии открытия памятника, приуроченной к 90-й годовщине независимости, участвовали, в частности, президент Лех Качинский и митрополит Савва». ***(«Пшеглёнд православный», декабрь)***

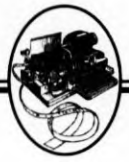
Александр Гурьянов, руководитель Польской комиссии общества «Мемориал»: «Военная коллегия Верховного суда России пришла к выводу, что катынское преступление следует квалифицировать согласно уголовному кодексу, действовавшему в момент его совершения, то есть в 1940 году. В нем предусмотрен срок давности, составляющий 10 лет (...) Но самое важное и страшное — это то, что коллегия без дополнительного изучения санкционировала совершенно произвольную квалификацию этого преступления Главной военной прокуратурой как превышения власти военными лицами (...) Таким образом, из числа обвиняемых исключен Сталин и другие члены Политбюро, давшие согласие на это убийство. Решение суда по сути дела означает освобождение от ответственности членов Политбюро и прежде всего Сталина. Значение этого решения выходит за рамки катынского дела, поскольку может означать намерение распространить это освобождение на все советские преступления». *(«Жечпосполита», 30 янв.)*

«Европейский суд по правам человека в Страсбурге потребовал от России обнародовать постановление о закрытии дела по катынскому преступлению (...) Россия должна ответить суду до 29 января. Суд потребовал передать ему засекреченное постановление Московской военной прокуратуры». ***(«Наш дзенник», 19 янв.)***

Огромный интерес вызвала выставка «Катынь: преступление, политика, нравственность», организованная при участии посольств Венгрии в Польше и Польши в Венгрии в будапештском Музее террора. Депутаты III района Будапешта назвали площадь на улице Надьсомбат (...) площадью Мучеников Катыни. Сейчас там установлена мемориальная доска (...) а в будущем будет открыт монумент памяти жертв этого преступления (...) На одной из стен музея ведется непрерывный показ немецкого документального фильма, запечатлевшего проведенную в 1943 г. эксгумацию, а также сохранившихся довоенных фотографий офицеров и их семей. К открытию выставки была приурочена научная конференция, в которой приняли участие секретарь Совета по охране памяти борьбы и мученичества Анджей Пшевозник и Александр Гурьянов из общества «Мемориал». *(«Наш дзенник», 24-25 янв.)*

Эугениуш Чиквин: «В 2000 г. наш дефицит в торговле с Россией составил почти 4 млрд. злотых. В 2007 г. он достиг почти 8 млрд. злотых и, если ничего не изменится, будет продолжать расти. Общая атмосфера недоверия в политической сфере делает невозможным открытый диалог по важным для обеих сторон вопросам, и вопросы безопасности тут — ключевые (...) В установлении конкретного, прагматического диалога существенную роль могут сыграть парламенты — это и было целью визита шести депутатов Сейма и одного сенатора в Москву и Петербург 9-12 декабря 2008 года. Я имел честь быть членом этой делегации». ***(«Пшеглёнд православный», январь)***

«Вчера президент Виктор Ющенко прибыл на берега Вислы, чтобы представить свои аргументы в газовом споре с Россией. Разговор продолжался на час больше запланированного — украинский президент детально представил ход длящегося вот уже две недели газового кризиса. И достиг успеха. Польские власти, в т.ч. президент и участвовавший



в переговорах министр иностранных дел Радослав Сикорский, выступили вчера в газовом конфликте на стороне Украины (...) «Очень трудно понять, кто прав», — признался вчера председатель комиссии по иностранным делам Европарламента Яцек Сариуш-Вольский». *(«Дзенник», 15 янв.)*

▮ Газовый конфликт стал темой переговоров министра иностранных дел Радослава Сикорского в Киеве. «Мы против шантажа и монополий», — сказал он после встречи с министром иностранных дел Украины Владимиром Огрызко. Отвечая на вопрос, поддерживает ли Польша Украину в газовом конфликте, Сикорский сказал: «Переговоры нашего президента с президентом Украины, а также мой визит говорят сами за себя»». *(«Жечпосполита», 17-18 янв.)*

▮ «Интеграция украинской газовой системы должна стать одним из пунктов договора об ассоциированном членстве Украины в ЕС». *(Мирослав Чех, «Газета выборча», 17-18 янв.)*

▮ «Между Украиной и Польшей будет открыто железнодорожное сообщение, использующее систему SUW-2000. Эта система позволяет поездам ездить по путям разной ширины». *(«Дзенник», 21 янв.)*

▮ «Украина передала Польше доказательства преступлений НКВД (...) «Это лишь начало обмена документацией между нашим учреждением и польскими историками», — говорит Владимир Вятрович, директор Департамента архивного обеспечения Службы безопасности Украины (СБУ)». *(«Жечпосполита», 5 февр.)*

▮ «Мы проверили в нескольких вузах, сколько граждан стран, соседствующих с нами на востоке, училось в них за последнее время. В краковском Ягеллонском университете: украинцев — 149, белорусов — 92, российских граждан — 30 (данные за 2006 г.); в Варшавском университете в 2007/2008 учебном году учился 131 украинец, в Коллегии польских и украинских университетов при Люблинском католическом университете — 75 украинцев и 8 белорусов. Это мало. Лишь увеличение этих цифр до сотен и тысяч дало бы эффект перелома». *(Марек Островский, Адам Шосткевич, «Политика», 31 янв.)*

▮ «Согласно опросу ГфК «Полония», 62% поляков считают зависимость Польши от российского газа угрозой суверенитету нашей страны. Лишь 30% утверждают, что не видят в этом почти или совершенно никакой опасности (...) 55% из нас готовы платить более высокие счета за газ, если это освободит Польшу от российской зависимости». *(«Жечпосполита», 17-18 янв.)*

▮ ««Постройка газопорта в Свиноустье — вопрос решенный», — заверяет глава политического кабинета премьер-министра Славомир Новак. В проект вложены такие огромные средства, что уже поздно менять решение». *(«Дзенник», 20 янв.)*

▮ «Польша получит из европейского бюджета дополнительные полмиллиарда евро на энергетические проекты, уменьшающие зависимость от России. Это результат российско-украинского газового конфликта. Европейская комиссия приняла вчера решение об участии в финансировании газопорта для получения сжиженного газа в Свиноустье». *(«Газета выборча», 29 янв.)*

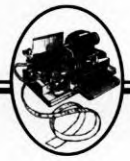
▮ ««Украино-российский газовый кризис был не менее опасен, чем грузинский конфликт, хоть и не носил военного характера», — считает Лех Качинский. Оба конфликта — элементы одной и той же стратегии восстановления российского господства в регионе. Вчера во Вроцлаве президент Лех Качинский организовал мини-саммит с участием президента Украины Виктора Ющенко и премьер-министра Чехии Мирека Тополанека». *(«Дзенник», 29 янв.)*

▮ «Одной из стран, поставлявших оружие в Грузию, была Польша (...) В понедельник президент России Дмитрий Медведев специальным декретом ввел экономические санкции против стран, поставляющих оружие Грузии». *(«Жечпосполита», 21 янв.)*

▮ Павел Свебода, директор Центра европейской стратегии «Демос-Европа»: «Включение Украины в западный мир лежит в польских национальных интересах. Ничего удивительного. Германия поддерживала расширение ЕС, чтобы обеспечить себе буфер на востоке. Мы желаем Украине всего наилучшего, но прежде всего нам тоже необходимо обзавестись плотиной, защищающей от неожиданного потока из-за нашей границы. Кроме того, мы уверены, что (...) чем более независимой будет Украина, тем менее имперской будет Россия (...) Наши отношения с Россией ухудшились пропорционально нашей поддержке Украины (...) Решающей оказалась наша роль в «оранжевой революции». Если бы не Польша и президент Квасневский, ее бы не было. В России об этом знают (...) Если во время кризиса нам удалось финансово помочь Литве, то тем более мы должны присутствовать на Украине». *(«Газета выборча», 27 янв.)*

▮ Польша все еще не получает нужного количества российского газа (...) По сведениям «Коммерсанта», Россия пытается принудить ее к уступкам в оплате за транзит российского газа по Ямальскому газопроводу, идущему через нашу страну (...) «Газпром» может пытаться добиться и других выгод — например, изменения способа расчета цены за газ, который он продает Польше в рамках многолетнего контракта. *(«Жечпосполита», 24 янв.)*

▮ «Вопрос поставок газа в Польшу сегодня занимает центральное место в отношениях между Варшавой и Москвой. Вчера в Давосе его обсуждали премьер-министры Дональд Туск и Владимир Пу-



тин. Часть газа, идущего через Украину, к нам до сих пор не поступает (...) «После обещания премьера Путина у меня есть надежда, что проблема с поставками газа будет решена», — сказал вчера после встречи с Путиным премьер-министр Туск (...) Туск подчеркнул, что Польша продолжает оставаться противником строительства Северного газопровода из России в Германию по дну Балтийского моря (...) «Совершенно очевидно, что польская точка зрения на этот вопрос не изменится», — сказал премьер в Давосе». *(«Дзенник», 30 янв.)*

■ ««Непреклонная позиция Польши по вопросу газопровода «Северный поток» после последних переговоров не только не смягчилась, но даже напротив, ужесточилась», — написала вчера «Независимая газета»». *(«Дзенник», 3 февр.)*

■ **««Северный поток» негативно оценивает не только Польша, но и Швеция, и прибалтийские страны. Тем не менее, после окончания газового конфликта мы — единственное европейское государство, которое испытывает трудности с получением газа с востока. Мы не получаем оттуда четвертой части всего импорта (...) Вот уже неделя, как сократились поставки газа через Белоруссию (...) В последний четверг премьер-министр Туск разговаривал об этом с Путиным в Давосе (...) Несмотря на заявление Путина, газ не поступает (...) Российская пресса предполагает, что «газовый голод» заставит Польшу быть более уступчивой». *(Анджей Кублик, «Газета выборча», 3 февр.)***

■ «Во время украино-российского газового кризиса (...) только президент Лех Качинский признал правоту Киева (...) В конце 90-х годов прошлого и в самом начале нынешнего века казалось, что Украина всё больше дрейфует в сторону России. Тем не менее президент Квасневский встречался с неохотно принимаемым мировыми лидерами президентом Леонидом Кучмой (...) Игра стоила свеч: во время «оранжевой революции» польский президент оказался единственным западным политиком, у которого был ключ к Украине (...) Поддержка Киева должна стать постоянным элементом польской стратегии. Даже если у нас появится чувство, что Киев нас использует, недооценивает наши усилия или не умеет ими воспользоваться». *(Мартин Войцеховский, «Газета выборча», 3 февр.)*

■ **«В Польше быстро уменьшаются запасы природного газа. Несмотря на окончание украино-российского газового конфликта, Польская нефтегазовая компания (ПНГК) до сих пор отрезана почти от четверти поставок с востока. Чтобы обеспечить внутренний рынок, она дополняет поставки газом из ранее накопленных запасов. Но хранилища постепенно пустеют (...) Ситуацию усложняет ухудшающаяся погода (...) ПНГК письменно обращалась к «Газпрому» с просьбой провести срочную встречу — пока безрезультатно». *(«Дзенник», 5 февр.)***

■ «Пока что Россия не установит ракет в Калининграде». *(«Тыгодник повшехный», 8 февр.)*

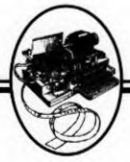
■ **««Газпром» мог бы увеличить поставки, но взамен он хочет изменить условия договоров о Ямальском газопроводе и поставках в Польшу, которые правительства Польши и России заключали начиная с 1993 года. Российская сторона ожидает, что начало международным переговорам по этому вопросу положит Польша (...) Почему «Газпром» не хочет просто подписать с ПНГК новый контракт, как он сделал это с энергетическими компаниями на Западе?» *(«Газета выборча», 7-8 февр.)***

■ 15 января в резолюции о положении в Белоруссии Европарламент призвал Минск соблюдать религиозные свободы и осудил факты выдворения из страны польских священников. Кроме того, Европарламент призвал власти признать «избранное на законном основании» правление Союза поляков Белоруссии, возглавляемое Анжеликой Борис. *(По материалам «Газеты выборчей», 16 и 27 янв.)*

■ **«Премию белорусских интеллектуалов «Arche» за 2008 г. получил деятель Союза поляков Белоруссии, корреспондент «Газеты выборчей» Анджей Почобут». *(«Жечпосполита», 16 янв.)***

■ «13-14 ноября 2008 г. в Гродно прошла 15-я международная конференция «Путь к взаимности», в которой приняли участие почти сто ученых из белорусских и польских университетов — из Белостока, Быдгощa, Витебска, Гданьска, Гродно, Гомеля, Люблина и Минска». *(«Пшеглёнд православный», январь)*

■ **«Спустя год после открытия телеканала «Белсат» его смотрят 200 тыс. зрителей (...) «Белсат» выходит в эфир шесть часов в день, с шести вечера до полуночи (...) Белорусские власти официально не признают канал, поэтому у его белорусских сотрудников нет аккредитации. Они ездят на автомобилях без опознавательных знаков, иногда выдают себя за журналистов других каналов или просто не представляются. Часто они снимают неожиданно, пользуются материалами других журналистов (...) Большинство белорусов, работающих в варшавской студии, приехали сюда учиться и остались. Двое уехали из Белоруссии, опасаясь преследований (...) Три месяца назад белорусские власти вернули конфискованное в марте прошлого года оборудование. А недавно перед объективом «Белсата» впервые официально выступил пресс-секретарь президента Александра Лукашенко Олег Пролесковский. Раньше он утверждал, что такого телевидения не существует». *(Рафал Геремек, Ярослав Муравский, «Ньюсуик-Польша», 1 февр.)***



■ «Власти Белоруссии депортировали двух польских учителей (...) которые были арестованы через неделю после переезда на новую квартиру (...) Это часть широкомасштабной акции властей Бреста, призванной затруднить деятельность поляков в Белоруссии и не допустить распространения здесь польского образования. В середине января произошел инцидент в Березе на рождественской встрече школьников, изучающих польский язык. Власти нарушили запланированный ход встречи, несмотря на то, что на ней присутствовал генеральный консул Польши в Бресте Ярослав Ксёнжек». *(«Жечпосполита», 2 февр.)*

■ **«Из опроса ЦИМО следует, что, несмотря на кризис, восемь из десяти поляков довольны жизнью. Это, в основном, молодые люди с высоким заработком. Удовлетворенность жизнью выражают 83% поляков, недовольство — 13%. Из года в год недовольных становится все меньше. В 1992 г. довольны были 69% опрошенных, а в 2003-м — уже 78%». *(«Дзенник», 20 янв.)***

■ «Приостановился стремительный рост зарплат. Как сообщило Главное статистическое управление (ГСУ), в декабре средняя зарплата на предприятиях составила 3420 злотых и была всего лишь на 5,4% выше, чем год назад. В декабре на предприятиях работало 5,3605 млн. человек. Это на 33,7 тысячи (0,6%) меньше, чем в ноябре, но на 2,3% больше, чем год назад». *(«Дзенник», 20 янв.)*

■ **«Вчера ГСУ сообщило, что в декабре промышленное производство сократилось на 4,4% по сравнению с декабрем прошлого года. В ноябре оно сократилось на 9,2% (...) Мировая рецессия сильно ударила по экспортным отраслям». *(«Дзенник», 21 янв.)***

■ «Польша окажется среди немногих стран, которые на финансовый кризис отреагируют лишь снижением темпа экономического роста, сообщило вчера министерство экономики, ссылаясь на отчет Европейского банка реконструкции и развития». *(«Дзенник», 27 янв.)*

■ **«30 ноября правительство приняло антикризисный «План стабилизации и развития». Премьер-министр Туск сообщил, что он обойдется в 91 млрд. злотых. В последние дни правительство начало дополнять пакет (...) Лимит поручительств государства увеличен с 15 до 40 млрд. злотых. Создан насчитывающий 1,4 млрд. злотых Резерв общественной солидарности для затронутых кризисом пожилых людей и семей с детьми. Кроме того, Польша предоставила кредит Латвии и Исландии, а также внесла свой вклад в фонд помощи странам ЕС (он увеличится с 10 до 25 млрд. евро), из которого должна быть выделена помощь Венгрии и Латвии». *(«Газета выборча», 25 янв.)***

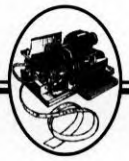
■ «По предварительным расчетам ГСУ, экономика сильно тормозит, но всё еще растет. В 2008 г. ВВП увеличился на 4,8%. В прошлом году он вырос на 6,7%. Перспективы плохие, потому что динамика ВВП ухудшается с квартала на квартал». *(«Дзенник», 30 янв.)*

■ **«Злотый падает, несмотря на то что наша экономика считается одной из самых стабильных в регионе. Аналитики «Goldman Sachs» написали в последнем отчете, что, возможно, понадобится план помощи банкам Восточной и Центральной Европы, но Польшу они поместили (вместе с тремя другими государствами) в группу наименьшего риска по стабильности финансового сектора (...) Министерство экономики это подтвердило. «Вследствие глобального кризиса рыночная стоимость крупнейших иностранных банков снизилась на 70-80%. Падение капитализации банков, действующих в Польше, значительно меньше», — сказано в коммюнике. В нем отмечено также, что польские филиалы банков находятся в намного лучшей форме, чем их центральные отделения за границей. По данным Института изучения рыночной экономики (ИИРЭ), Польше рецессия не грозит, а во второй половине 2009 г. положение начнет улучшаться. ИИРЭ прогнозирует рост 2% ВВП в этом году и 3% в будущем». *(«Жечпосполита, 31 янв. — 1 февр.)***

■ «Инфляция снижается: по оценкам экспертов министерства финансов, в течение января она упала с 3,3 до 3,2% (...) Аналитики сходятся в том, что в следующие месяцы она будет продолжать снижаться. Уже в феврале она упадет ниже 3%, в середине года — ниже 2%, а к концу года будет по-прежнему ниже инфляционной цели Польского национального банка (ПНБ), т.е. 2,5%». *(«Дзенник», 3 февр.)*

■ **««По сравнению с декабрем уровень безработицы в январе вырос с 9,5 до 10%», — сообщила вчера министр труда Иоланта Федак (...) Подсчеты министерства означают, что в январе число безработных увеличилось более чем на 100 тыс. человек». *(«Дзенник», 4 февр.)***

■ «Правительство ограничило бюджетные расходы на 10 млрд. злотых (...) Сэкономленная сумма — это наша страховка на тот случай, если подтвердится черный сценарий экономического развития (...) Больше всего мы сэкономим на министерстве национальной обороны (почти 2 млрд. злотых), министерстве внутренних дел и администрации (1,2 млрд.), а также на науке и вузах (около 900 млн. злотых). Однако правительство решило также заблокировать около 1,9 млрд. расходов воевод и сократить на полмиллиона административные расходы Управления социального страхования». *(«Жечпосполита», 4 февр.)*



«Распоряжение продавать акции, поступившее из лондонского Сити и с нью-йоркской Уолл-стрит, ослабила злотый до немыслимых до сих пор границ: в середине недели евро стоило почти 4,70 злотых, доллар — 3,65, а швейцарский франк — 3,15 злотых». *(«Ньюсуик-Польша», 15 февр.)*

«Мы уже имели дело со значительными колебаниями курса злотого и пережили их без трагических последствий. Пять лет назад, 20 февраля 2004 г. евро стоило 4,91 злотых. До этого, в ноябре 1993 г., курс евро стартовал с уровня всего 2,34 злотых. Случались и очень сильные перепады в течение одного дня. Например, 11 июля 2001 г. курс неожиданно подскочил с 3,66 до 3,87 злотых за евро, а 12 декабря 1994 г. — с 2,39 до 2,94 злотых». *(«Пшеглёнд», 15 февр.)*

«Совет монетарной политики снизил процентные ставки. Основная ставка снизилась до 4,25%». *(«Впрост», 8 февр.)*

«Вчера злотый наверстал часть потерь по отношению к основным валютам, но аналитики утверждают, что прежде чем наступит резкое укрепление валюты, Польшу ожидают несколько тяжелых месяцев (...) Вчера швейцарский франк стоил 3 злотых, а евро — 4,25 злотых». *(«Дзенник», 7-8 февр.)*

«Согласно отчету об экономической свободе в мире, опубликованному вчера американским фондом «Heritage» и WSJ, Польша занимает первое место в ЕС по числу экономических барьеров (...) Улучшилось положение на рынке труда, усилилась борьба с коррупцией, однако (...) роль государства в экономике недостаточно ограничена, а процесс приватизации явно замедлен. На положение Польши в рейтинге — 82-е место в мире — повлияла и растущая в первом полугодии инфляция». *(«Жечпосполита», 14 янв.)*

«Президент Лех Качинский подписал поправки к закону об экономической свободе, вводящие т.н. принцип «одного окошка». Это означает, что желающий зарегистрировать свое предприятие должен подготовить одну заявку, а остальными формальностями займутся сотрудники учреждения». *(«Дзенник», 15 янв.)*

«Наследники семьи Замойских отказались от притязаний на старинный дворец в Козлувке, где расположен музей. Согласно договору (...) взамен они получают 17 млн. злотых. Кроме того, в подписанном документе подробно оговариваются условия использования Замойскими квартиры, находящейся на территории дворцового комплекса». *(«Наш дзенник», 24-25 янв.)*

«Они за свои деньги сажают деревья и засеивают газоны. Некоторые считают их сумасшедшими. Но если бы не они, жить в больших городах было бы труднее (...) Таких групп в Польше всё больше — они действуют в Лодзи, Варшаве, Кракове, Вроцлаве, Катовице и Люблине». *(«Ньюсуик-Польша», 15 февр.)*

«Чиновники с судимостями продолжают работать в органах местного самоуправления. Запрет на работу в органах самоуправления, распространяющийся на сотрудников, осужденных за умышленные преступления, — фикция, так как закон о сотрудниках органов местного самоуправления не предусматривает никаких санкций за несоблюдение этого запрета». *(«Жечпосполита», 3 февр.)*

«Щецинский окружной суд оправдал двух женщин, загоравших топлесс на городском пляже. Ранее суд первой инстанции сделал им выговор «за непристойную выходку» и возложил на них судебные издержки, однако одна из них обжаловала приговор». *(«Жечпосполита», 4 февр.)*

Согласно опросу Института изучения общественного мнения «Homo homini», 62% поляков хотели бы, чтобы в Польше полную власть имела одна политическая партия (т.е. имела бы парламентское большинство, самостоятельно формировала правительство, а ее кандидат занимал бы пост президента). Противоположного мнения придерживается 31%. Кроме того, 62% высказываются за сокращение срока полномочий парламента и досрочные выборы. Против этого — 31% опрошенных. *(«Жечпосполита», 29 янв.)*

«Три бывших председателя Конституционного суда подписали заявление, в котором говорится, что конфликт в верхах настолько вредит Польше, что терпеть его дальше невозможно. «Нам нужно активное участие Польши в создании новой концепции европейской интеграции, мы должны противостоять экономическому кризису (...) Поляки устали наблюдать бесконечные политико-юридические споры в верхах. Должна быть четко определена ответственность за решения, принимаемые от имени общества». После такого диагноза бывшие председатели сообщают о создании группы экспертов, которая подготовит проект поправок к конституции». *(«Газета выборча», 5 февр.)*

«Согласно опросу ЦИОМа, 67% поляков плохо оценивают действия президента Леха Качинского. 23% одобряют его. Еще чаще критикуют Сейм — 70%. Работой депутатов довольны лишь 17% опрошенных». *(«Впрост», 8 февр.)*

«Дональд Туск будет кандидатом «Гражданской платформы» (ГП) на президентских выборах 2010 года, — сообщил председатель парламентской фракции ГП Збигнев Хлебовский. В случае его победы правительство возглавит вице-премьер Гжегож Схетина». *(«Тыгодник повшехный», 1 февр.)*

Согласно опросу ГфК «Полония», проведенному 6-8 февраля, поляки хотели бы голосовать за ГП (54%), ПиС (28%), Союз демократических левых сил (СДЛС, 6%) и крестьянскую партию ПСЛ (4%). Избирательный барьер составляет 5%. *(«Жечпосполита», 12 февр.)*

■ «Люстрация в Церкви. После ознакомления с материалами Церковной исторической комиссии Ватикан не отозвал ни одного из польских епископов (...) В поступках иерархов не замечено ничего, что могло бы свидетельствовать о вине перед Церковью или родиной». *(«Тыгодник повшехный», 25 янв.)*

■ **««Мне хотелось бы выразить сожаление по поводу несправедливых и неоправданно резких обвинений, прозвучавших в адрес братской православной Церкви», — сказал архиепископ Юзеф Жицинский (...) Это первое выступление католического иерарха в защиту Польской православной Церкви (...) На прошлой неделе «Жечпосполита» «люстрировала» ее главу, архиепископа Савву, ссылаясь на документы Института национальной памяти (ИНП) (...) Хотя в папках нет подписанного обязательства агентурного сотрудничества, вынесен приговор: архиепископ Савва был сознательным секретным сотрудником спецслужб». *(«Газета выборча», 20 янв.)***

■ «Всё меньше людей открывают в себе священническое призвание. В 2008 г. в епархиальные и монастырские семинарии поступило 953 кандидата. Четыре года назад их было полторы тысячи». *(«Тыгодник повшехный», 1 февр.)*

■ **«Молодежь не хочет ходить на уроки Закона Божия и выбирает уроки этики. А их ведет тот же священник, что и Закон Божий. Это абсурд. Так считают и учителя (...) Религия вернулась в школы в 1990 году. Потом для тех, кто не хотел ходить на нее, ввели этику (...) С самого начала были проблемы с тем, чтобы найти учителей, имеющих право обучать этике (...) Уроки Закона Божия велись в 27,5 тыс. из 32 тыс. школ. Этики — в 334 школах». *(«Жечпосполита», 17-18 янв.)***

■ «С глубокой скорбью восприняли мы известие об убийстве похищенного [талибами в Пакистане] польского инженера Петра Станчака, нашего соотечественника. От имени всей мусульманской общины, представляемой нашими организациями, мы осуждаем этот варварский акт», — написали в совместном заявлении Мусульманская лига Республики Польша, Мусульманское общество образования и культуры, а также Общество мусульманских студентов». *(«Газета выборча», 10 февр.)*

■ **«Человек в слезах видит плохо, но человек без сердца не видит вообще», — так объяснял свое писательское кредо Ян Блонский, замечательный литературный критик, прекрасный педагог. На Западе он получил известность после публикации эссе «Бедные поляки смотрят на гетто» (1987). После первой публикации эссе в «Тыгоднике повшехном» он стал объектом многочисленных нападок как пэпэровской прессы, так и польской эмиграции. Во вторник его не стало. Ему было 78 лет. *(«Газета выборча» и «Дзенник», 12 февр.)***

■ «Ушла из жизни Мария Орвиол — выдающийся профессор психиатрии, инициатор терапевтического проекта для Детей Катастрофы и Второго поколения спасенных (...) Ей было 79 лет. Она происходила из еврейской семьи (...) Ребенком бежала из гетто (...) Летом 1946 г. мать вверила ее опеке старшего на десять лет Станислава Лема, который долго заботился об образовании Марии (...) В 1959-1964 гг. вместе с Антонием Кемпинским она принимала участие в т.н. освенцимской программе, исследовавшей изменения у бывших узников Аушвица-Биркенау, связанные с лагерем». *(«Газета выборча», 10 февр.)*

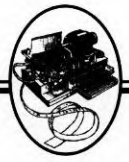
■ **«Более полутысячи хасидов со всего мира приехали в Лелюв (Силезское воеводство), чтобы отметить 195-ю годовщину со дня смерти знаменитого цадика Давида Бидермана. По числу собравшихся религиозных евреев это рекорд последних лет. Среди прибывших — хасиды из США, Великобритании, Канады и Израиля. Их видно буквально всюду (...) Жители Лелюва дружелюбно настроены по отношению к хасидам, начинают интересоваться их культурой. Многие евреи остановились в домах жителей Лелюва». *(«Дзенник», 2 февр.)***

■ Збигнев Холда, профессор краковского Ягеллонского университета, член правления Хельсинского фонда по правам человека: «Вот парадокс. Израиль считает Польшу благоприятной для евреев страной. Отношения между нашими государствами очень хорошие, и сами евреи считают, что в Польше могут чувствовать себя в безопасности. Со времени нашего вступления в ЕС многие граждане Израиля обратились за польскими паспортами. Еврейский бизнес делает капиталовложения в нашей стране. Развивается туристический обмен. Многие поляки живут в Израиле, часто нелегально, но их там принимают и любят. Во многих других странах критика политики Израиля носит антисемитский характер, а у нас такого нет — в этом принципиальная разница. Мифического еврея мы не любим и говорим о нем неприязненно, но израильтян и их государство ценим и уважаем». *(«Жечпосполита», 15 янв.)*

■ **«Согласно опросам, опубликованным еврейской Лигой по борьбе с диффамацией, более трети европейцев возлагают на евреев ответственность за финансовый кризис. В Польше этот показатель доходит до 50%». *(«Дзенник», 12 февр.)***

■ «Скандал в Познанском университете им. Адама Мицкевича. После драки, завязавшейся во время вручения медали «Праведник среди народов мира», задержаны трое анархистов, а израильтянин отправлен в больницу». *(«Жечпосполита», 15 янв.)*

■ **«Общество юридического вмешательства представило отчет о дискриминации иностранцев. Из него следует, что полицейские планомерно отказываются принимать заявления о побоях и воров-**



стве, жертвами которых становятся иностранцы, а школы отказываются принимать детей из-за границы». *(«Жечпосполита», 21 янв.)*

▮ «Опросы ЦИОМа, проведенные в конце 2008 г., показывают, что 68% опрошенных не ощущают угрозы преступности, а 87% чувствуют себя в безопасности в месте своего проживания, хотя такую угрозу чаще считают реальной жители крупных городов (55%), чем маленьких городов и деревень». *(«Жечпосполита», 27 янв.)*

▮ **«Только на этой неделе и только в Полесье от рук браконьеров погибли три лося и два оленя. Животных помельче даже не сосчитать. Польша — это рай для браконьеров (...) На всю страну — только 50 охранников (...) Часто им на помощь приходят охотники. В начале января они поймали под Пловцами агентов Центрального следственного управления, которые подозреваются в нелегальном отстреле фазанов». *(«Дзенник», 21 янв.)***

▮ «Совет гмины Бяловежа принял постановление о том, кто должен следить за порядком в Беловежской пуще. В нем сказано, что лучше всего было бы, если бы хозяевами там были лесники, потому что в лесу, оставленном без присмотра, то есть без вырубки, становится опасно. Туристу в такой лес лучше не входить, так как что-нибудь может свалиться ему на голову (...) Устранять опасность при помощи вырубки деревьев — это метод соблюдения правил безопасности, применяемый местными властями Вармии, Мазур, Поморья и Люблинского региона. Люди разбивают о деревья автомобили — значит, вырубим деревья (...) Ведь человеческая жизнь важнее, аргументируют они, хотя всем ясно, что речь не о людях, а о прибыли от продажи древесины». *(Адам Вайрак, «Газета выборча», 31 янв. — 1 февр.)*

▮ **««Лукойл» отказался от строительства топливной базы в гмине Наревка (...) Расстояния в 6 км от Беловежской пущи и 10 км от границы национального парка оказалось достаточно, чтобы экологи, натуралисты и кто там еще забили тревогу (...) И от инвестиции в гмине отказались. А для бедной гмины она значила много. Ежегодно в кассу поступал бы миллион злотых налога — это больше, чем платят все тамошние крестьяне вместе взятые (...) Работу на базе получили бы 50 человек». *(Михал Болтрык, «Пшеглёнд православный», январь)***

▮ «В Люблине открывается первый в Польше приют для экзотических животных. Такие места должны быть по всей Польше, потому что у нас всё больше брошенных питонов, тарантулов и скорпионов. Ежедневно на территории всей Польши в полицию поступают вызовы, связанные с экзотическими животными (...) Экзотариум открывается при приюте для собак (...) Там найдут пристанище до тысячи животных. Уже сегодня их там тридцать (...) «Я в ужасе от масштабов этого явления», — говорит Бартек Гожковский, люблинский террариумист и один из создателей экзотариума». *(Якуб Хелминский, «Дзенник», 22 янв.)*

▮ **««Птицы, разбивающиеся о дома, — обычная проблема польских городов», — говорит Вальдемар Красовский из общества «Aviangarda», занимающегося, в частности, отловом и охраной заблудившихся диких птиц. Освещенный большой город опасен для них даже издалека: его зарево затмевает свет звезд, на который ориентируются перелетные птицы. Видя это зарево, птицы кружат вокруг него и не могут выбраться из его зоны (...) Между тем достаточно было бы заменить выпуклые фонари, рассеивающие свет в стороны, на плоские, светящие сверху вниз». *(Эмилия Вебер, «Дзенник», 20 янв.)***

▮ Анджей Ягушевич, главный инспектор охраны окружающей среды, вице-президент Европейского агентства окружающей среды, один из основателей Института окружающей среды: «Единственное воеводство, в котором уровень запыленности воздуха соответствует нормам ЕС, — Варминско-Мазурское (...) Главный источник загрязнения воздуха — домашние хозяйства. Поскольку газ быстро дорожает, всё больше людей переходит на отопление сравнительно более дешевым углем (...) В довершение всего в печах сжигают заодно и хозяйственный мусор. Всё в большей степени загрязняют воздух и автомобили — миллионы антиэкологических драндулетов, которые мы за последние годы привезли из-за границы (...) Европейские нормы ужесточаются раз в несколько лет. Поэтому хотя мы и делаем для природы всё больше, но всё равно остаемся в хвосте (...) Заводы продолжают портить экологию, хоть и не так, как полтора десятка лет назад (...) С 1 мая 2004 г. владельцы предприятий обязаны предотвращать и ликвидировать загрязнения интегральным образом, т.е. так, чтобы предусмотреть их влияние на все аспекты окружающей среды, а не только на атмосферу. С этим у нас всё еще проблема. Из 3 тыс. предприятий, признанных наиболее вредными, более двухсот до сих пор не получили т.н. разрешения на использование окружающей среды. Согласно директиве ЕС, они должны были получить его до конца октября 2007 года». *(«Политика», 10 янв.)*

Адам Кшеминский

ПОЧЕМУ ПОЛЯКИ ЗАЩИЩАЮТ ГРАССА

Лекция, прочитанная 18 июля 2008 года в Доме им. Гюнтера Грасса в Любеке

Хотя в Польше говорят, что немцев и поляков объединяет тысяча лет борьбы друг с другом, но одновременно мы тысячу лет близкие соседи. В этом легко убедиться, заглянув в телефонные книги. В польских книгах множество фамилий немецкого происхождения, а в немецких — польского. В Берлине здание Рейхстага стоит на месте, где был когда-то дворец Рачинских, в Варшаве польскими королями были два немца (если саксонцы — это немцы). И все же, если между повседневной культурой польского и немецкого аристократа, мещанина или рабочего не было слишком большой разницы, то наши высокие культуры разошлись между собою веке этак в XVII-м. И сходятся только несколько последних десятков лет...

■ 1.

Знатоки «прикладного влияниеведения» возмутятся таким тезисом. Приведут длинные списки переводов немецкой литературы на польский язык и польской — на немецкий. Раскопают в немецких журналах самые мелкие корреспонденции из Польши или в польских из Германии в XVIII веке. Перечислят польские мотивы у немецких писателей и немецкие у польских. Тем не менее, размышляя в варшавской, познанской, берлинской или кельнской библиотеке над польско-немецким соседством последних нескольких сот лет, легко представить себе список так и не произошедших польско-немецких встреч, несостоявшихся — знаменательных для польской и немецкой интеллектуальной жизни — диалогов поэтов и мыслителей, исторических деятелей или внимательных хроникеров своего времени.

С кем и как, например, говорил бы Лейбниц о совершенствовании Европы и Речи Посполитой, если бы во времена Собесского все-таки решился проехать через Польшу в Петербург или хотя бы в Ливонию, в то время как его единственный хороший польский знакомый, Станислав Лубеницкий, признанный (как социанин) изменником, вынужден был покинуть Польшу?

Как родившийся неподалеку от Гданьска путешественник Георг Форстер, тот самый, который с профессорской кафедры в Вильне бросил в мир ставшие расхожими слова о «польском бардаке» («*polnische Wirtschaft*»), а затем вместе с Куком обогнул земной шар, разговаривал бы в 1793 г. с Тадеушем Костюшко, польским генералом, который, как прусский генерал Штойбен, поддержал американцев в их освободительной войне против Великобритании? Теоретически они могли тогда встретиться в Париже. Форстер как «рейнский якобинец» выступал за присоединение «Республики Майнц» к революционной Франции, а Костюшко хлопотал о помощи для готовящегося в Польше восстания против русских захватчиков. Случись, однако, им встретиться в какой-нибудь парижской *brasserie*, едва ли они нашли бы что сказать друг другу. А ведь могли «parler» между собой не только по-французски, но и по-немецки, по-английски, а возможно, и по-польски. И этой немоты не отменит факт, что немецкие поэты — например Людвиг Уланд — воспевали потом Костюшко наподобие Че Гевары своей эпохи, а фраза *«finis Poloniae»* («конец Польше»), хотя бы благодаря Готфриду Бенну, прочно вошла в немецкую литературу. Вот только Костюшко ее не произносил, поскольку, когда русские взяли его в плен на поле битвы, был ранен и без сознания.

Равно и Генрих фон Клейст с Генриком Домбровским не сумели бы понять друг друга, хотя в доме польского генерала говорили по-немецки. Но Домбровский преклонялся перед Наполеоном, а прусский поэт-офицер его ненавидел, прославлял отказ от выполнения приказа, а в вожде германских херусков, который уничтожил в Тевтобургском лесу римские легионы, видел не столько того, кто сумел приостановить две тысячи лет назад расширение на восток римского НАТО и римского

Евросоюза, сколько немецкого народного героя, задавшего трепку французскому «наследственному врагу». Клейст, который, вопреки прусскому воинственному пафосу, совершил самоубийство, ибо «ничто на этом свете уж не могло ему помочь», нашел бы не слишком много общих тем для разговора с создателем польских легионов в наполеоновской армии. Слишком уж разными были их взгляды и горизонты, чтобы оказаться в состоянии вслушиваться в то, что говорит собеседник.

Или же вот музыкант и исполненный фантазии поэт, которому мы обязаны «Щелкунчиком», «Серапионовыми братьями», «Котом Муром»... Его не слишком занимало некое польско-немецкое будущее, но более — то настоящее, в котором главенствовала Пруссия. А тот факт, что его за карикатуры на прусских офицеров власти выслали из Познани — в недавно ставшие прусскими Плоцк и Варшаву, поляков уже не тешит. Довольно, что Варшава признательна ему за участие в основании до сих пор существующего Музыкального общества. Да и нет никаких доказательств, что Э.-Т.-А.Гофман вел вечерами какие-либо глубокие дискуссии с местными поляками. Известно, что за стаканчиком вина он придумывал польским евреям фантастические немецкие фамилии. И женат был на польке...

Список несостоявшихся диалогов наших поэтов и мыслителей можно сколь угодно долго продолжать. Карл Дедециус в своем изощренном анализе визита молодого Адама Мицкевича к престарелому Гёте показывает, что орбиты этих небесных тел, собственно, и не пересекались.

Даже первичное сравнение Пушкина, Мицкевича и Гёте показывает, насколько можно оказаться не-современниками в одной и той же эпохе и насколько по-разному Дух и Власть — если вообще допустимо обращаться к этой метафоре — могут относиться друг к другу. Гёте — великий консерватор, который наблюдал за битвой под Вальми со стороны интервентов, тайный советник в княжестве, где нельзя было порядочно разогнать скакуна, чтобы не уткнуться в границу какого-либо из соседних крохотных государств, но одновременно человек свободный. Пушкин — рвущий удила дворянин, который необъятную державу царей считал огромной клеткой и только лишь раз оказался по ту сторону границы, да и то тогда, когда по обе стороны стояли русские солдаты, поэт, ластящийся к царю и нападающий на своих польских друзей, ибо так ему приказывала верность своему государству, но несмотря на это хладнокровно убитый в результате придворной интриги. И, наконец, Адам Мицкевич — польский изгнанник из Литвы, бесприютный в России, мимолетом в Дрездене, эмигрант в Париже, умерший в конце концов в Константинополе, где во время Крымской войны он пытался формировать польский и еврейский легионы.

У каждого были свои отношения с властью: Гёте — немецкий «князь поэтов» и министр карликового княжества, Пушкин — незадачливый имперский придворный, и Мицкевич — поэтический глас лишенного государственности народа. Он нарушил обязательство сотрудничать с тайной полицией и улизнул из-под царского присмотра. Тот факт, что его «офицером-куратором», как бы сегодня сказали, была польская графиня, его (а скорее всего, и Пушкина) любовница, придает его возможной замешанности в сотрудничество с захватчиками дополнительную пикантность. Но не только с Гёте, даже с Гейне трудно было бы Мицкевичу обнаружить родство душ, хотя оба были эмигрантами и даже какое-то время жили в Париже, и на одной улице. Пусть и встретились бы как-то в парижском салоне на концерте Шопена, но на том бы все общение и окончилось.

История несостоявшихся польско-немецких диалогов длинна. Что могли сказать друг другу Густав Фрейтаг и Генрик Сенкевич? Прусский национал-либерал и тайный советник своим прославленным романом «Приход и расход» сформировал представление нескольких поколений немецкой бюргерской молодежи о трудолюбивых немцах, жадных евреях и не способных создать современное государство поляках. Сенкевич же своими романами «крепил сердца» лишенных государства поляков, напоминая им о былом величии. Если бы, в соответствии со своим высоким общественным положением, они договорились о встрече в одном из лучших берлинских ресторанов, то и тут не нашли бы общего языка. В конечном счете, они утверждали непримиримую борьбу соседних культур.

Столь же решительное «против» встретил бы Фрейтаг со стороны еще одного польского нобелевского лауреата, Владислава Реймонта. В его «Земле обетованной» можно усмотреть прямую конфронтацию с «Приходом и расходом». В том же самом немецко-польско-еврейском раскладе предпринимателей Реймонт совершенно по-иному расставил акценты. Они могли бы долго спорить.

Правда, когда Реймонт заявил о себе, Фрейтаг уже умер. Но все же встретились — на киноэкране. В одном и том же 1927 г. в Польше сняли фильм «Земля обетованная», а в Германии — «Приход и расход». Полувеком позже они были на волосок от нового столкновения. В 1977 г. Райнер-Вернер Фассбиндер хотел заново экранизировать Фрейтага — возможно, как ответ на «Землю обетованную» Анджея Вайды 1974 года. Но тогда в немцах было слишком сильным неприятие антисемитских и антипольских предубеждений Фрейтага. Спор двух кинорежиссеров не состоялся.

Зато легко можно представить углубившуюся в разговор другую польско-немецкую пару: Теодора Фонтане и Болеслава Пруса. Поляк в молодости участвовал в восстании против русских захватчиков Польши. Потом он в своих повестях и романах высказывался в пользу «органической работы», модернизирующей польское общество, высоко оценивал прусский прагматизм и трудовую этику. Прусский же потомок французских гугенотов находил в себе некоего рода симпатию к прусским полякам, но, как он описал это в своей книге «Перед бурей», после наполеоновских войн не слишком понимал, каким же образом два соседних народа могут наладить взаимоотношения. И все-таки, в отличие от Фрейтага, он не впадал во время бисмарковского культуркампфа в антипольскую риторику.

И в первой половине XX века список несостоявшихся польско-немецких диалогов не короток, хотя оба соседа должны были начать открывать друг друга заново. Это понимал Гарри Граф Кеслер — знаменитый свидетель своего времени, друг Эйнштейна и Вальтера Ратенау. Он поехал в Магдебург, где вел долгие разговоры с интернированным Юзефом Пилсудским. После этого охотно принял роль первого посла Германии в возрожденной Польше. Но уже через месяц обе стороны дали ему понять, что не ищут посредников, так как тектонические плиты польско-немецкого соседства сталкивались, а не дополняли друг друга.

Трудно обвинить писателей в том, что они не нашли ключа к соседству, не призывали к единению, не искали общности интересов, не противостояли пропаганде, призывавшей одну сторону ликвидировать «сезонное государство», а у другой растравлявшей многовековые обиды. Жаль, однако, что этого ключа не искали.

Были единицы, кто пробовал, — с ничтожным результатом. Во время своей (во всяком случае, предпринятой) «Поездки по Польше» (1925) Альфред Дёблин заметил немногое из «духовной ситуации эпохи» в новом государстве. Описал впечатления, сделал хорошие зарисовки польской провинции, еврейских местечек, великосветских приемов в фешенебельных ресторанах. Однако ему и в голову не пришло посетить Стефана Жеромского, который получил от народа квартиру в Королевском замке. А годом ранее своим новым романом вызвал в стране стихийную дискуссию о подведении итогов независимости. Если бы автор книги «Берлин, Александерплац» спросил своих польских собеседников, какая книга воспламеняет думы польской интеллигенции, ему наверняка сказали бы, что это «Канун весны» и что следует побеседовать с автором, поскольку это литературный praeceptor Poloniae. Но Дёблин не спросил, ибо отправился в путешествие по Польше, а не в Польшу... Подобным образом и Томас Манн во время своего короткого визита в Варшаву посетил не столько Польшу, сколько некий бесформенный Восток, раз в польском ПЕН-клубе решил выступить с речью о русской литературе. Тема «Польша и Германия» любекскому патриарху как-то тогда и в голову не пришла.

Это знаменательное безразличие к соседу было на короткий момент прервано, когда во время belle époque, а именно перед Великой войной, Станислав Пшибышевский в кружке Стефана Георге демонстрировал свою магнетическую силу. Во время же межвоенных польско-немецких кризисов немота писателей оказывалась более сильной, нежели способность к живому диалогу. Я здесь не пытаюсь обрисовать историю польско-немецких отношений в XX веке или литературных влияний — например, следов восхищения Томасом Манном у Ярослава Ивашкевича или Марии Домбровской. Не останавливаюсь и на пропаганде ненависти к соседу, идущей от тех членов Имперской литературной палаты Рейха, которые в 1940 г. живописали в прозе издевательства над немцами в довоенной Польше.

Отмечу всё же многозначительный факт, что в нашей общей истории было не слишком много примеров диалога польских и немецких писателей — противников Гитлера, хотя после 1933-го из нацистской Германии эмигрировало, причем не только по «расовым причинам», около тридцати тысяч представителей творческой интеллигенции — от левых до консервативных либералов, а после

1939 г. сначала в Париже, а затем в Лондоне размещалось польское эмигрантское правительство. Но я не знаю ни одного примера принципиального польско-немецкого разговора находящихся в эмиграции коллег-писателей на тему взаимного соседства. Не случился он ни в калифорнийском Пэлисэйдз, где Томас Манн писал свои выступления для немецких слушателей, ни в Лондоне, где находился Себастьян Хафнер, ни в Латинской Америке, где осели как Витольд Гамбрович, так и Стефан Цвейг или Анна Зегерс. И тем более не состоялся разговор в Москве, где ни одному из немецких коммунистов, дрожавших за свою жизнь в гостинице «Люкс», не пришло бы в голову заговорить с кем-то, даже с Вандой Василевской, о будущем этого соседства. Еще в 1948 г. Иоганнес Р. Бехер, в будущем министр культуры ГДР, отказался приехать на конгресс культуры во Вроцлав, обосновав свое решение тем, что в Бреслау поехал бы, а во Вроцлав — нет...

Да, после создания ГДР сталинисты говорили о дружбе народов, восточногерманская пресса нахваливала «варшавские темпы» восстановления, но сталинистский диалог поэтов и писателей шел со скрипом. Во время гастролей театра Брехта в Варшаве в 1952 г. польские театралы обрушились на него за формализм. В свою очередь немецкие сталинисты не разрешали публикацию освенцимских рассказов Тадеуша Боровского, усматривая в них нигилизм.

Но и на Западе после 1945 г. поначалу было не слишком много польско-немецких диалогов. Правда, Ежи Гедройц, редактор парижской «Культуры», направил в ноябре 1945 г. Ежи Стемповского в американскую оккупационную зону в Германии и Австрии. Тот вернулся с замечательными путевыми заметками, но все же это еще не был диалог. Стемповский, как ранее Дёблин в Польше, уловил настроения, но не добрался до тех молодых немцев, которые вскоре сумели осуществить в своей стране нравственный переворот, — таких как Борхерт, Бёлль, Андерш, Рихтер... Были очевидные причины, по которым он с ними разминулся: некоторые еще находились в плену, да и Стемповский был не из победителей. В оккупационные зоны он въехал нелегально и уж никак не мог свободно выбирать собеседников. Описывал лишь то, что увидел...

Только после октября 1956-го, когда после восстания рабочих в Познани и — в отличие от Венгрии — наполовину выигранного осеннего противостояния с Москвой, Польша обеспечила себе некоторые свободы в рамках восточного блока и определенное уважение на Западе, мог начаться польско-немецкий диалог писателей в рамках того, что возможно и невозможно: то есть «голубиной почты» над «железным занавесом» или уже непосредственных встреч по ту либо эту сторону польско-немецкой границы.

В ФРГ возможность диалога обеспечили такие замечательные переводчики, как Карл Дедециус, и такие влиятельные публицисты, как графиня Марион Дюнхоф или Клаус фон Бисмарк. Однако очень быстро символом этого диалога, более интенсивного, чем когда-либо, стал поэт и прозаик Гюнтер Грасс.

■ 2.

С немецко-кашубскими корнями, родом из Гданьска, он утратил после войны свою малую родину, а затем, в Западной Германии, одними был назван совестью нации, а другими — порнографом, марающим собственный дом, ибо говорил своим соотечественникам неуютную правду. Иногда он неизящно мыслит, а иногда самонадеянно раздает тумаки направо и налево и нередко сам их получает. Он поддерживал канцлера Германии, а потом его критиковал, после чего снова с ним соглашался. Берлинскую стену он сделал более проницаемой, навещая своих коллег-писателей из ГДР, демонстративно игнорируя дотошность тамошней охранки, а заодно проверяя, живы или нет гэдээровские сталинисты. Этот гданьский писатель содействовал нормальному польско-немецкому диалогу больше, чем кто-либо другой за прошедшие полвека.

Путешествие 1958 года через Варшаву в Гданьск, которое Грасс предпринял, чтобы собрать материал для «Жестяного барабана», не было лишь поверхностным обновлением памяти. Существует история, как польский критик, который вскоре должен был стать в Западной Германии «Папой литературы», в варшавском отеле «Бристоль» бдительно опознал никому еще не известного западногерманского писателя как «болгарского шпиона». Известна их пикировка, длящаяся целые десятилетия. Однако это лишь не имеющий существенного значения декор эффектного возвращения бездомного — в определенном смысле — писателя в город его детства и молодости.

Это возвращение Гюнтера Грасса в город, который теперь называется Гданьск, а не Данциг, началось как раз полвека назад, но по-настоящему случилось летом 2006 г., когда польские жители Гданьска стояли стеной за «своего Грасса», автора «гданьской трилогии», который подвергся, и не только в Германии, массированному остракизму после своего запоздалого признания, что осенью 1944 г. был призван в войска СС.

Польские жители города тогда посменно несли вахту у отлитой из бронзы фигуры Оскара Мацерата — героя «Жестяного барабана». Были рядом с писателем, который ввел как Данциг, так и Гданьск в мировую литературу, когда местные же «Неприсоединившиеся» требовали от лауреата Нобелевской премии по литературе отказаться от присвоенного ему ранее звания почетного гражданина города Гданьска. Признание, которым пользовался в Польше немецкий писатель, многих давно раздражало, ныне же они перешли в наступление. Но позиция поляков Гданьска была определенной: ее подтвердили не только опросы, но и результат местных выборов, которые выиграл тот президент города, что отважился вести дружеский диалог с Грассом на тему его прошлого, отказавшись от безоглядных нападок.

Впервые! Впервые в новейшей европейской истории столь выразительно заработали сообщающиеся сосуды немецко-польского диалога. Впервые поляки так действенно повлияли на ход внутригерманского спора. После польской поддержки у немецких противников Грасса кончились боеприпасы. Это не значит, что прекратились частные выпады коллег-писателей или критиков, — неприязнь добавляет пикантности литературному пирогу, но существенного значения не имеет. И не имеет значения для оценки творчества гданьского писателя. Сегодня понятно, что его облик, в сущности, не пострадал — при всем знании его слабостей, при всех хитрых маневрах и недосказанностях, чем можно попрекнуть каждого. Это доказало торжественное празднование восьмидесятилетия автора «Жестяного барабана» в октябре 2007 г., прошедшее в гданьском Дворе Артуса, и публичные дебаты Гюнтера Грасса, Леха Валенсы, Рихарда фон Вайцзеккера и Стефана Меллера, то есть двух гданьских нобелевских лауреатов и почетных граждан города, двух бывших президентов государств и одного бывшего министра иностранных дел.

Этот юбилей был не сентиментальным чествованием местного писателя, но проявлением исторического поворота в жизни Европы, к которому Гюнтер Грасс причастен своей многолетней работой. Здесь нет преувеличения, так как польско-немецкие отношения имели и имеют для Европы кардинальное значение, даже если по сей день многие немцы не хотят об этом слышать. Со времен разделов Польши в XVIII веке, пишет Август Хейнрих Винклер в своей истории Германии «Долгий путь на Запад», «немецкий вопрос», то есть проблема национального объединения, был неразрывно связан с «польским вопросом» — обретением независимости. (...)

Польскому спору о Грассе уже полвека. Начался он, когда «Политика» напечатала первые фрагменты «Жестяного барабана» — кажется, еще до выхода книги в ФРГ. Затем двадцать лет оттягивали польское издание. Цензуру тревожили изнасилования немецких женщин красноармейцами и гротескный образ защитников польского почтамта. В результате «Барабан» появился в 1979 г. в самиздате, опубликованный НОВой, и лишь в 1983-м — официально, выпущенный ПИВом (Госиздатом). Но Грасс к тому времени уже давно вошел в польское литературное сознание, а наша «папесса литературы» Мария Янион на своих семинарах даже называла Грасса «недостающим звеном польской литературы». Так что немецко-кашубский автор из Гданьска заполнил своей повестью брешь в ***польской*** литературе! И это правда, если учесть, что живущие сегодня в Гданьске писатели кружным путем, через Грасса, начали открывать польско-немецкое прошлое своего города... Тем самым Грасс стал в Польше чем-то вроде маяка, путеводной звезды, даже если моряки сами должны выбирать свой маршрут...

Печатается в сокращении.

twórczość

Виктор Кулерский

МЫ НЕ БЫЛИ УВЕРЕНЫ В ЗАВТРАШНЕМ ДНЕ

В мае 1987 г. мне сообщили, что находящийся в Варшаве Збигнев Бжезинский хотел бы встретиться с лидерами «Солидарности». Перспектива воистину небывалая: всего полгода назад из тюрем вышли мои товарищи, после чего еще несколько (из тех, кого спецслужбам так и не удалось заполучить, хотя они охотились за нами в течение пяти лет), в том числе и я, вышли из подполья. Таким образом, не признанная режимом и потому считавшаяся нелегальной Региональная исполнительная комиссия «Солидарности» в Мазовии снова была в сборе и официально (а также демонстративно) перешла к открытой деятельности. Однако в подполье продолжали оставаться все остальные профсоюзные, парапрофсоюзные и сотрудничавшие с профсоюзом структуры — вся издательская часть, включая полиграфию и сеть распространения, радио «Солидарность» вместе с его технической базой, система внутрипольской и внешней связи, а также всяческие общественные комитеты, действовавшие в самых разных областях (образования, культуры, науки, медицины, права), не говоря уже о различных местных оппозиционных инициативах. Переход руководства НСПС «Солидарность» к открытой деятельности означал решимость вернуть профсоюзу право на существование и в то же время был еще одним протестом против объявления его вне закона после введения военного положения в 1981 году. Однако выход из подполья означал постоянную слежку, проверки спецслужб, задержания и, в конце концов, следствия по факту «участия в деятельности незаконной организации, именуемой Региональной исполнительной комиссией», как значилось во врученных нам документах. Вдобавок нас наградили редким в странах реального социализма статусом безработных, так как после увольнения с наших предприятий в 1982 г. нас не могли принять ни на одну работу. Вся эта ситуация делала встречу с Бжезинским чем-то совершенно необычайным. Я сомневался, состоится ли она. Госбезопасность могла не пропустить нас на место, могла запугать хозяев квартиры, где должна была состояться встреча, могла, наконец, разогнать саму встречу. Хотя не исключено, что уже тогда где-то в верхах нам дали зеленый свет, продолжая травлю в низах.

Встреча состоялась и приняла неожиданный оборот. В какой-то момент беседы Бжезинский прямо спросил: «Ну хорошо, а вы будете разговаривать с коммунистами?» Указывая пальцем, он спрашивал по очереди каждого из нас. Ответы на этот неожиданный вопрос были разными. Когда очередь дошла до меня, я сказал: «Нет. Существование и деятельность подполья — это постоянное давление на режим, способное вынуждать его к уступкам. Мы разменная монета тех, кто будет вести переговоры по вопросу возобновления легального статуса «Солидарности», — Валенсы, Геремека, Мазовецкого, Стельмаховского, Ольшевского и других. Мы должны оставаться в подполье». Честно говоря, это была отговорка. Легальный статус «Солидарности» был нашей целью. Но ею и ограничивалось на тот момент наше политическое воображение. У меня не было желания совещаться с коммунистами ни по этому, ни по какому-либо другому вопросу. Если были другие, кто мог и хотел разговаривать с коммунистами, тем лучше для меня. Впрочем, они, вероятно, смотрели на это с другой точки зрения, были лучше подготовлены и могли это сделать толковее, чем я.

Не прошло и полугода, как 6 февраля 1989 г. начались переговоры за «круглым столом», а 22 февраля я уже покорно шагал на переговоры с коммунистами. Как члена созданного 18 декабря Гражданского комитета при председателе «Солидарности» Лехе Валенсе меня определили в подгруппу по вопросам просвещения, высшего образования, науки и технического прогресса, образованную при группе по во-

просам политических реформ, которую от нас возглавлял Бронислав Геремек, а с партийно-правительственной стороны — Януш Рейковский. Видимо, наша верхушка решила, что в тогдашней ситуации одновременное функционирование в двух мирах — подпольном и «наземном» — допустимо, а может быть, даже желательно. Гражданский комитет при Лехе Валенсе был тогда органом весьма авторитетным, так как в нем состояли такие известные и уважаемые фигуры, как Анджей Вайда, Бронислав Геремек, Лешек Колаковский, Витольд Лютославский, Тадеуш Мазовецкий, Густав Холоубек, Марек Эдельман... Комитет действовал явно, хотя собирался и совещался в подвалах церкви Милосердия Божия на Житной улице. Он был важным шагом на пути к полноправному, явному, официальному и легальному существованию «Солидарности». Хотя в формально-юридическом смысле «Солидарность» не существовала и режим тщательно избегал даже этого слова, власть все же молчаливо мирилась с ее деятельностью.

Пленарные заседания «круглого стола», а также отдельных групп и подгрупп проходили во Дворце наместника. Следует признать, что интерьер бывшей резиденции царских наместников, несмотря на скверные ассоциации, был намного симпатичнее кабинетов допросов и камер в полуподвалах отделений милиции. А как же те, с кем нам пришлось разговаривать, — представители т.н. «партийно-правительственной стороны»? Ну что ж, мне вспоминается один из гэбэшников — молодой, красивый, образованный, умный и даже довольно симпатичный, во всяком случае производящий такое впечатление. В какой-то момент он спросил меня:

— Кажется, в прошлом вы уже имели дело с нашей фирмой?

— Так получилось, — ответил я.

— Ну и как вам сейчас по сравнению с первым контактом? — спросил он.

— Гораздо лучше, — сказал я, и это соответствовало действительности. Наши собеседники старались играть роль гостеприимных хозяев дворца, как будто с них спала прежняя спесь и надменность аппаратчиков, которые я хорошо знал по временам, предшествовавшим военному положению, не говоря уже о более ранних. Казалось, они стали обычнее, нормальнее, вежливее. За столом переговоров — тоже. Как заметил Тадеуш Мазовецкий, «они не ожидали, что мы откажемся от своих принципов, а мы не ожидали, что они извинятся за военное положение. Каждый оставался при своем мнении и сохранял свое лицо. Было даже странно, что мы сели за стол переговоров, но мы сели обсуждать не то, в чем не согласны, а то, что у нас могло быть общего» *(Тадеуш Мазовецкий о «круглом столе» // «Газета выборча», 2009, 6 февр.)*.

За «круглым столом» обсуждались и решались самые важные вопросы. Как выразился Мазовецкий, «было ясно, что с Польшей нужно что-то делать». До нас, занятых менее значительными делами на заседаниях разных «столиков», от этих переговоров доходило немногое. Огромное количество времени мы должны были посвящать консультациям и подготовке в перерывах между четырьмя днями переговоров: 22 февраля, 1 марта, 3 марта и 10 марта. Как справедливо заметил Владислав Фрасынюк, «мы не были готовы к этим переговорам, потому что тюрьма и подполье к переговорам не готовят» (*Адам Лещинский. Неосуществимый «круглый стол» // «Газета выборча», 2009, 6 февр.*). Это обнаружилось, в частности, в критический момент столкновения на почве одного из ключевых в то время вопросов образования — обязательного «социалистического воспитания». Мы хотели упразднить его — отчасти потому, что любая претензия к учителю в этой области ставила его в заранее проигрышное положение. Очевидным и единственным экспертом тут могла быть только партия, то есть заинтересованная сторона. Между тем для партийно-правительственной стороны это был вопрос престижа. «Ведь это прекрасные принципы, — возражали они, — а что вы дадите учителю взамен? Чем он должен руководствоваться? Что должно быть для него воспитательным идеалом? Какие принципы он должен впаивать учащимся и в каком духе их воспитывать?» У нас не было ответа. Долгое время мы переглядывались в молчании, которое становилась все более тягостным. Тогда мне вспомнился эпизод из моего учительского прошлого. Я хотел ввести в общую воспитательную практику Всеобщую декларацию прав человека, однако оказалось, что ее текст в ПНР недоступен. Она никогда не поступала в продажу, и ни в книжных магазинах, ни в библиотеках я не мог найти не только самой декларации, но и информации о том, что она когда-либо была в Польше опубликована. В конце концов я нашел ее в виде... цитаты! Именно таким образом она была напечатана в статье о. Вильгельма Дорожинского «Права человека» в католическом

ежемесячном журнале «Знак» (ноябрь-декабрь 1968). Но в социалистической школе пользоваться католическим журналом было рискованно. А потом я получил невероятный подарок — два оригинальных экземпляра брошюры «Всеобщая декларация прав человека», напечатанной в 1963 г. в Лодзи Государственным научным издательством (ПВН) микроскопическим тиражом, предназначенным исключительно для пээнэровских дипломатических представительств. Несколько экземпляров этой брошюры были украдены из типографии. Они были уникальны. Мало кто в стране знал, что такая публикация вообще существовала. Память о том событии была как озарение. Я рискнул сымпровизировать. Стараясь справиться с дрожью в голосе, я посмотрел на преждевременно довольных собой собеседников и сказал: «Всеобщая декларация прав человека». Не знаю, вздохнула ли с облегчением наша группа, но мне показалось, что да. «Ну-у-у... да», — представители другой стороны неуверенно переглядывались. Воспитание в духе Всеобщей декларации прав человека. Согласно ее принципам. С этим было трудно не согласиться, а еще труднее было бы это потом объяснить. Так и получилось, что в «Позиции подгруппы по вопросам просвещения, высшего образования, науки и технического прогресса» появился пункт: «Воспитательный профиль школы должен опираться на принципы конституции и Всеобщей декларации прав человека, что допускает выражение всех не противоречащих ей ценностей». К этому было прибавлено: «Институциональное влияние политических партий на воспитательный и образовательный процесс будет осуществляться исключительно через государственные представительские органы (Сейм, народные советы)» *(Соглашения «круглого стола», Варшава, 6 февраля — 5 апреля 1989. Изд. НСПС «Солидарность», Варминско-Мазурский регион, 1989)*. Мне было даже трудно поверить, что это произошло. Я был рад. Я был рад, потому что это означало такие далеко идущие изменения в школьной действительности, о которых раньше я не смел и мечтать. Это означало реформы, идущие дальше и глубже, чем еще недавно казалось возможным. Понемногу я начинал в это верить.

Слева направо: Ч.Кищак, Б.Геремек, епископ А.Оршулик и Л. Валенса

В то же самое время в группе по политическим вопросам было принято решение несравненно более важное, собственно говоря, самое важное. Это были не реформы, а основы нового политического устройства внутри уже пустой, истлевшей до основания и рассыпающейся скорлупы режима. Значительно позже то, для чего раньше не только не было названия, но что превосходило фантазии многих из нас, назвали преобразованиями. Именно там и тогда начали вырисовываться первые контуры Третьей Речи Посполитой. 5 апреля 1989 г. обе стороны подписались под постановлениями, которые полностью и необратимо изменили нашу действительность, придавая «круглому столу» непреходящее значение и почетное место в истории: 1) на выборах в Сейм (которые прошли уже 4 июня) мандаты должны быть распределены следующим образом: 65% для партии и формирований-сателлитов, 35% — «для независимых групп граждан», что на практике означало «Солидарность»; 2) воссоздание второй палаты парламента, Сената, выборы в который «не ограничены никаким соглашением о разделении мандатов»; создание поста президента, избираемого двумя объединенными палатами парламента, т.е. Национальным собранием (ранее избирался на всеобщих выборах); 3) создание Национального судебного совета, стоящего на страже независимости судов. Была достигнута и цель, которая все долгие годы подпольной деятельности была для нас самой важной, — легализация «Солидарности». Это был единственный важный вопрос, в счастливом решении которого мы уже не сомневались. Для этого была создана отдельная группа, осторожно названная группой по вопросам профсоюзного плюрализма, во главе которой стояли будущий президент Польши Александр Квасневский и будущий первый некоммунистический премьер-министр Тадеуш Мазовецкий.

20 лет спустя президент уже свободной Речи Посполитой Лех Качинский (тогда член группы по вопросам профсоюзного плюрализма) скажет: «В январе того года мы еще не были уверены в завтрашнем дне» *(Лех Качинский. Польша, год 89-й // «Жечпосполита», 5 февр.)*.

Эдвард Бальцежан

АНДЖЕЙ БУРСА В БОЛЬНИЦЕ МИРА

Аналитические исследования, посвященные Анджею Бурсе (1932-1957), зачастую сосредотачивают внимание прежде всего на мотивах нигилистического бунта в произведениях этого молодого, преждевременно умершего поэта. Нигилизм представляет собой отсутствие каких бы то ни было положительных ценностей. Однако я считаю, что поэтическое творчество автора «Луизы» в целостном рассмотрении — отнюдь не манифестация нигилизма. Бурса использует жесткие средства эмоциональной провокации, но при этом скрупулезно разделяет то, что вызывает в нем отвращение, от того, что он желал бы во что бы то ни стало спасти. Согласно установленным здесь рамкам интересующего нас мотива стратегии пациента, он воспевает тело, при этом не доверяя современным отклонениям человеческой психики. Сознание, находящееся под влиянием современных веяний, он обвиняет в неестественности. В то же время он высказывается в пользу сознания, скрытого глубоко в соматических процессах, верного ритмам крови и отголоскам чувств, исходящего из ряда простейших «низких» проявлений бытия homo sapiens:

Моё тело кровь клетки
Развивающееся молодое хотящее расти
Закрываемое в сосуде своеобразного богослужения
Поистине особенной формы

Говорят людей можно производить искусственно
Не знаю
Я сделан из крови кожи и волос
А был манекеном кнопкой номером в картотеке
(Картины сумасшедшего)

Когда-то Станислав Игнаций Виткевич предостерегал от двух видов человеческой деградации: уподобиться машине и «вконец озвереть». В системе ценностей Бурсы только первый случай рассматривается как первопричина человеческих катастроф и трагедий. То, что человек «может превратиться / в любую часть механизма» («Вера»). Что каждый наподобие товара может быть «так и эдак сортируемый / складируемый и продаваемый оптом / также кружащий в розничном обороте / как одна из деталей / огромной суммы / деталей идентичных/ деталь в общем лишняя» («Внимание, трагедия!»).

Давайте рассмотрим неслучайную у Бурсы взаимосвязь между образом механизма и представлением махины социальных отношений. Бросается в глаза пугающая схожесть системы, производящей редуцированное сознание «маленьких серых людей» («Внимание, трагедия!»), с фабричными механизмами, производящими предметы.

Rys. Paulina Zielona

Таким образом, лирический герой Бурсы зачастую ведет себя как наивный, когда-то так интриговавший футуристов, «разрушитель машин». В пространстве технической цивилизации он замечает только инструменты, которые уродуют тело, калечат живые ткани кожи, пожирают тот самый святейший «сосуд своеобразного богослужения». Об этом твердит нам «Третье виденье» из тома «Картины сумасшедшего»:

С меня заживо содрала кожу
Ледяная логика механизмов
Я не мог терпеть металлическую температуру
Великан съел меня в пурпурной каше

И в другом месте:

Слишком долго, на века дольше, чем нужно
Живые пальцы вкручивали в гайки
Глаза губы кровь вены руки
Были молотом кувалдой и балкой

Кто-то мог бы сказать: настолько радикальное отрицание физического труда граничит с сумасшествием. Метафоры Бурсы представляют собой ответ на метафоры его предшественников. Безумие «разрушителя машин» — непосредственную реакцию на безумие недавних «почитателей машин».

Аналогичные негативные эмоции герой Бурсы проявляет при оценке межчеловеческих отношений, основанных на слепом повиновении. Страх и протест вызывают в нем прежде всего структуры тоталитарного подчинения, то есть фронтовая жизнь («Генерал»), полицейский режим («Диктатор»), тюремные репрессии («Рассказ палача»), концлагеря («Лирика Рудольфа Гесса»), а также гражданская анархия, гангстерские наклонности в человеческих отношениях, волны бандитизма, шквалы преступности, самосуды и погромы («Добрый человек», «Ночь длинных ножей»). В то же время страх перед механизмами, чуждыми человеку по своему назначению, распространяется и на все механизмы общественной жизни. С перспективы индивидуума, которого научили выполнять требования и нести ответственность, который получил обязанности, но не получил прав, весь мир кажется огромным механизмом — собранным из правил, запретов, приказаний и в своей работе подобным машине, тем более страшной, что непонятной, необъяснимой в контексте обычного течения ежедневных переживаний рядового гражданина.

Вот уж действительно, кому было нужно
Создать настолько мощную систему
С архитектурой, армией, законами и преступностью
Чтобы меня,
Лично меня мучить.
(Жалоба)

Как «Картины сумасшедшего» (бунт против Машины), так и «Жалоба» (протест против Машины), представляют собой заявления, взятые в иронические кавычки. Стиль «Жалобы» — меткая калька высказывания человека, страдающего депрессивным психозом с характерными для этого диагноза проявлениями мании преследования. Так высказываются душевнобольные:

Большинство государственных и социальных учреждений
Мне противостоят
Практически все граждане нашей страны
Являют собой оскорбления направленные лично против меня.

Такие расстройства разума относятся к классическим случаям, которые можно найти, наверное, в любом учебнике по психиатрии: «Даже на углу улицы поставили слепца, чтобы тот приводил меня в бешенство». Общий смысл этого стихотворения формируется не на уровне слов и предложений, но на уровне общих творческих приемов Бурсы. Важно не то, как герой «Жалобы» понимает Машину и насколько он преувеличивает в оценке ее функций, а то, что поэзия дает возможность высказаться даже подобным личностям. Подобным переживаниям. Ирония автора (усиленная тем фактом, что Бурса дает герою Жалобы собственную фамилию) индивидуализирует этот случай разбитой и дикой биографии. Поэта не интересует компрометация восприятия героя. В действительности мы имеем здесь дело не с восприятием, но с болезнью. А болезнь невозможно скомпрометировать. Болезнь нужно лечить. Внимание Бурсы концентрируется на объективных причинах бегства в болезнь (единственного выхода для тех, кто не выдержал давления Машины). Его герой пытается научиться существовать одновременно среди людей и среди институций. Начиная с обезоруживающей веры в доброжелательность окружающего мира. И непрестанно встречаясь с неумолимой жестокостью.

Я думал когда наконец встану на ноги
все склонят предо мной головы
а они в морду
(Урок ходьбы)

Или:

Он пришел сюда по важному делу
но от первой же двери его отшвырнули пинком
(...)
затих в коридоре
его пинком подтолкнули к выходу
на улице еще раз дали пинка
(Пинки)

Ужасает то, что ни активный поиск контакта с Машиной, ни попытка мимикрии — усилие проскользнуть по миру в какой-то защитной окраске — не дают никакой гарантии. Стихотворение «Девственность» рассказывает о неудачной попытке выжить, не претерпев наказания за несовершенные проступки. Герой «Девственности» проходит мимо различных искушений, отказываясь поочередно от запретных радостей: алкоголизма, азарта, наркомании, удовольствий любовной разнузданности... Ему кажется, что настолько чистая биография не должна вызвать никаких подозрений. Однако наиболее подозрительной оказывается именно его чистота!

Что же если и так
Снежная белизна моей душеньки
Обратила внимание полицейского

Остается спасение в биологии. Как можно дальше от Машины и механизма. Только биология может еще служить последним фортом суверенности индивидуума. Поэт при этом сохраняет крайнюю осторожность в каких-либо позитивных прогнозах на этот счет. Его герой — человек трудный. А на первый взгляд даже капризный. Он прекрасно осознаёт, что против системы ограничений биология тоже зачастую оказывается бессильна. Непросто выиграть у Машины, которая, начиная с нападения на психику, превращает сознание в безвольный предмет, а заканчивает оккупацией тела, которое в восприятии человека тоже вдруг превращается в чужеродный предмет. В мертвое тело. В тело, поглощенное небытием. Для героя стихов Бурсы бестелесность равняется небытию. Разрыв сознания с собственным телом — это уже неизлечимый случай:

Он ничто
он не имеет значения
его нет
разве что
пиджак
великоватые брюки
кошмарные черные полуботинки
могут вызвать отвращение или жалость
но лицо не в счет
руки не в счет
не в счет глаза и рот
(Ничто)

Как в «Придуманном человеке» Карповича. Предметы: пиджак, брюки, ошметки мертвой материи, знаки различия, атрибуты моды (которая становится выше человека, ибо только она способна пробуждать какие-либо чувства, пусть даже всего лишь отвращение или жалость) — это всё может поглотить тело и задушить живое. А значит недостаточно самого состояния физического существования, самого факта протекания биологических процессов: должна иметь место также готовность индивидуума пережить то, что утвердит его в сознании собственной телесности.

История лирики располагает способами активизации таких переживаний. Она знает стереотипы нарциссического поведения, пути и образы радостного витализма.

В молочном пролеске телу вольготно
Пастух поет на лазурной волынке

— пишет Бурса в «Картинах сумасшедшего», показывая одно из возможных решений: возрождение мифологии тела в контексте Аркадии детства, родом из сельской колыбельной («пастух», «лазурная волынка»); но этой традиции Бурса также не принимает. Как и не верит он в утешения, происходящие из традиционных, привычных способов ухода за телом. Его раздражает платное актерство, выводит из себя «шлюха с экрана» («В защиту нищих»), вызывает насмешку некто похожий на героя стихотворения «Гамлет» — человек, погрязший в самолюбовании и нарциссизме, который

Присматривается к коленям
Своих ног точеных гладко
Скинув плащ с удовольствием отмечает
Твердость чресл и выпуклость груди

Нарцисс-Гамлет (актер, лицедей) не достигает истоков жизни и смерти. «Гамлет кривляется со смертью» — категорически заявляет лирический герой этого стихотворения.

На антиподах отброшенных вариантов нарциссизма у Бурсы появляются еще два, которые он считает натуральными и достойными человека. С одной стороны самопознание homo sapiens, видящего себя в зеркале природы, с другой — изучение физических страданий как жизненной неизбежности.

«Зеркало природы» в этом мире — все низшие формы биологического существования, то есть флора и фауна. Быть может, этот подход наивен? — герой Бурсы обожествляет животных. Он говорит об этом прямо, без стеснения. «Я любил наши тропы / И встопорщенную шерсть что пахла дождем» («Прощание с собакой»). А в другом стихотворении: «Мы полюбили прыжок, галоп и топот, / Фосфорный свет кошачьих глаз» («Крысы»). Бестиарий Бурсы прекрасен, но и трагичен («Собаколов»). За исключением, естественно, крыс, хотя и их неприглядность в процитированном стихотворении неоднозначна: пусть они «истеричные», «развязные», грязные, но в то же время «юркие», быстрые, пляшущие, распаленные, погруженные в розы, в звуки флейты... Это мальчишеский бестиарий, види-

мый глазами человека еще молодого, склонного к мечтам о скорости и силе. Здесь царствует энергия в чистом виде. Здесь «Конь сотворенный из мечтаний неба / Срывается в галоп сосудов» («Мобиль»). Здесь захватывает и поражает близость впечатлений, присущих, однако, человеческим и животным организмам. Достаточно простейшего контакта, в особенности прикосновения, чтобы немедленно открыть широкое знание об «устройстве» звериного тела, этой дышащей косматой туши, чтобы высвободить все «богатейшие запасы боли» в каком-то из «измученных аккумуляторов страданий» (из поэмы в прозе «Конь»). Что важно: встреча с таким феноменом жизни — запертой в зверином теле — возвращает человеку, хотя бы на короткое время, чувство своей человечности. Даже тогда, когда ничто уже не оправдывает такого чувства, как, например, в стихотворении о человекоубийце Гессе*:

Чувствуя теплую селезенку пяткой
Чувствуя удары голых веток
Живой человек с живым животным
В тяжело ползущих дымах трупных
(Лирика Рудольфа Гесса)

Процесс возвращения, пусть даже только мысленного, ко всё более примитивным формам жизни не несет в себе ничего ужасного. Поскольку жизнь — понятие универсальное. В любом проявлении она представляет одинаковую ценность. «Жизнь это суть непобедимая» — говорится в «Песенке больного раком поливающего пеларгонии». Необходимо до конца оберегать то, в чем тлеет хотя бы искорка жизни. Даже если существование человека исчерпано до конца и остается только растительная вегетация. И тогда тоже «Следует быть осторожными в жару / чтобы не завяли пеларгонии». На карту поставлено очень многое: обретение потерянной невинности. А невинность это природа. Чем ближе она к первичным формам, тем меньше лицемерия и фальши. В этой точке зрения героический витализм Бурсы непреклонен.

Дети милее взрослых
животные милее детей
ты говоришь что понимая таким образом
я должен прийти к выводу,
что милее всех инфузория туфелька

ну и что
мне милее туфелька
чем ты
сукин ты сын!
(Туфелька)

Второй способ подлинного переживания драмы материальности, как мы уже сказали, — это изучение боли. Известно, что физическая боль усиливает ощущение тела, извлекает его из контекста, делает ярче границы собственного «Я». Только обозначенные болью процессы борьбы за жизнь открывают человеку истинную правду о нем самом. А в таких ситуациях герои Бурсы оказываются часто. Это могут быть как состояния болезни («Песенка больного раком поливающего пеларгонии», «Больной сынок», «Добрый психиатр», «В защиту нищих»), так и состояния, подобные болезням, например созревание, влюбленность, старость и т.п.

Бурсу интересует биология как неизбежность, которая не только порождает страдание, но также становится фундаментом этики. Жизнь похожа на болезнь в том смысле, что представляет собой процесс оттягивания смерти. Процесс жестокий, сопровождающийся постоянными расставания-

* Рудольф Гесс (1900-1947) — комендант лагеря уничтожения в Освенциме (1940-1943), оберштурмбанфюрер СС. — *Ред.*

ми: молодости с детством, зрелости с молодостью, старости со зрелым возрастом, до самого момента беспомощности, когда мы превращаемся в «Этих стариков (...) которых кормят кашкой / и подмывают когда необходимо» («Дно ада»). Жизнь, иначе говоря, — это путешествие из ада в ад. Прощание с детством означает первый шаг в «Кровавый ад / Родов и выкидышей» («Тринадцатилетняя»). И в то же время — каждая следующая попытка жизни: проба боли (то есть ада) не терпит хитрости. Биология требует верности в соблюдении ее правил. Противостояние законам природы всегда оканчивается наказанием. Вот и главное этическое правило: нельзя делать так, чтобы не было жизни. Поступающий так сам себя приговаривает к существованию в кошмарном паноптикуме искусственных, выдуманных бредовых порождений.

Только делай так чтобы не было ребенка
только делай так чтобы не было ребенка
Этот несуществующий младенец
зеница ока нашей любви
(...)
вообще мы заботимся о нем больше чем если бы существовал
но несмотря на это
...ааа
вечно он плачет
и скандалит
тогда нужно рассказать ему сказку
о хирургически точных щипцах
которых прикосновение совсем не больно
и не оставляет следов
(...)
(Любовь)

Фундаментальный вопрос в системе этических принципов стратегии пациента — физическая боль, которая хотя и представляет собой причину страдания, но является неотъемлемой частью существования, в то время как психические отклонения (душевная боль), являющиеся зачастую оправданной формой бегства от физических страданий, например от боли родов, в конце концов обращаются против человека.

Анджей Бурса **Перевод Анастасии Кандудиной**

СТИХОТВОРЕНИЯ

Когда тебе уже все наскучит
сделай себе ангелочка и старичка
играть нужно так
подставишь старичку подножку так что хряпнет мордой об асфальт
ангелочек опускает головку
дашь старичку 5 копеек
ангелочек поднимает головку
разобьешь старичку камнем очки
ангелочек опускает головку
уступишь старичку место в трамвае
ангелочек поднимает головку
выльешь старичку на голову горшок
ангелочек опускает головку
скажешь старичку «Добрый день»
ангелочек поднимает головку
и так далее
потом ложись спать
тебе приснится ангелочек или чёртик
если ангелочек ты выиграл
если чёртик ты проиграл
если ничего не приснится
ничья

Rys. Dymitr Kismielow

Боже какой милый вечер
Столько водки
Столько пива
А после заблудиться в кулисах этого рая
Между плюшевой занавеской, кухней и решеткой
Я чувствовал как освобождаюсь
От избытка энергии
Которой меня одарила молодость
Возможно
Я мог бы использовать эту энергию иначе
Напр
Написать четыре репортажа
О перспективах развития
Поселков городского типа
Но
Мне насрать на поселки городского типа
Мне насрать на поселки городского типа
Мне насрать на поселки городского типа

Он ничто
он не имеет значения
его нет
разве что
пиджак
великоватые брюки
кошмарные черные полуботинки
могут вызвать отвращение или жалость
но лицо не в счет
руки не в счет
не в счет глаза и рот
часами ожидает перед воротами
в надежде
что окажется по другую сторону
но ведь он ничто
значит все равно
по какую сторону
ничего не будет
читая газету
сжимает как улитка свою ничтожность
или распускает как павлин свое небытие
хотя газеты касаются вещей существующих
а его нет
говорит
но никто его не слышит
звук его голоса
не слышен человеческому уху
ведь он ничто
и даже этого ничего — нет
несмотря на то что он обедает
несмотря на штаны и полуботинки
несмотря что иногда
он даже бывает в хорошем настроении

Только делай так чтобы не было ребенка
только делай так чтобы не было ребенка

Этот несуществующий младенец
зеница ока нашей любви
мы покупаем ему гостинцы в аптеках
и в табачных лавках
вместе с открытками с видами гор и озер
вообще мы заботимся о нем больше чем если бы существовал
но несмотря на это
...ааа
он вечно плачет
и скандалит
тогда нужно рассказать ему сказку
о хирургически точных щипцах
которых прикосновение совсем не больно
и не оставляет следов
тогда он замолкает
ненадолго
к сожалению.

...ты знаешь мои трюки, я знаю твои,
мы зря тратим время.
Роже Вайян

Ведь ты знаешь все мои трюки
жизнь
знаешь когда я буду кричать царапать и биться
знаешь упорство моих усилий
и тупое пресное бесчувственное изнеможение
когда ты отравляешь мой сон кошмарами
чтобы лишить меня последнего прибежища
я знаю твои сладости
которые принимаю с сухой благодарностью
а после корчусь в судорогах
я привык к твоим жестокостям
я научился смеяться над собственным трупом
(ты прекрасно знаешь этот мой последний трюк)
мы наскучили друг другу жизнь моя враг мой

Что ж теперь ты вворачиваешь искры боли в мою челюсть
чтобы я и зевнуть не мог.

О чем он думает этот тип
этот бледный плут
пересчитывающий деньги
между одним и другим куском
булки с колбасой
которая есть отречение
от галстука
поправляя галстук
когда-то отречение от булки
галстук отречение от стула
пальто — воскресный вечер
тоже отречение
что он думает
увлажняя пальцы как кастелянша
чтобы резвее укладывать
стопки наивысшей красоты
наивысшей ибо является только в мечтах
что он думает
этот уродец
рожденный благодаря отречению
и через отречение
размножающийся
мусоля многотиражные эстампы
прекраснейшие чем Джоконда
о чем он думает
что за религия удерживает его от
помешательства

Как передать запах в поэзии...
конечно не простым его названием
нет, все стихотворение должно пахнуть
и рифмы
и ритмы
должны веять жаром медовой поляны
а каждый ритмический перебой
как дуновение розы
переброшенной над садом

мы разговаривали так в наилучшем симбиозе
пока я не сказал:
«прошу тебя вынеси это ведро
тут ужасно несет мочой»

может это было бестактно
но я не мог больше выдержать.

Если в разговоре с невысоким мужчиной
я стану использовать в отношении людей низкого роста
выражения:

коротышка
малявка
карапуз

то уже могу считать своего собеседника врагом
когда же скажу при блондине геркулесе
мне так нравятся высокие белокурые мальчики
что за чудесная порода

опять же дружбы не выйдет

Маленький серый человек
такой серый как понедельник после воскресенья
серый как серая мышь на сером поле
так и эдак сортируемый
складируемый и продаваемый
оптом
также кружащий в розничном обороте
как одна из деталей
огромной суммы
деталей идентичных
деталь в общем лишняя
намного более лишняя
чем собственный ее номер
воспылал огромной любовью.

Говорят палач
не носит ни фрака
ни капюшона
(может в Париже у нас нет)
А одет
обычно
«обычно» это я знаю как
серыйвполоскупиджак
жалкое франтовство
провинциального пижона

жалуются на кризис театра
а даже это не могут разыграть со вкусом

когда меня будут вешать
палач чтоб был во фраке!

Анджей Бурса (1932–1957) – польский поэт и прозаик. Работал журналистом, публиковался с 1954.
С 1967 в Польше вручается премия его имени.

Казимеж Орлось **Перевод Марины Курганской**

ДАЧНИК С ВИСЛИНСКОЙ КОСЫ*

Мой номер в середине коридора. За дверью очень громко переговариваются уборщицы. Их смех то ближе, то дальше. За окном сосны (здесь везде сосны, сосны) — веет октябрьским холодом. Туманная синь.

Что дальше? Чай, заваренный прямо в стакане кипятком из электрического чайника. Этот чайник и стакан я долго мыл, стоя на коленях у душевой кабины. Две булочки с сыром. Надеваю свитер, белую кепку, на ноги — полотняные туфли. Запираю номер.

Внизу, в холле, в двух старых креслах у стены дремали собаки: одна — маленькая дворняжка с перебитой лапой, черная, хвост бубликом, — похоже, та, что облаяла меня вчера из-за калитки. Другая — большая, палевая, похожая на дога. Собаки спрыгнули с кресел и принялись приветствовать меня, как старого знакомого. Я трепал их по холке, брюху, тормошил за уши. Маленькая дворняжка поковыляла за мной на пляж. Я шел по тропинке между летними домиками. Кое-где в окнах отражалось небо. Тропинка была усеяна шишками. Запах хвои, мха. Мне вспомнилось, как полвека назад мы выходили из леса, из-под карликовых сосен, что росли прямо перед дюнами. Мы брели дальше босиком, по горячему песку, в гору, на дюну, откуда открывался вид на море. Поблизости, за столбиками с прибитой проволокой, росли кусты шиповника. В пору цветения от них исходил сильный аромат. Но при ветре запах не чувствовался. Море бывало гладким или морщенным. В жаркие дни — лазурным.

И сегодня с дюны, на которую вывела меня тропинка, я увидел море, но под октябрьским небом оно было серым, покрытым туманом — как Залив**. В тумане терялась линия горизонта. Солнце едва проглядывало из-за туч. Я постоял, слушая, как кричат мелкие озерные чайки над пляжем. Наклонился, чтобы снять туфли и закатать штанины. Черная дворняжка заковыляла обратно — дальше ей идти не захотелось.

— Эй, ты куда! — позвал я ее, но она не обернулась.

В этот первый день, куда бы я ни пошел, меня всюду сопровождали воспоминания. Я миновал лодки на берегу. Они лежали на песке, в том же самом месте, как когда-то. Но мне показалось, что теперь их было меньше, и лишь на одной я заметил связку флажков на древках. Они были воткнуты в жестяные шары, которыми обозначают место ловли. Где-то здесь поблизости мы с Миркой предавались любви. Я пересек пляж по диагонали и добрался до дюны. Огибая впадины, немного прошелся по холодному песку вдоль старых частоколов. Потом вернулся на берег.

Крик чаек, запах моря. Время от времени мне приходилось отскакивать от волны. Маленькие камешки перекатывались по мокрому песку в струях отбегающей воды. Чуть поодаль, на коряге, выброшенной морем к кромке прибоя, я увидел темную фигуру. Кто-то сидел спиной к морю. Рядом на

Ryc. Paulina Zielona

*Вислинская коса (Межея-Висляна) — узкая полоска суши, отделяющая Вислинский залив от Гданьской бухты в Балтийском море, с песчаными пляжами и дюнами, частично покрытыми лесом. — *Здесь и далее прим. пер.*

** Имеется в виду Вислинский залив — лагуна Гданьской бухты в Балтийском море у берегов Польши.

берегу двигалось маленькое желтое пятнышко. Только подойдя ближе, я различил, что это женщина с ребенком. Их лиц мне не было видно — оба находились ко мне спиной. На плечах у женщины черная шаль. Седина в волосах. Когда я проходил позади них, она подняла руку, чтобы взглянуть на часы. Мне запомнился ее жест. Желтое пятно оказалось рубашкой малыша. Босой, с закатанными штанишками, он копал красной лопаткой ямку, куда с каждой волной набегала вода. Когда я огибал его по сухому песку, он обернулся, и я увидел, что это ребенок с синдромом Дауна: круглое лицо, глазки-пуговицы, полуоткрытый рот. Лет восьми-девяти на вид. Я улыбнулся ему, но он остался серьезен.

Возвращался я через лес, по одной из тех тропинок, которыми мы ходили к морю. Дошел до старой лежнёвки — дороги из стволов деревьев, когда-то уложенных на песок. Настил давно сгнил, а может, его содрали? Если бы я отправился дальше по тропинке, то очутился бы на асфальтированной дороге недалеко от дома Ляховичей. Я опять заколебался: а может, пойти туда? Все сразу выяснить? Спросить женщину за калиткой, когда она родилась? Не в мае пятьдесят третьего? Знает ли она, кто ее отец? Что говорила мать?

Я стоял посреди дороги, между колеями, которые пролегли в песке, смотрел на кроны сосен на фоне серых туч и не мог решиться. Наконец, через несколько минут, я двинулся в другую сторону от той тропки — от развилки. Все дальше от дома Ляховичей — лесной дорогой (параллельной асфальтовой). Шагал все быстрее и быстрее, потом побежал. Я старался преодолеть собственную слабость, усталость, но, пробежав немного, вынужден был остановиться. С шумом хватая воздух, я согнулся и оперся руками на колени, и так стоял посреди старой лежнёвки, стоял долго.

Вернувшись, я стал свидетелем странного происшествия. Когда я, взяв ключи от номера, отправился к своему корпусу и по дорожке, выложенной бетонными плитками, дошел до входной двери, то увидел, как кто-то сильно толкнул ее изнутри. Дверь ударилась о стену. Из холла выбежала девушка — одна из трех, дежуривших внизу. Кажется, та самая, которая вчера оформляла документы, связанные с моим пребыванием здесь. Я поздоровался, но она, не ответив, промчалась мимо. У нее была типичная внешность — таких девушек часто можно встретить на улице: блондинка с распущенными волосами и светлыми глазами. Мне запали в память ее длинные ногти — то ли фиолетовые, то ли голубые. За ней выскочил, придержав дверь, молодой человек. В белой рубашке, воротничок расстегнут, галстук сбился на сторону.

— Мажена! Маженка, вернись! — крикнул он.

Но девушка не оглянулась. Застучали каблучки по бетонным плиткам. Молодой человек повернул обратно. Блеснуло стекло, он закрыл дверь. Я вошел следом за ним. В холле обе собаки радостно приветствовали меня. Та большая, похожая на дога, подпрыгнула и положила мне лапы на плечи. Я опять трепал их по холке, брюху, теребил за уши.

Молодой человек в белой рубашке стоял ко мне спиной за раскидистой пальмой — смотрел сквозь стеклянную стену туда, где только что пробежала Мажена. Он не заговорил со мной, но я и так догадался, кто он. В конце коридора, на втором этаже, где меня поселили, была дверь с надписью «Директор». Ниже — часы приема посетителей (видимо, отдыхающих). После паузы я первый прервал молчание: «Добрый день! Симпатичные собачки».

— А, да, да, — обернулся он ко мне. — Они любят наших гостей. Ко всем ластятся.

— Как тебя зовут, приятель? — обратился я к «великану», а директор за моей спиной ответил:

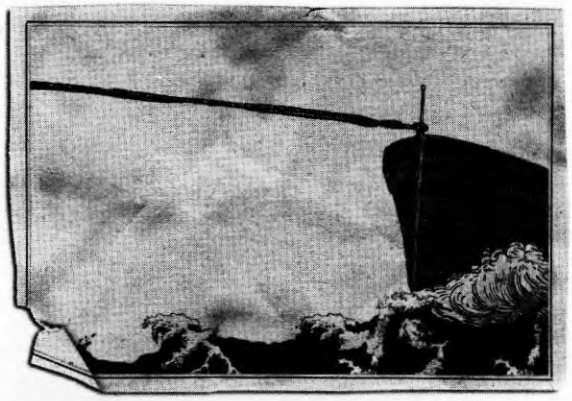
— Рэмбо, Рэмбо, само собой.

Мы засмеялись. Я пошел наверх.

На следующий день. Сегодня Мирка стала у меня в глазах как живая. Когда я обедал в ресторане «Фрегат» — где-то между портом (куда я решил сходить в ближайшие дни) и старым поселком с домом Ляховичей и бензозаправкой, за которой уже начинались луга. Здесь, в этих краях в пятьдесят втором было кафе «На фрегате». Вечером мы ходили на танцы. Обычно целой компанией: ровесники, с которыми мы познакомились на пляже, знакомые девушки — из Лодзи и Варшавы, студенты. Как-то, один-единственный раз, мне удалось уговорить Мирку пойти с нами. На эстраде в прокуренном зале играл оркестр. Помню гармониста, скрипача и большой барабан с тарелками. Оркестр этот было слышно издалека. То и дело вступал какой-то духовой инструмент — может, саксофон? Исполняли старые танго, вальсы, фокстроты. Музыкант в рубашке или клетчатом пиджаке — лысый и потный — периодически прерывал свою игру на трубе и начинал петь. У него был голос с хрипотцой, и он долго тянул гласные: «Одно лишь солнце-е-е нам ярко свети-и-ит...». Или: «Ты, как отрава-а-а, мое сердце сгубила-а-а...». И так далее. Его протяжные «и», «о», «е» я словно слышу до сих пор.

Мы танцевали около эстрады, задирая вверх головы. Лысый, склонившись, пел, заглядывая в глаза ближайшей танцующей девушке: «Как это все случило-о-ось, ты похитила сердце моё-о-о?...».

Мирка танцевала на высоких каблуках. Одолжила у матери или тетки — материной сестры, которая часто заходила к Ляховичам. А может, она была сестрой отца — высокая и худая, она больше походила на боцмана. Звали ее пани Зофья, если память мне не изменяет.



Мы танцевали, обнявшись. Помню запах красной блузки, попрысканной цветочным одеколоном. Миркины волосы щекочут мне щеку. Вокруг колышутся в танце другие пары. Потные лица, шарканье ног. Танго, танго, потом вдруг в быстром ритме: «Расскажи-ка мне, старик, что такое Тико-Тик...». И еще: «Волна за волной, волна за волной...». Зал оживляется. Сквозь открытые окна долетает ветер с Залива. А мы движемся все быстрей, поднимая пыль с дощатого пола, громко топая. Топ-топ, дын-дын! Саксофон, труба, звон тарелок. И лысый солист: «Пусты наши старые добрые сети, живым серебром они больше не светят...». Потом снова вступает саксофон, ему вторит скрипка. Танцуем последнее танго: «La comparsita».

В перерывах мы пили лимонад, сгрудившись у шатких столиков. Брали кусочки торта с розовым кремом. Эклеры, «наполеон», «картошку». На вино денег не было. В полночь обратный путь под звездами — по пустой дороге. Темные дома на склонах, сосны.

Мирка брела, спотыкаясь, — тонкие ноги, непривычные к высоким каблукам, сгибались в щиколотках. Мы сильно отстали от всей компании. Я держал ее маленькую ладонь в своей, когда она нагнулась, чтобы снять туфли. Дальше она шла босиком.

— А знаешь, песок на дороге теплый, — сказала мне Мирка.

Представь, пятьдесят лет минуло, а я помню тот вечер, звезды, ветер с залива, лай собак. Оркестр в кафе. Даже то, что песок на дороге был теплым.

Третий день. Лежу на раскладном диване — снова смотрю на лампу. Красное пятно под веками. Стараюсь вообразить, как все было, как Миркино дитя бегало около дома под соснами? Если это девочка, то быстро ли она научилась ходить? Или долго ползала, как ее тетки-близняшки, — по траве среди гусиного помета, камней и осколков стекла?

Могло ведь и так случиться: подхожу тихонько, беру малышку на руки. Поднимаю, как когда-то тебя, подбрасываю высоко. Потом «катаемся на карусели»: я быстро вращаюсь на месте. Малышка заливается смехом. Мирка появляется на пороге дома: «Осторожнее, не травмируй ребенка!».

Боцман сидит под сосной в майке — загорелая шея, белые плечи. Щурясь, курит «Спорт». Кривит птичье лицо. На плече татуировка: голубой якорь. Смотрит на меня. А я? Держу ребенка на руках. Босые ножки в песке. Голубые глаза.

Как ее назвали? Зося, Ханна, Марыся?

Утром я пошел на кладбище. Внизу девушки из службы размещения рассказали мне, как туда идти.

— А кто там у вас похоронен? — спросила младшая — невысокая, пухленькая, с золотыми сережками в ушах. «Хохотушка», как я ее прозвал. И сейчас она прыснула смехом, глядя на подругу, — худую, менее привлекательную, с кругами под глазами. Третьей — Мажены, которая тогда убегала от директора, не было. Худая смотрела на меня без улыбки.

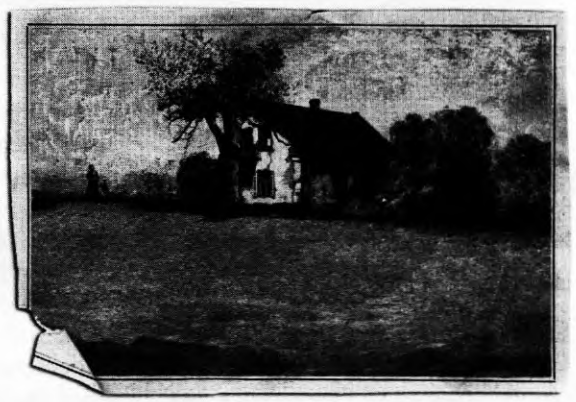
— Хочу поискать могилу знакомой, — ответил я.

— Как ее звали?

— Мирослава Ляхович, — сказал я. И сразу подумал: «Зачем я это говорю?». Если они помнят Ляховичей, услышанное может возбудить в них любопытство. Может, они знакомы с той женщиной за калиткой?

Но, кажется, имя им ни о чем не говорило. Во всяком случае, Хохотушка больше ничего не спросила.

День был солнечный. По дороге я любовался заливом. Мне вспомнились наши поздние купания в теплой воде при свете луны. Через прогалину в камыше я выплывал на открытое пространство. Плыл медленно, ныряющим брассом, по лунной дорожке. В тишине, по направлению к огням Толькмицка. Мирка ждала в бокастой лодке. Когда я возвращался, подавала мне теплое полотенце.



Обратно мы шли босиком, по мокрому лугу. В кухне пани Бася жарила рыбу. Иногда картошку. Пахло растительным маслом. Мы брали руками горячие ломтики картошки из фаянсовой миски.

Иногда мы отправлялись к морю — чаще всего после жаркого дня. В темноте, войдя в воду, бродили по мелководью. Долго стояли, держась за руки, там, где мелкие волны не доходили до щиколоток. Луна светила над лесом — у нас за спиной. Мирка боялась заходить глубже. Я плавал один и, оборачиваясь, не видел ее. Только темные дюны, над ними сосны, луна. Не спеша возвращался. На песке меня ждало полотенце.

*

Старое кладбище в лесу, среди деревьев. Новое находилось ближе к асфальтированной дороге — на открытом пространстве, и там было много можжевельника. Тисы, туи. Серые надгробия. В основном бетонные, из терразита. И просто земляные холмики, поросшие травой. Металлические, деревянные, каменные кресты. Несколько штук белых — березовых. Я бродил по дорожкам — широким и узким, — ища могилу Мирки. Останавливался, наклонялся, иногда приседал на корточки, читая надписи. «Блаженной памяти Цецилия Пёнтек, по отцу Левандовская, умерла 24 марта 1973 года. Покойся с миром». «Такова воля Божья». Кто-то просил прочесть «Богородице Дево...». Вероника, Станислав, Богумил Беднарек. Антоний, Ежи, Регина. Семьи Кравчиков, Ковальских, Лесневских, Цитрицких, Хмелевских, Квятеков. Нашел могилу Ляховичей — Яна и Барбары. Боцман умер в 1969-м, пани Бася в декабре восемьдесят девятого. Пережила мужа на двадцать лет. Я постоял на коленях, склонив голову. Налетел порыв ветра. С соседней березы посыпались листья. Зашелестели сухие травы. Странно: я почувствовал запах моря — лодок, песка, мертвой рыбы. Казалось, я слышу его шум.

Потом я снова искал Миркину могилу. Кружил по всем дорожкам, ближним и дальним, около могилы Ляховичей. Вышел из-под сосен на открытое пространство, искал там. Обошел новое кладбище, постепенно двигаясь к центру. И здесь нигде не было Мирославы. Я даже не знал ее фамилии. Искал по имени. В надежде, что будет указана ее девичья фамилия, дата рождения. Но на серых плитах были высечены только чужие имена. В банках, с коричневой водой на дне, сохли гвоздики и розы. Старые букеты, прислоненные к крестам. Завядшие бархатцы и настурции. Могилы Мирки не было нигде.

Помню, как, утомленный, я присел на скамейку возле могилы то ли Квятковских, то ли Грабовских. На надгробной плите догорала свеча в керамическом стаканчике. Я смотрел вглубь пустого кладбища. И тогда мне вдруг показалось, что я вижу старую женщину. Она сидела на лавочке поодаль. Ее заслоняли качавшиеся на ветру ветки березы и куст можжевельника. Фигура женщины то появлялась, то исчезала из глаз. Она была в черном, как спутница мальчика с синдромом Дауна. Черный платок, черная юбка. Седые волосы. Я долго смотрел, как колышутся ветки березы и как женщина появляется и исчезает. В конце концов я встал и пошел в ее сторону, но на скамейке под березой за кустом можжевельника никого не было. Скамейка отодвинута от края плиты. Никакой женщины. Я огляделся. На дорожках вокруг никого. Пусто.

По дороге сюда я купил спички и две погребальные свечи. Поставил одну на надгробие, около которого — как мне почудилось — сидела та женщина в черном. Опустился на колени, чтобы разобрать надпись: «Блаженной памяти Маевская Богумила, умерла 21 января 1995 года в возрасте 87 лет». Ниже высечено: «В Господе надежда на воскресение».

Другую свечу я зажег на могиле Ляховичей. И в полдень покинул кладбище.

Потом долгий путь через поселок — до самых последних домов. Я прошел почту, школу, бензозаправочную станцию. Задержался у пня, оставшегося от спиленного дуба. Постоял тут несколько минут, глядя на изменившийся дом, который так хорошо помнил. Я снова заколебался, не зайти ли мне сейчас туда — остановиться у калитки, позвонить, попросить поговорить со мной. Принялся считать до ста. Закончил и начал сначала. «Досчитаю и пойду, пойду», — думал я. Проехало несколько машин, автобус — наверное, из Гданьска. Дом Ляховичей на мгновение исчез, заслоненный автобусом. Близко залаяла собака — может, та самая дворняжка, что набросилась на меня из-за калитки? В конце концов я пошел своей дорогой.

Миновав последний дом, я свернул на стежку в сторону пляжа. В лучах октябрьского солнца этот ближайший лес, одним краем доходивший до самых домов, другим — до дюн, когда-то огромный, как пуща, теперь показался мне не таким большим, не таким зеленым и не таким густым. Сосны как будто измельчали, не было берез. Спустя полвека я странствовал по другому лесу.

Стежки-дорожки в том лесу! Сколько же их было? Сколько раз за день бегал я из дома Ляховичей на пляж! Туда и обратно, туда и обратно! По широкой дороге к лодкам или по тропке среди сосен, прихрамывая, если случалось наступить босой ногой на шишку. Вниз, вниз, — к морю.

Иногда, по вечерам, мы гуляли по проселку, где росла карликовая яблонька-парадизка. В сентябре маленькие яблочки краснели, но оставались горькими и вяжущими на вкус. Ближе к деревне из-за старой лежнёвки доносился лай собак. Мы чувствовали запах дыма. Сосны бежали вверх по склону. И вот уже наш дом.

Сейчас я шел через другой лес, по другим тропинкам, под другим небом. Перед дюнами, недалеко от моря, была проложена узкоколейка из Гданьска в Кенигсберг. Ею пользовались при немцах. В пятидесятые годы тут еще лежали железные шпалы и рельсы. Карликовые сосны росли на склонах по обеим сторонам давней узкоколейки.

Я сбежал вниз, на пляж, и пошел на восток — в сторону рыбацкой пристани и моего дома отдыха. Было безлюдно. Солнце заходило за полосу облаков. Море неспокойно — дул западный ветер.

Время от времени я останавливался и оглядывался назад, — от моих ног куда-то за горизонт бежала красная дорога. Волны катились с шумом. Чем дальше от берега, тем больше белых барашков.

Через час я оказался у лодок, вытащенных высоко на берег, аж под самые дюны. Видимо, в ожидании шторма. Издалека я увидел фигуру человека, сидящего на стуле. Я повернул в его сторону и какое-то время шел по впадинам, наступая на прутья, обходя доски и полузасыпанные песком ящики. Остановился в нескольких шагах от сидящего на стуле рядом с черно-желтой лодкой. Это был старик — седые волосы выбивались из-под темно-синей шапочки, какие обычно носят рыбаки. В непромокаемой куртке — серой, вроде пелерины. На ногах калоши. Шерстяные носки, похожие на краги. Он опирался на трость, которую держал между колен. Сидел неподвижно на колченогом стуле и смотрел на море. Хотя я стоял близко, он меня не замечал. Головы не повернул. Я немного подождал.

— Здравствуйте, кажется, будет шторм, — начал я.

Только тогда он взглянул на меня — улыбнулся и кивнул головой. Седая щетина, дряблая кожа, морщины. Голубые глаза старика слезились от ветра.

Я еще подождал.

— Будет шторм, верно? Как вы считаете? Ветер усиливается.

И на этот раз он ничего не ответил. Не расслышал или не понял? Я подумал, что его стоит спросить про Ляховичей — он должен их знать, помнить. Он достаточно стар. Я наклонился и сказал громче:

— Вы случайно не помните такого, боцмана Ляховича? Его жену звали Барбара. Они жили тут в пятидесятые годы.

Теперь мне показалось, что он дольше задержал на мне взгляд, но все равно не отозвался. Улыбнулся, потер слезящийся глаз. Молчание.

Я еще постоял около него. В какой-то момент мне захотелось схватить его за плечо, встряхнуть. Я говорил всё быстрее, перекрикивая ветер:

— В пятьдесят третьем боцмана и еще нескольких рыбаков занесло на русский берег. Помните? Их приняли за шпионов!

И опять лишь взгляд, улыбка. И тишина. Может, он слишком подозрителен? Соображает, откуда я вдруг тут взялся? Чужой человек.

Я продолжал задавать свои бессвязные вопросы. Мне всё казалось, что он отзовется, заговорит. Ответит, что помнит, что знал Ляховичей. Я рассказывал о Мирке, о том, что у нее была дочь, а теперь уже у этой дочери есть дочь. Что она жила в доме возле старого дуба, который спилили. Он должен помнить этот дуб! И так далее, и так далее.

Он молчал, улыбался, потирая глаза узловатыми пальцами. В конце концов он перестал обращать на меня внимание: сидел неподвижно, как вначале, и смотрел на море. И я наконец замолчал. Смотрел, как волны, набегающие на берег, становились все выше. Ветер усиливался.

Потом неожиданно появилась его дочь или сноха — выросла около него как из-под земли. Она застала меня врасплох. Я не слышал звука ее шагов по песку. Ей было за пятьдесят. В красной косынке, моложавое лицо. Прядки волос на лбу, голубые глаза — как у отца.

— Ну, пора возвращаться, — произнесла она. — Метек ждет у машины.

— Здравствуйте, — поклонился я. — Хотел поговорить с вашим отцом, но он, наверное, плохо слышит.

— Он уже не понимает, что ему говорят. — Она взглянула на меня. И, громче, отцу:

— Идем. Посидел и хватит.

Старик начал подниматься, — помогая себе тростью, сопя и беспомощно пошатываясь. Набивная ткань на сиденье стула с вогнутой фанерной спинкой потерлась. Женщина схватила левой рукой стул, а правой взяла отца под руку. Они двинулись в сторону перехода через дюну.

Я стоял и глядел им вслед. Где-то наверху их ждал парень, которого отсюда не было видно. Услышал, как женщина позвала:

— Метек, ну иди же сюда! Помоги! — Но сын или брат так и не появился.

Они уходили все дальше. Терпеливо шли в гору. Серый балахон, красная косынка. Старый стул колыхался над песком. Иногда женщина волокла его за собой, оставляя борозды. Они исчезли за дюной*.

* Фрагмент книги, которая скоро выйдет в издательстве «Выдавництво Литерацке».

Лешек Шаруга

САГА О ЖИВУЩИХ ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС

Казимеж Орлось

Казимеж Орлось (род. 1935) дебютировал в 1961 г. сборником рассказов «Между берегов». Трезвый взгляд на общественные отношения, свойственный Орлосю с первых шагов в литературе, привел к тому, что из-за запрещенной цензурой книги «Дивная малина» (1973), которую он решил издать за границей в парижском «Институте литерацком» (книгоиздательстве журнала «Культура»), писателя полностью прекратили публиковать в Польше. До 1989 г. он сотрудничал исключительно с эмигрантскими и нелегальными издательствами. Сейчас Орлось по-прежнему входит в состав редакционной коллегии первого независимого литературного журнала «Запис», где начал работать чуть ли не с момента его возникновения.

В своей прозе Орлось, обнажая механизм функционирования коммунистической системы, показывает постепенную нравственную деградацию общества и, в особенности, овладевающее всеми слоями населения равнодушие ко злу и несправедливости (а предметом наблюдений автора «Пустыни Гоби» были самые разные социальные слои: от рабочих и крестьян до провинциальной партийной элиты). Исключительная способность к сочувствию, характерная для творчества Орлося, отличает и недавно вышедшую книжку «Девушка на крыльце» (2006), которую можно было бы назвать «сагой о людях, живущих здесь и сейчас», — впрочем, как и всю, снискавшую множество премий прозу писателя, безусловно принадлежащего, наряду с Мареком Новаковским, к мастерам малой эпической формы в современной польской литературе.

На первый взгляд, автор, одаренный исключительной наблюдательностью и совершенным языковым чутьем, необычайно внимательный к деталям, к тому же обладающий впечатлительностью поэта и способностью к сочувствию, совсем не тяготеет к эпичности. Но это лишь видимость: в сборниках его рассказов, начиная от книги «Между берегов» (1961) и заканчивая «Небесным стекольщиком» (1996), представлена обширная и всеобъемлющая панорама польской жизни во второй половине XX века, в ретроспективе же — и большего периода времени. Это — позволю себе прибегнуть к рискованному определению — панорама фрагментарная, складывающаяся то из едва намеченных набросков, то из развернутых картин человеческого бытия. Причем бытия людей, находящихся вне главной сцены социальной жизни, если главной считать ту, где разыгрываются «великие события». Герои Орлося — это обыкновенные, даже ординарные люди, но их судьбы, воплощенные в художественном слове, становятся неординарными — благодаря тому, что, даже оказавшись в водовороте исторической обусловленности и неизбежности, они до конца остаются личными, неповторимыми. Из этих судеб и складывается упомянутая панорама — по сути (если проследить ее изменения во времени и пространстве) эпическое сказание о живущих здесь и сейчас.

Творчество Орлося восходит к лучшим традициям польской литературы: рассказам Жеромского и Пруса, а если обратиться к современности — Щепанского и Филиповича. Это важнейшее, хотя как будто ослабевающее направление польской прозы находит свое продолжение именно в произведениях малых форм Орлося. Часто оно кажется немного старомодным, даже слегка анахроничным, и воспринимается в определенной степени как противоположность авангардным поискам, представленным, например, в выдающихся произведениях Бучковского или Бялошевского. Однако тут нет никакого

противостояния, здесь следует говорить о взаимодополняемости и взглянуть наконец на предмет в целом, принять во внимание многоголосицу и многоязыкость нашей письменной культуры, покончить с бесплодным спором о том, «что выше, авангард или реализм», отвергнуть шантаж новизны, давление дебюта и заняться литературой, которая в любом случае является попыткой предложить читателю свой взгляд на мир. У Орлося это не просто взгляд — это и есть целый мир, созданный писателем за долгую плодотворную творческую жизнь, он захватывает читателя, приковывает его внимание, он просто здорово придуман, — это мир, скроенный по человеческой мерке.

Орлось рассказывает свою собственную историю, комментирует путь, который проделывает его рассказчик-повествователь во времени и пространстве, — комментирует для того, чтобы отчитаться перед нами, каково положение вещей. Это относится и к его последней книге, безусловно, наиболее художественно насыщенной, — сборнику «Девушка на крыльце», состоящему из двух повестей и пяти рассказов. Заглавную повесть можно с полным основанием отнести к литературе о «малой родине»: мы оказываемся на территории Вармии и Мазур, перепаханной не одним историческим катаклизмом, то есть в бывшей Восточной Пруссии; здесь начинается действие — на многоязычном пространстве, обитатели которого постоянно находятся в процессе поиска нового толкования своей идентичности. Сюда попадает Саша, русский беженец во время польско-советской войны, эпизоды которой — едва намеченные, но выразительные — служат тут фоном. Суть не в них — как, впрочем, и не в самой войне. Главное здесь — неотделимая от хода творимой где-то за кадром истории судьба героини, той самой «девушки на крыльце», Анны, которую Саша покидает, оставляя с сыном Вилли на руках, — впоследствии, во время II Мировой войны, тот станет солдатом немецкой армии, попадет в советский плен и в конце концов, побарахтавшись в пээнэровской каше, найдет упокоение в далекой ФРГ. Но даже и не сам этот сюжет важен, а то, как он рассказывается.

Благодаря сдержанному, лишенному всякого пафоса стилю повествования, погруженного в детали быта, это произведение, оставаясь сагой о людях, живущих здесь и сейчас, позволяет нам беспристрастно взглянуть на исторические события, преодолевает границы сиюминутности и приобретает характер притчи. Бросается в глаза намерение автора отмежеваться от национальных, государственных и политических вопросов: хотя именно они определяют ход вещей, писатель их не комментирует, его персонажи тоже редко обсуждают подобные темы. Повесть «Девушка на крыльце» лишена какой бы то ни было идеологической нагрузки — пространство человеческого существования, показанное здесь, свободно от политических штампов, хотя и деформировано политикой. Ему противопоставлена природа Мазурского Поозерья, еще не затронутая процессами деградации.

Отправной точкой в книге Орлося является стихия, или, пользуясь определением Ежи Стемповского, «сорвавшаяся с цепи история», а конечной целью — постижение природы земли и людей, ее силы, которая в конце концов историю приручает несмотря на все потери и полученные раны. Сила этой природы в любви — не удивительно, что «сага» Орлося так насыщена эротизмом. Признаюсь, не много мне в своей жизни довелось прочесть столь хорошо написанных любовных рассказов, где интимность не была бы оскорблена или нарушена вульгарными (в большей или меньшей степени) сексуальными описаниями. Орлось обладает необыкновенным даром преодоления границ слова, это мы видим в его прекрасных, продуманных до последнего слова миниатюрах.

В своем творчестве Орлось исключительно последователен — дело здесь не только в его поэтике или постоянно оттачиваемой наблюдательности, но и в способности ощутить изменившиеся ритмы жизни. Можно определить это как процесс постепенного, по мере накопления писательского опыта, проникновения в самую сердцевину человеческой восприимчивости — как индивидуальной, так и социальной. Его проза — безусловно, свидетельство своего времени, точнее, своих времен, если посмотреть на нее в свете произошедших политических перемен. Вместе с тем это свидетельство личное, показывающее эволюцию отношения автора к экзистенциальным проблемам по мере накопления жизненного опыта, от книги к книге мы наблюдаем рассказчика, все более осваивающегося с перспективой смерти, осознающего мощь эротизма, наконец, задающего себе вопросы, касающиеся сферы sacrum. Перемена в восприятии мира, которая заметна при сравнении дебютного сборника и последними произведениями Орлося, не есть смена перспективы, это лишь изменение пропорций.

Даниэль Бовуа

ОБРАЗЦОВАЯ ДРУЖБА

Чете выдающихся польских русистов вскоре стукнет по восемьдесят. Уже почти 60 лет они женаты, и давно уже дуэтом в четыре руки играют одну и ту же партитуру — доносят до поляков свое замечательное знание России. Теперь Сливовские решили разъяснить, как сложилась эта исключительная ситуация и какие встречи подарила им богатая событиями совместная жизнь. Собственно говоря, их книгу нельзя назвать ни двойной автобиографией, ни подборкой воспоминаний, хотя и можно воспринять именно так. Но это в первую очередь приглашение к прогулке по домам российских интеллигентов XX века, иллюстрированное необычайно личными и любопытными наблюдениями, которые принадлежат двум открытым и вдумчиво прослеживающим жизнь полякам. Он — литературовед, она — историк. Переплетение их наблюдений рисует захватывающую картину интеллектуальных путей многочисленных писателей и друзей, образуя своеобразный путеводитель по сложным извивам российской жизни и русско-польских культурных взаимоотношений.

Виктория и Рене Сливовские

Как и следовало ожидать, первый контакт обоих молодых людей, не знавших после экзаменов на аттестат зрелости ни единого русского слова, имел под собой идеологическую почву. Разумеется, они поддались пропаганде Москвы и отчасти коммунизма, к чему их склонял и целый ряд аспектов собственного опыта. Впрочем, в 1949 г. они поехали не в Россию, а в Советский Союз. Рене был сыном польского эмигранта, отправившегося из родной страны на заработки. Он родился в 1930 г. во Франции и жил в разных ее промышленных районах неподалеку от Луары, откуда вынес смешанные воспоминания. Учился мальчик во французских школах, но его отец, прилежный читатель отечественной литературы, заботился о том, чтобы сын сохранил знание польского языка. Будучи атеистом левых убеждений, Сливовский-старший поддался в 1947 г. уговорам варшавской пропаганды, призывавшей участвовать в восстановлении страны, и вернулся в Польшу. После годичного пребывания в Белостоке Рене «ради приключений», как он говорит об этом сегодня, выехал на учебу в Ленинград.

У Виктории, которая была на год младше, за плечами осталась куда более трагическая юность. В 1942 г. она очутилась в варшавском гетто, где, забившись под кровать, видела, как убивали ее мать. Добрые люди спрятали девочку вместе с ее отцом на «арийской стороне». Ей присвоили фамилию Заленская. Однако в Ленинград, где Виктория познакомилась с Рене, она попала вовсе не случайно. С давних пор девушка с воодушевлением читала марксистскую литературу. Ее отец был социалистом, она сама вступила в Союз польской молодежи [польский комсомол].

Оба достаточно быстро освоили русский язык. Педагогический институт им. Герцена дал двум молодым полякам возможность полностью погрузиться в студенческую среду. Сегодня они не слишком серьезно и вполне терпимо, с легкой усмешкой смотрят на свою учебу в сталинской атмосфере, рассказывают, что осуждали взаимные доносы, а также научились молчать и скрывать свои чувства.

Однако супруги помнят позорные голосования польского землячества или обстановку на собраниях. Они знали, что товарищи из комсомола не спускают с них глаз. И признаются, что их заставляли маршировать на первомайской демонстрации под лозунгом «Слава великому Сталину». Но ведь, как ни говори, это все-таки была их молодость. Польской паре довелось пережить то же самое, что в СССР переживало всё их поколение. Позже этот опыт значительно облегчил им солидарную реакцию на эволюцию империи, равно как и понимание происходящих явлений. Будучи студентами, они наверняка не могли противостоять тому, в чем соучаствовали, что навязывалось учебными программами. Надлежало просто сдавать экзамены. Их мало касалось (пока), что Андрей Жданов изничтожил Зощенко или Ахматову: «Мы осознавали собственный оппортунизм и испытывали чувство отвращения, от которого оставался неприятный осадок». А может быть, это всего лишь сегодняшняя проекция их огорчений и сожалений? Пишут же они: «Однако это нам не слишком досаждало».

Поженились наши студенты в Ленинграде в 1950 г., в 1952-м родился их сын. После смерти Сталина в 1953 г. оба они вернулись в Варшаву, где окончание вуза в СССР служило идеальным пропуском в научную карьеру. Несмотря на то что они, как сами пишут, «осознавали свою страшную недоученность», супруги получили направления в Варшавский университет (он) и в только что созданный Институт истории ПАН (она). Рене начал собирать материалы для своей диссертации о молодом Чехове. Виктория принялась писать свою работу о петрашевцах. Они честно сообщают, что лишь в тот период у них начали открываться глаза на реальное положение дел. О великой русской литературе молодые ученые больше узнавали от Северина Полляка, чем от своих ленинградских наставников. В библиотеке Варшавского университета они получили доступ ко всем запрещенным мастерам российской словесности: Набокову, Бунину, Мандельштаму и т.п.

Виктория настойчиво подчеркивает ту роль связующего звена, которую стал играть Институт истории ПАН, а в особенности его отдел, руководимый профессором Стефаном Кеневичем, в отношениях с российскими историческими учреждениями. И с благодарностью вспоминает, как некоторые московские исследователи помогали ей получать сверхсложный доступ в архивы. В Польше часто удивлялись: «Каким путем вам удается столь эффективно сотрудничать с советскими историками?» На подобные вопросы и отвечает вся обсуждаемая здесь книга. Без помощи таких открытых и бескорыстных исследователей, как проф. Виктор Яцунский или В.А.Дьяков, ничего не удалось бы сделать. Последний предоставлял даже совсем недоступные материалы, регистрируя их на собственную фамилию. С доброжелательностью и дружеским отношением таких специалистов Сливовские — сами, впрочем, люди чрезвычайно сердечные — встречались на каждом шагу.

По правде говоря, на долю Рене после 1968 г. выпали и кое-какие неприятности со стороны Москвы, когда некто Ершов написал в журнале «Русская литература» (а журнал «Керунки» [«Направления»], выпускавшийся издательством «Пакс», повторил в Варшаве), что польские русисты слишком слабо борются с антисоциалистически настроенными писателями (его упреки-обвинения касались также Анджея Дравича). То был печальный период варшавской русистики, когда ее научного главу Самуэля Фишмана принудили эмигрировать в США, а вместо него бесславно воцарился Базилий Бялокозович. После советский интервенции в Чехословакии мало кто питал еще иллюзии относительно прогрессивной роли Москвы. В 1971 г. Рене в популярном еженедельнике «Политика» опроверг обвинения Ершова.

Если не считать этого короткого эпизода, Сливовские, как это вытекает из чтения их книги, упрямо пробивали дорогу к своей «другой России», обращая минимум внимания на хитросплетения официальной политики, и развивали обширную сеть переписки и личных контактов, возникавших во время бесчисленных путешествий в эту страну. Да они и сами приглашали в свою гостеприимную квартиру многих думающих и талантливых россиян. Сразу же после «оттепели» (это понятие в Польше переняли из названия повести Эренбурга) супруги начали принимать участие в жизни так называемых «шестидесятников». Их хороший знакомый Станислав Рассадин ввел их в знаменитый ЦДЛ, где в кафе у них вскоре появился собственный столик. Конечно же, у Сливовских вызывало стыд грубое исключение Бориса Пастернака и тот факт, что его вынудили отказаться от принятия Нобелевской премии, но произведения Паустовского, Окуджавы или Евтушенко приносили новые веяния. Шли страстные дискуссии о «Звездном билете» Василия Аксенова.

Из повествования Сливовских вырисовывается полная очарования атмосфера московских вечеров. Книга полна забавных и характерных происшествий, из которых складывается картина жизни и дружбы, в ней ощущается тепло всех этих домов и настроение тогдашних времен — словоохотливых, откровенных и патетических. Из этого красочного калейдоскопа встреч то и дело проступают разные портреты, которые становятся маленькими биографиями и превращают их воспоминания в ценный учебник. Мы многое узнаём о жизни и значении Ю.Г.Оксмана, рассказы о котором замечательно дополняются сведениями из его переписки с Марком Азадовским, опубликованной в 1988 году. Видно, что Оксман был настоящим вдохновителем многих работ Сливовских и оказывал польским исследователям неоценимую помощь. То же самое можно сказать и о Викторе Шкловском — не только бывшем «формалисте» и гонителе Пастернака, но всё-таки, невзирая ни на что, авторе замечательной книги о Льве Толстом.

Из этого своеобразного «Who's who» русской интеллигенции отчетливее других выделяются фигуры, отдельно отобранные авторами. У Натана Эйдельмана, автора «научных детективов» и вполне ученых книг о декабристе Лунине или о Павле I, была очень интересная биография оппозиционера, а здесь авторы достаточно резко критикуют вдову своего друга за то, что она позволила себе урезать его «Дневник» (2003). Одна из главных заслуг Эйдельмана состоит, по мнению польских авторов, в том, что во время русско-польского диалога 1988 г. он признал необходимость установить правду в деле Катыни. Воистину братское отношение возникает в книге на страницах, которые посвящены Станиславу Рассадину, автору изданной в 2006 г. книги «Советская литература». Сотрудничество с этим своеобразным, нетрадиционным знатоком русской культуры находит великолепное отражение в последовательно публикуемых антологиях Сливовских, которые печатаются в издательствах ПИВ (польский госиздат) и «Чительник». Искренним другом обоих авторов оказался также (хоть они и несколько отстраняются от особо резких его выпадов) Аркадий Белинков, автор достопамятной монографии о Тынянове, скончавшийся в 1970 г. в США. Сливовские способствовали посмертной публикации в Мадриде его беспощадно обвинительной книги «Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша» (1976).

Читатель рецензируемой книги прослеживает также усилия Сливовских, направленные на то, чтобы сделать доступными полякам лучших российских прозаиков: Юрия Давыдова, автора известных исторических романов, произведения Андрея Платонова, Георгия Владимова или историческое творчество Юрия Штакельберга. Устремляясь по ниточке к клубку, мы доходим до того, что читаем еще и о русском мире за рубежами России, а также узнаём о целом ряде иностранных русистов. Владение французским языком позволило Рене добраться при посредничестве парижских славистов до вдовы известного театрального деятеля Николая Евреинова и познакомиться с Татьяной Осоргиной, о жизни и творчестве которой супруги Сливовские пишут подробно. Благодаря этому их воспоминания, окажись они переведенными на русский язык, могли бы стать поучительным чтением и для русского читателя. Имеет смысл хотя бы зафиксировать действительно огромный вклад Осоргиной в исследования русского масонства или русской словесности во Франции.

Викторию недаром удостоили в Москве почётной докторской степени. С подлинной страстью повествует она о своих контактах в Тарту с одним из отцов структурализма Юрием Лотманом, приглашает нас отправиться в путешествие по Сибири, посетить Казань, Томск и Иркутск, как это сделала она сама во время работы над словарем польских ссыльных, а также делится с читателем историями о своих многочисленных встречах, о веселых или серьезных вечерах.

Читатель закрывает эту книгу с впечатлением, что он прошел через очистительное омовение, что приобщился к настоящей России. И нет лучших экскурсоводов по этой стране, чем супруги Сливовские, потому что уже добрых 60 лет они общаются, сосуществуют с нею и хотя на протяжении краткого периода разделяли ее ошибки, но позже провели много лет, отыскивая величайшие ценности России и передавая знания о них своим читателям и ученикам. Немного найдется таких «носильщиков культуры».

Виктория и Рене Сливовские. ***Россия, любовь наша. Варшава: Искры»,*** *2008. 536 с., ил., ук.*

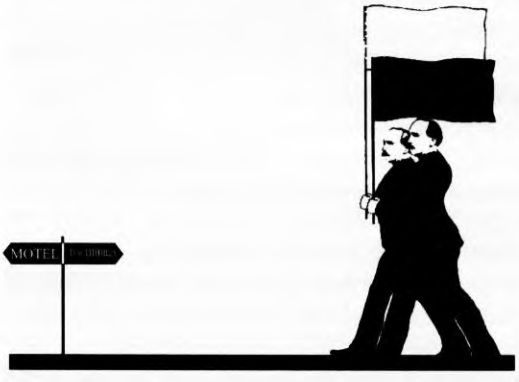
Ежи Урбан

СМЫСЛ АБСУРДА

Расскажу нечто новенькое о разнице между социализмом в ПНР и в СССР. В какой-то степени эта разница отражается на сегодняшнем поведении граждан Польши и России. И у этого есть политические последствия. Я не буду говорить о вещах, всем известных: о несравнимости числа жертв сталинизма в обеих странах. О некоторых вольностях и своеобразии «самого веселого барака в соцлагере». Я лишь представлю две картинки.

Придорожный мотель

Государство, то есть ПНР, построило сеть придорожных мотелей. В 80-е годы завернул я в один такой около Ломжи. Новый, красивый, пустой. Вложено в него было много. После долгих призывов за стойкой администратора появилась женщина. Она сказала, что из съестного ничего нет, и питья тоже. Даже чая, ибо нет кого-то, например поварихи, или чего-то, например электричества, — уже не помню. Добропорядочный бюрократ решил построить мотели и выделить на это средства, но вложенные средства были потрачены впустую, ибо бизнес не функционировал. «Скорее всего персонал получает фиксированную зарплату, — подумал я, — поэтому им всё равно». А вот и нет. Мотель взяли в аренду две дамы и делят прибыль между собой и собственником, то есть государством. Точно так же организовал бы бизнес нынешний владелец сети мотелей. Принципы были бы идентичными и при капитализме. Микромеханизм был продуман безупречно. Но он не работал в сочетании с макросистемой.



Мотель не работал немножко и по социальным причинам. Обе дамы получили его в свое ведение по блату, ибо были женами двух уездных персон среднего уровня. В городе у них были квартиры, мужья, дети, и для них бывать в мотеле как можно реже было важнее, чем пополнять своим доходом домашний бюджет.

Но решающее значение имели всё же экономические причины, связанные с экономикой дефицита. Ничего не делая и не удовлетворяя потребности клиентов — которых потому и не было, — они зарабатывали приблизительно столько же, как если бы вкалывали с утра до вечера. Мотель получал продукты по лимиту, а дамы легально продавали оптом мясо, масло, кофе, сигареты, алкоголь и т.д. и т.п., даже в глаза не видев этих продуктов. В результате одного лишь оборота документов они получали маржу, ибо покупали продукты по оптовым ценам, а продавали по розничным. Они могли бы отпускать эти продукты и по еще более высоким, рыночным ценам, но тогда это было бы преступлением.

Гостиница

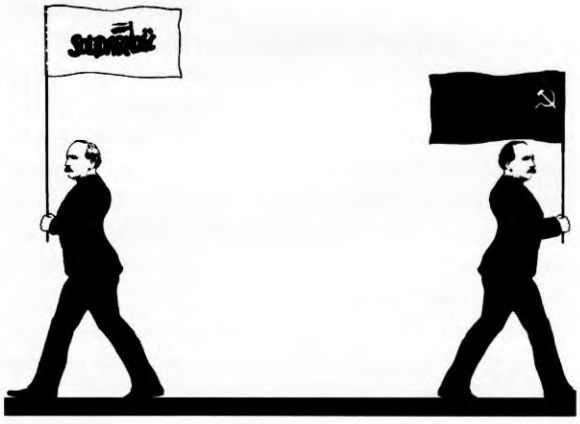
Гостиница была расположена (она, верно, и по сей день находится там же) в советском городе-курорте Сочи на берегу Черного моря. Называлась гостиница «Жемчужина». Вся целиком она была закуплена на Западе, вместе с оборудованием и гостиничными ноу-хау. Гостиница выглядела как западная, и было в ней всё оборудовано, как на Западе. Но система ее функционирования была приспособлена к советским порядкам, советской практике и советским обычаям.

Рядом с пляжем располагался чудесный, большой бассейн. При бассейне спасатели, уборщики, обслуга с полотенцами, медсестра, заведовавшая медпунктом, необходимым на случай, если бы кому-то стало плохо, и т.д. и т.п. Но бассейн всегда был совершенно пуст.

От пляжа бассейн отгораживала высокая сетка. Если бы кто-либо из загорающих у моря захотел в нем поплавать, то ему следовало одеться, ибо в холле гостиницы не разрешалось появляться в купальниках и халатах. Затем из холла надо было спуститься в подвал, по коридорам добраться до бассейна и уже там раздеться. Чтобы иметь возможность это сделать, сначала надо было пойти к врачу в гостинице. Тот направлял в лабораторию в городе, где назначали время для сдачи крови и мочи на анализ, а потом надо было подождать результатов. С этими результатами записаться к гостиничному врачу, который выдавал справку, что у гостя нет заразной болезни, т.е. в бассейн не попадёт зараза. Так было прописано в санитарных правилах, установленных ради заботы о здоровье проживающих в гостинице гостей.

В гостиничных барах обслуживали только гостей, сидящих на высоких табуретах у бара. Остальные стояли, ожидая свободного места. У бармена, находившегося, как положено, за стойкой, ничего заказывать было нельзя. Гость ожидал, пока к нему подойдет официант, примет заказ, запишет, передаст бармену, тот запишет в книгу, нальет, а официант принесет выпивку, и так с каждой рюмкой или стаканом воды отдельно. Так что приходилось долго ждать свободного табурета, а потом — каждой порции выпивки. Более предусмотрительные напивались в номерах.

После ужина, состоявшего из нескольких блюд, для проживающих в гостинице открывался ночной бар. Днем, то есть заранее, следовало выкупить билет и талоны, одинаковые для всех. В этом ночном баре с танцплощадкой подавали — невзирая на ваше желание — второй, заранее оплаченный ужин из нескольких блюд. Напитки к каждому блюду были определены заранее, как с точки зрения содержания, так и количества. Официанту не разрешалось заменять шампанское на водку или наоборот, или коньяк заменять на ликер. Дирекция определяла, что с чем следует пить и сколько.



У входа в бар билетер проверял, соответствующий ли наряд у гостя. Декольтированные платья не допускались. По поводу бабочки вместо галстука можно было поспорить.

Итак, всё было продумано таким образом, чтобы довести дело до абсурда, противоречащего назначению данного места и услуг, которые оно должно предоставлять, что превращало пребывание там в мучение. У подвергавшихся этому мучению гостей — разумеется, исключительно иностранцев — было, однако, о чем поговорить и что порассказать по возвращении домой.

Выводы

В условиях нашего отечественного социализма поляков побуждали действовать в своих интересах, что они и делали. Они приспосабливались к системе, а из ее абсурда умели извлекать выгоду. Об этом я рассказал в описании придорожного мотеля. Умение гибко вести себя в соответствии со своими интересами поляки перенесли в капитализм, приспосабливаясь со временем к его правилам. С психологической точки зрения это была простая адаптация.

В отличие от польского мотеля, действия персонала советской гостиницы не отвечали ни его собственным материальным интересам, ни интересам работодателя, то есть государства, ни интересам гостей. Персонал умножал свои заработки не через увеличение оборота, ибо последний подавлялся административно, а исключительно за счет взяток за нарушение установленного порядка. Система, при которой отдых гостей регулировался с помощью приказаний и запретов, способствовала увеличению коррупции.

Но персонал гостиницы имел стимулы иного характера, не материального. Каждого члена персонала: горничную, бармена, билетера, пропускавшего на дансинг, официанта — начальство снабдило кусочком власти над гостями, власти, приносящей удовлетворение, ощущение значимости, укреп-

ляющей человеческое достоинство. Стоя на страже своей собственной власти, каждый сотрудник гостиницы был заинтересован в защите плацдарма власти начальников, из которого ему перепадала его собственная капля власти, поэтому он тоже был заинтересован в долгосрочном существовании системы как таковой.

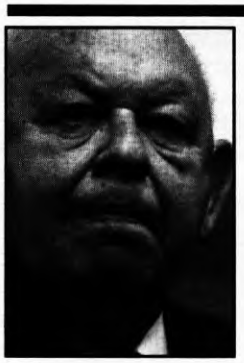
Проживавшие в гостинице гости подчинялись (за собственные деньги) власти гостиничного персонала и установленному порядку. Система приучала к подчинению и отучала от индивидуализма. Даже в выборе напитков, нарядов или положения тела у бара.

Это советское всеобъемлющее образование общества именно в этой гостинице было бесцельным и бессмысленным, ибо гостями были иностранцы, система же — ориентирована на внедрение порядка, предусмотренного для советского общества.

Я думаю, что польский мотель эпохи ПНР и советская гостиница времён СССР — это две капли воды, в которых отразились зачатки дифференциации политических и экономических систем России и Польши.

Разумеется, это лишь зарисовка, дающая повод для рассмотрения более фундаментальных причин, по которым из столь похожего реального социализма естественным образом выросли два совершенно непохожих общества и государства.

Przegląd



Когда-то Ежи Урбан был ведущим публицистом журнала «По просту», главного органа авангарда польской «оттепели», затем работал в престижном журнале «Политика». В те времена никому и в голову не приходило, что он станет врагом «Солидарности», а после введения 13 декабря 1981 г. военного положения — пресс-секретарем правительства ПНР. В настоящее время Урбан издает скандальный еженедельный журнал «Nie» («Нет») — орган крайне левой оппозиции всем правительствам демократической Польши. Несмотря на все это, его фельетон (опубликованный в левом журнале «Пшеглёнд») показался нам доказательством того, что Урбан все-таки сохранил свои сатирические способности. Надеемся, что этот текст даст нашим российским читателям пищу для спокойного размышления.

Иоанна Подгурская

ПАНИ ПО ДЕЛАМ БЕЖЕНЦЕВ

Малгожата Геберт

Малгожата Геберт, 58 лет. Изучала этнографию. Дипломную работу посвятила вопросу интеграции польских армян. После 1976 г. была связана с демократической оппозицией. Участвовала в создании первого в Польше (после 1968 г.) еврейского детского сада. Работала, в частности, в Центре поддержки женщин. Создала Центр помощи беженцам при «Польской гуманитарной акции». Лауреат премии им. Ежи Зимовского, присуждаемой Институтом общественных вопросов.

Все началось с землетрясения. Когда в 1988 г. Малгожата узнала, что в Армению летит правительственный самолет с гуманитарной помощью и в нем осталось еще немного места, она организовала сбор вещей. Весть об этом разошлась по всей Варшаве. Пришли целые толпы людей. Прихожая была завалена вещами до самого потолка — их паковали круглосуточно. В акцию стихийно включились таксисты, предложившие бесплатную доставку. Для Янека, которому в то время было семь лет, это первое воспоминание о деятельности матери:

— Она втягивала нас в тысячи историй: то в переезд грузинской семьи, когда мы целый день носили мебель, то в сбор вещей для чеченцев, которые приехали в Польшу без гроша за душой. С тех пор как она придумала День беженца, в доме к этому празднику готовились огромные кастрюли еды, а мы, волонтеры, все это развозили.

Когда возник Центр помощи беженцам, в доме стали проходить встречи с его сотрудниками. Дом Малгожаты живет делами ее подопечных: молодой чеченской вдовы полевого командира, которая должна была стать национальной иконой, но влюбилась в африканца, и пришлось ее прятать, так как ей угрожали смертью; психически больного арабского беженца, который попал в тюрьму, а после попытки самоубийства — в больницу, — одинокого, перепуганного, не идущего на контакт. Малгожата ездила к нему, выбивала для него курс лечения, но ничего не вышло — он умер. Пережить эту смерть ей было особенно трудно. На другом полюсе — история женщины из Казахстана, которой Малгожата помогла вновь обрести свое «я». Это была сирота, которая сама не знала, как оказалась в Казахстане. Когда-то, проезжая с мужем, советским чиновником, через Варшаву, она испытала странное чувство дежавю.

— После долгих поисков выяснилось, что она родилась в варшавском районе Воля, а ее фамилия фигурирует в списке расстрелянных, — рассказывает Константы Геберт, муж Малгожаты. — Госька помогла ей обрести прошлое, изменила ее мир. Она все время ищет кому-нибудь квартиру, устраивает людей на работу, оформляет им документы. Попутно успела воспитать четверых детей. Она годами

отказывает себе в любых удовольствиях типа театра или кино. Время, чтобы поговорить, у нас было только в субботу, так как, возвращаясь с работы, она буквально падала с ног. Госька не умеет работать вполсилы. Это что-то вроде болезни.

Когда Малгожата начинала работать с беженцами, ими практически никто не занимался. Не было правил, процедур. Она боролась против высылки, подружилась с офицерами Пограничной охраны, в совершенстве овладела искусством выбивать в учреждениях статус беженца. Вместе с Мареком Котанским она создала Дом беженца — место, где бездомные беженцы могут жить. Ее Центр помощи собирает деньги на стипендии, организует детские интеграционные лагеря, женские клубы, где чеченки вместе с сомалийками готовят, шьют и учат польский, курсы для учителей и директоров школ, в которых учатся иностранцы.

Это нелегкая работа. Как говорит сама Малгожата, самое трудное — не то, что иногда в центры приходят грязные и больные люди, а отсутствие взаимопонимания.

— Мы стараемся понять их, но они не всегда стараются понять нас, и это непонимание нагромождается, — описывает она положение.

Система тоже не способствует пониманию: сначала она защищается от беженцев, проверяет их, а дав им легальный статус, требует, чтобы они немедленно интегрировались. Проблема заключается в том, что часто они рассматривают Польшу как транзитную страну. Для чеченцев это, как правило, остановка перед желанной Бельгией, где у них большая диаспора, — там они живут большими кланами. Пытаться интегрировать их в польское общество — все равно что пахать целину. Самая большая проблема — это чеченские женщины, ставшие жертвами изнасилования. Человеку, которому они доверяют, они могут рассказать об этом неофициально, но официально — никогда: это означало бы уход мужа вместе с детьми. Нужно не только пробиться через эти культурные различия и найти психолога, понимающего их язык, но и лечить эту травму втайне от их окружения. Это десятки, сотни внешне незаметных усилий, которые часто оканчиваются поражением.

— Бóльшая часть вещей, которыми занимается мама, — это кропотливая черная работа, не приносящая видимых успехов, — говорит Янек Геберт. — Ее дополнительный эффект заключается в том, что нам, четверым ее детям, ясно: людям надо помогать.

POLITYKA

Барбара Петкевич

ТРИ ПОКОЛЕНИЯ ЖОЛИБОЖА

«Что бы здесь было, если бы не 1918 год? Унылый пустырь? Военный полигон? Еще одна зона ГУЛАГа?» — спрашивал бургомистр района Жолибож школьников своего района, приглашая их принять участие в конкурсе «От президента Вильсона до площади Вильсона».

Вильсона было много в работах школьников — письменных, фотографических и художественных. Эмилия Андерсон нарисовала плакат в стиле Шагала с президентом США, летящим над площадью своего имени. Павел Боровецкий предложил поставить ему памятник за заслуги в деле обретения Польшей независимости. (За это Вильсон уже получил плакат от Эмилии и Орден Белого Орла от Польши).

Александровская цитадель. Аэрофотосъемка 20-х гг. XX века

На фоне этой американской благосклонности зловеще звучит приводимая в работах школьников цитата из речи царя Николая I, обращенной к полякам: «Если вы будете упрямо лелеять мечту об отдельной национальности, независимой Польше и все эти химеры, вы только накличете на себя большие несчастья. По повелению моему воздвигнута здесь [Александровская] цитадель; и я вам объявляю, что при малейшем возмущении я прикажу разгромить ваш город, я разрушу Варшаву, и уж, конечно, не я отстрою ее снова».

Удивляются участники конкурса: крепости обычно строили, чтобы защищать города. С этой было всё наоборот, ее пушки повернули против Варшавы, на тот случай, если непокорные поляки в очередной раз устроят восстание. Прежде чем Цитадель построили, царь приказал сравнять с землей дома и поселения 10 тысяч жителей, изгнать их, выкорчевать по всей территории деревья, чтобы ничто не заслоняло вида: мертвая, пустая земля.

На этом-то пустыре, спустя несколько лет после обретения Польшей независимости, было решено построить Жолибож. «В тени крепости, — пишут школьники Жолибожа, — словно вопреки ей, как отрицание ее». И посадить деревья. Дедушка Кубы Владислав помнит, как высаживали деревья на улице Чарнецкого. Первое деревце торжественно посадила 6-летняя Иоася Войнар. Где сегодня внуки Иоаси? Деревце, высаженное на Солнечной площади, теперь разрослось и превратилось в развесистый клен.

На территории всего Жолибожа в массовом порядке высаживали кусты, цветы, закладывали газоны — зеленое народное ополчение устремилось сюда, чтобы преградить путь клубам пыли и песка с полей. С этого начался сегодняшний зеленый Жолибож.

То ли гены, то ли магниты

«Весь наш Жолибож — это памятник в честь свободы, воздвигнутый в начале XX века нашими прадедами и дедами», — пишут дети. Что касается Кубы Родовича, лауреата первой премии, то его прадед, инженер-магистр Станислав Родович, родом из Жемайтии, пришел с тремя малыми сыновьями на

улицу, которая должна была стать Фортечной (Крепостной), посмотреть, как на пустыре возводят их дом. Прадед был членом жилищного кооперативного товарищества офицеров, которое поддерживал сам Юзеф Пилсудский. Уроженец Жемайтии увидел зайца, шнырявшего возле фундамента, и счел это добрым предзнаменованием.

Что за прадед это был! Он работал в комитете по строительству храма св. Станислава Костки и был известным в мире инженером-механиком. А погиб он в Катыни.

С визита на улицу Фортечную начинается связанная с Жолибожем история семьи Родовичей. У каждого их них биография столь богатая, что хоть сериал снимай. Брат прадеда Кубы погиб во время революции. Сестра прадеда, Зофья Родович-Иваницкая, после возвращения в Польшу потеряла двоих детей, умерших от туберкулеза. Одна из школ носит имя Марыси Иваницкой, одной из ее четверых детей, служившей санитаркой в партизанском отряде АК и павшей смертью героя. Сын погиб во время Варшавского восстания. Вторая сестра прадеда прожила 89 лет. Она знала несколько языков. Все женщины и мужчины в этой семье были прекрасно образованы.

Пожар Александровской цитадели

Вот какие люди попадали в возводившийся тогда Жолибож. Они ощущали собственную «уникальность», их отличал собственный стиль. Можно было услышать следующий разговор: «А вы, уважаемый, откуда? Из Варшавы? А я с Жолибожа». «Я предлагаю Вам, — писал Казимеж Брандыс в книге «Письма к пани Зет», — Жолибож как образ мыслей».

Если бы они не потянулись на эту землю, лишенную жизни по воле царя, то наверняка не возникла бы легенда этого района. Но сегодня их становится все меньше. Гимназистка Юля Карван-Ястшембская говорит, что в ее доме 4 на пл. Вильсона семьи, которые не погибли во время II Мировой войны, никуда не уезжали или просто состарились, — постепенно тают. Их дети и внуки продают квартиры и дома, требующие капитального ремонта, а на их место селятся люди, о которых известно, что ремонт они сделать в состоянии. «С площади Вильсона, — говорит Юля, — исчезают также небольшие магазинчики и мастерские, хозяевам которых становится не под силу платить за помещение». Не стало сапожника, нет уже филателистического, антикварного магазинчиков, где было буквально темно от сигаретного дыма, но какое удовольствие было поговорить с их владельцами! «А ведь такая утренняя беседа, — говорит Юля, — это как якорь для начинающегося дня».

Магазины довоенного времени на площади исчезли во время войны, угрозу царя осуществил Гитлер, но те, что появились после II Мировой войны, уже тоже история. Они должны оставаться, должны постоянно быть — как надежные отправные точки города. В качестве примера Юля рассказывает, что случилось с одной тряпкой. Тряпка эта висела на дереве в саду, который жители называли парком. Дети росли, а она так и оставалась висеть целая и невредимая на ветке. Папа Юли решил каким-то образом ее снять. А дети запротестовали. Это их тряпка, она всегда тут присутствовала, когда они подрастали. Пусть и дальше висит!

Улица Аноды

До тех пор, пока Жолибож будет оставаться Жолибожем, никто не снимет мемориальной доски с дома Родовичей на Фортечной. Доска сообщает, что в годы оккупации тут в подвале действовал самый крупный радиопередатчик «Подводная лодка», средство связи с командованием польской армии на Западе. Командиром «Лодки» был Станислав Родович — тот самый мальчик, который вместе с отцом в 1923 г. тоже видел зайца. Несмотря на многочисленные обыски немцы так и не обнаружили местонахождения радиостанции. Станислав, ставший потом кинорежиссером, за годы, проведенные в застенках госбезопасности, заплатил смертью от инфаркта.

Ну и Ян Родович, подпольная кличка Анода, из батальона «Зоська», сын инженера-гидротехника Казимежа Родовича, еще одного брата Кубиного деда. Участник операции у Арсенала, герой Варшавского восстания. После войны был арестован госбезопасностью. Семье сказали, что он совершил самоубийство. На самом деле его, вероятно, замучили. Брат Аноды, выпускник Главной торговой школы, погиб во время Варшавского восстания.

Какое чувство испытывал Куба, когда на одном из школьных уроков обсуждался вопрос о присвоении имени Аноды варшавской улице? Гордость. Но он не кичится этим. Так учит его дед, инженер (а как же иначе) Владислав Родович, которому 92 года, ум острый как бритва, память как кинолента, защитник Модлина, узник Майданека и Освенцима; у него 14 внуков, 10 правнуков. Он вернулся на Фортечную, восстановил разрушенный бомбой дом, записал историю семьи и передал молодому поколению все те принципы, которые обязательны для семьи Родовичей.

Кооперативная республика

Юля Карван-Ястшембская пишет в своей работе: «Начало века. Создается кооператив «Феникс». Весьма солидные господа встречаются за столом и принимают решения, которые повлияют на судьбу самого центра Жолибожа — площади Вильсона. Среди этих господ — мой прадед и его друзья».

Кооператив «Феникс» выстроил для своих членов пять домов на площади Вильсона. В шестом, не построенном, должны были разместиться прачечная, гаражи, конференц-зал и убежище на случай газовой атаки — все это были весьма революционные для своего времени решения. Необычность образа мыслей, свойственная жителям этого района, заключалась прежде всего в том, что всё, что они задумывали сделать, создавалось для всех. Отцам-основателям хотелось сделать Жолибож районом кооперативным: здесь должна была возникнуть кооперативная республика, как они говорили. Свои кооперативы создавали офицеры, чиновники, журналисты, служащие учреждений соцобеспечения и многие-многие другие.

В том микрорайоне, который называется Офицерским Жолибожем, где живет семья Родовичей, начали строить дома в усадебном стиле, «согласно обычаям и небесам польским», но одновременно строились дома-близнецы и обычные дома. В микрорайоне, получившем название Чиновничьего Жолибожа, очень тихом, была запланирована улица Венявского, вдоль которой в ряд выстроили трехэтажные дома с крутыми крышами.

За элитными кварталами Жолибожа появился знаменитый Варшавский жилищный кооператив, о котором пишет Агнешка Пабен, ученица общеобразовательного лицея им. Выспянского. Это были уже не дома усадебного типа, не «согласно обычаям», а здания с дешевыми, обустроенными квартирами для людей скромного достатка, в том числе и для рабочих.

Агнешка и ее брат выросли на улице Броневского, что в квартале Беляны, откуда рукой подать до Жолибожа. Мама работает в Союзе слепых, а их покойный отец был юристом. Родители, по словам Агнешки, старались воспитать своих детей — как это называет проф. Бартошевский — порядочными. Уважать других, невзирая ни на какие различия, честно работать. В ее семье в День поминовения усопших всегда идут на кладбище Повонзки. Всегда отдают дань памяти Варшавскому восстанию.

Агнешка работает волонтером в Музее Варшавского восстания. Участвует в Библейской Олимпиаде — она писала работу об апостоле Павле, но ей ближе апостол Иоанн. Она хочет стать полонистом и работать гидом, чтобы водить экскурсии по Варшаве. Она любит этот город. Когда группа туристов под ее руководством дойдет до Жолибожа, Агнешка отойдет в сторону. Пусть они сами услышат ритм района, прикоснутся к его зеленой красе. Она хотела бы тут жить. С большой семьей.

Ведь семья — это самое главное. И учеба, разумеется. Житель Жолибожа без образования — это как картина без рамы.

Третье поколение

Юля Карван-Ястшембская описывает жизнь своих ровесников в довоенном дворике дома №4 на площади Вильсона. Там играли в салочки и классики. Когда одна из девочек заболела, домашняя прислуга носила записочки от одной девочки к другой (возник даже профсоюз сторожей и домашней прислуги).

Бродячие торговцы ягодами, молоком и брусками льда громко призывали покупать свои товары. Жители подолгу сиживали на лавочках во дворах своих домов. Юля помещает в своей работе чудом сохранившийся снимок детей со своего двора. Все тогда друг друга знали. Старые жительницы, из тех, что еще живы, долго вспоминали и установили, кто из изображенных на фотографии дожил до старости, кто умер, кто погиб. Остались немногие. И мало осталось биографий семей с Жолибожа и сведений об отцах-основателях.

Ян Родович-Анода после войны стал студентом архитектуры. Если бы его не замучили в тюрьме, он наверняка стал бы достойным продолжателем идей проектировщиков района — Гутта, Теплица, Толлочко, Зборовского, Сверчинского, Брукальских. Почему нет монографии об этих замечательных творцах, не осталось сведений о судьбах их семей? Чем сейчас заняты их внуки и правнуки? Унаследовали ли они Жолибож как образ мыслей?

Бартломей Францишек Сасин из лицея им. Виткевича на Жолибоже, лауреат I премии за работу об интеллигенции Жолибожа, уверен: да, унаследовали. Его отец получил здесь ордер на квартиру в блочном доме, как это обычно происходило в ПНР. Но мама — уже первая в семье уроженка Жолибожа. Ну и он сам, разумеется, тоже. И не представляет себе, что мог бы жить в каком-то другом месте. Настоящий уроженец Жолибожа не променяет свой район на что попало, ибо все остальное — это и есть что попало, кроме Жолибожа. Бартек Сасин уверен, что теперь наступает время третьего поколения, мыслящего по-жолибожски. Первыми были его основатели, патриоты-визионеры, романтики, увлеченные мечтой о «стеклянных домах», при этом позитивисты.

Второе поколение — их дети. Многие погибли во время Варшавского восстания. А те, что уцелели и жили в ПНР, трудились на благо общества. В работе Юли есть снимки детей, идущих в рядах демонстрантов в День защиты детей 1 июня. Они несут транспаранты с прекрасными лозунгами. Нельзя всего отрицать. Порядочный человек, как говорит дед Кубы, всегда может ощущать себя внутренне свободным и не позволит себя погубить ни при каких обстоятельствах.

Люди из второго поколения не мыслили перспективно. Строй ПНР этому не способствовал. «Делай, что должно», — пел Млынарский, и эту песню следует считать гимном ПНР. Таким тогда был образ мыслей по-жолибожски. И многие люди оказались в этом смысле достойными восхищения: они делали, что могли, ради своей жизни, и ради жизни общества.

Бартек взял интервью у лучших представителей интеллигенции из второго поколения. Например, профессор Войцех Нощик. Какая культура, какой класс, какой профессионал. Он не пожалел времени для скромного школьника. И Зофья Мерле, и Ярослав Качинский, да и много других, кто согласился с ним побеседовать. Истинные интеллигенты. Ведь не каждого образованного человека можно назвать интеллигентом. Иногда это всего лишь образованец.

А теперь в жизнь общества войдет третье поколение — внуки первого. Бартек знает многих из них. Это его товарищи по лицею, некоторые из них невероятно талантливы. Они много работают, сознавая цель, к которой стремятся, и очень практичны. У них есть образ будущего, и его уже не задушит никакая ПНР. Как когда-то окрыляла только что обретенная независимость, так вскоре эту окрыленность даст ЕС и открытый до головокружения мир. Так думает ученик лицея Бартломей, будущий юрист.

Пока что он стал членом объединения молодых депутатов района. Для начала они решили, что следует оживить проспект Войска Польского. Например, поставить всюду урны для мусора, может быть, посадить какие-то цветочки, ну и разметить велосипедную дорожку, разумеется.

POLITYKA

Эльжбета Савицкая

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

» На Берлинском международном кинофестивале Анджей Вайда получил премию имени Альфреда Бауэра за фильм «Аир». Этой премии, присуждаемой за открытие новых перспектив в искусстве кино, обычно удостаиваются молодые режиссеры.

— Я весьма счастлив, что, будучи, наверное, самым старым режиссером в этом зале, получаю премию на фоне дебютов, которые мы здесь видели, — сказал Вайда во время торжественной церемонии в Берлине. — Никогда не думал, что старый режиссер может получить награду за открытие новых горизонтов кино. Мир перевернулся...

Анджей Вайда считает, что этой премией он обязан исполнительнице главной роли Кристине Янде, которая, как он сказал, «отдала этому фильму не только свой талант, но и часть своей жизни».

Фильм поставлен по мотивам рассказа Ярослава Ивашкевича, некоторые сюжетные линии взяты из рассказа венгерского писателя Шандора Мараи «Срочный вызов». Необычный вклад — собственный монолог — внесла в сценарий Кристина Янда.

— Я начал готовиться к фильму, когда узнал, что Эдвард Клосинский, муж Кристины, тяжело болен, — сказал Вайда в интервью Тадеушу Соболевскому. — Он проходил химиотерапию, Кристина не могла оставить его ради фильма. Я не представлял, что всё окончится так быстро смертью Эдварда, моего друга, с которым мы делали «Человека из мрамора» и «Человека из железа», который был одним из операторов «Земли обетованной». Мы познакомились, когда он был еще студентом киношколы, — тогда он и стал оператором в «Березняке». Через какое-то время мы всё же решили сделать этот фильм. Я хотел показать на экране, как он создается, как мы с Кристиной разговариваем об этом фильме. Съемки подходили к концу, когда Кристина Янда дала мне с дюжину страниц текста, который она написала. Я прочитал — и мороз прошел по коже. Меня поразила ее смелость, искренность, писательская дисциплина, — рассказывал режиссер.

Этим монологом и открывается «Аир». Янда одна, с сигаретой, в пустом гостиничном номере — точно таком же, как на знаменитой картине американского художника Эдварда Хоппера, — рассказывает о смерти своего мужа, оператора Эдварда Клосинского.

Этот пронзительный фильм о смерти произвел большое впечатление на Берлинском кинофестивале. На польский экран фильм выйдет в конце апреля.

» 16 февраля отмечалось 80-летие Казимежа Куца — выдающегося театрального и кинорежиссера, одной из наиболее колоритных фигур не только польского кино, но и нашей политической сцены. Сенатор в 1997-2007 гг., с 2007 г. депутат Сейма от «Гражданской платформы» (никогда, однако, Куц не состоял ни в какой политической партии). Общественный деятель и блистательный фельетонист, прославившийся острым пером, но прежде всего силезец, «шлёнзак», — был назван самым знаменитым из ныне здравствующих силезцев. Сын силезского повстанца, Куц поставил более двадцати художественных фильмов, часть которых о польской Силезии. В их числе «силезская трилогия» — «Соль черной земли» (1970), «Жемчужина в короне» (1972) и «Бусины одних четок» (1979). Среди наиболее известных фильмов Куца — «Обращенный», «Полковник Квятковский», экранизация «Хвалы и славы» Ярослава Ивашкевича. Особое место в фильмографии режиссера занимает «Смерть как краюха хлеба», один из наиболее значительных польских фильмов о периоде военного положения, посвященный событиям в шахте «Вуек», во время которых в декабре 1981 г. от пуль карателей погибли 10 шахтеров.

В связи с юбилеем польский телеканал «Культура» провел фестиваль творчества режиссера. Были показаны самые известные его фильмы, а

также спектакли телевизионного театра, такие как «Самоубийца» Николая Эрдмана, «Вальпургиева ночь, или Шаги командора» Венедикта Ерофеева, «Сталин» Гастона Сальваторе. Зрители могли также посмотреть документальный фильм Михала Белявского «Профессия режиссер: Казимеж Куц».

Этот фестиваль был сюрпризом для всех, включая юбиляра. Режиссер давно в конфликте с официальным телевидением, как при правительстве Союза левых демократических сил (экскоммунистов), так и «Права и справедливости». На вопрос «Газеты выборчей», почему он сейчас не работает на телевидении, режиссер ответил:

— Мне уже не хочется. Я слишком стар. Сколько можно играть в такие игры? Я поставил 70 фильмов, театральных и телевизионных спектаклей. Я свое дело сделал. Буду потихоньку что-нибудь поделывать... Сейчас меня уже не хватит на то, чтобы ходить с просьбами к каким-нибудь говнюкам. Они на меня смотрят так, словно я давно уже должен был умереть. Это гадкие условия, мне это не нравится. (...) Когда-то, при коммунистах, на этих постах были всё-таки другие люди — профессионалы в области культуры. А сейчас? В последнее время на телевидении появились какие-то новые — с крайне националистическими взглядами. И что, мне к ним ходить? Боже упаси. (...) Телевизионный театр («Театр ТВ») стал рупором Института национальной памяти — и теперь не имеет ничего общего ни с театром, ни с искусством, — считает Куц. — Когда смотришь старые спектакли, видна разница. При коммунизме приходилось обивать пороги, но всё-таки мы делали искусство.

К юбилею режиссера издательство «Знак» выпустило книгу Александры Клих «Весь этот Куц. Непокорная биография». Книгу высоко оценила искушенная журналистка Малгожата Шейнерт: ««Весь этот Куц» — по сути повествование о силезской горечи, об условиях повседневной и художественной жизни в ПНР, о тогдашних обычаях, предубеждениях и огорчениях, о поиске собственного творческого пути и связанных с этим муках и радостях, о том, как трудно пользоваться завоеванной свободой. Мы словно вместе с Куцем проходим его путь. Ребенок, бедный дом в Шопеницах. Студент, который стыдится посылок из дома, потому что в них сало, смалец и косичка чеснока. Начинающий режиссер, дамский угодник. Он ненавидит Силезию с ее убожеством и бедностью, но, как блудный сын, возвращается в родной дом, который все же преданно любит, и должен в знаменитом кинотриптихе «выблевать эту силезскую колючую проволоку». Наконец, сенатор и депутат Сейма Третьей Речи Посполитой. Мы знакомимся с его силезской семьей, его друзьями, с актерами, режиссерами, писателями, политиками, и каждая из этих многочисленных фигур может рассказать что-то интересное или переживает ситуацию, достойную чуть ли не целого фильма».

» Краковское издательство «Знак», связанное с католическими кругами «Тыгодника повшехного» и журнала «Знак», отмечает свое 50-летие под лозунгом «Хорошо выходим в свет!». Солидное издательство, несмотря на всяческие препятствия — раньше цензуру и недоброжелательность властей, а сегодня жесткие требования рыночного капитализма, — замечательно делает свое дело. За 50 лет издано 1779 наименований книг, которые пришли к читателю общим тиражом около 15 миллионов экземпляров. Самая знаменитая книга, вышедшая в свет в издательстве «Знак», — «Память и идентичность» Иоанна Павла II. Тираж этой книги был самым большим в истории Польши — около полутора миллионов экземпляров. Среди авторов «Знака» восемь лауреатов премии «Ника», 13 нобелевских лауреатов и два, как оказалось, будущих Папы римских.

Центральным событием юбилея издательства стал прошедший 27 января вечер в Краковском оперном театре, во время которого Вислава Шимборская читала стихи из своего последнего сборника «Здесь». Чтение сопровождал Томаш Станько — знаменитый джазовый трубач и композитор.

— Не знаю, как присутствующие, но я пришла сюда, чтобы послушать эту трубу, — сказала нобелевский лауреат Шимборская, указывая на Томаша Станько. — Непонятно зачем, но издательство потребовало от меня, чтобы я прерывала этот концерт какими-то текстами. Это не моя идея!

Голос Шимборской и импровизации Станько увековечены. Будет издан роскошный том, к которому прилагается диск с записью вечера в Краковской опере.

» Литературную премию имени Владислава Реймонта за 2009 год, присуждаемую Союзом польских ремесленников, получили: в категории «За творческие достижения всей жизни» — прозаик Юзеф Хен и поэт Кшиштоф Карасек; в категории «За книгу года» — Анна Янко, автор повести «Девушка со спичками».

Жюри присудило также почетные специальные отличия за заслуги перед польской литературой и культурой. Лауреатами стали: Барбара Коц — выдающийся знаток творчества Владислава Реймонта, Збигнев Маковский — поэт и художник, Ян Родзень — многолетний руководитель варшавского Клуба книжника.

» Лауреатом премии журнала «Нове ксёнжки» («Новые книги») за 2008 год стала Дорота Кудельская, автор книги «Путь слова и кисти. Интеллектуальная биография Яцека Мальчевского» (издательство Люблинского католического университета), посвященной выдающемуся художнику, одному из главных представителей польского символизма на рубеже XIX и XX веков. Кудельская, сотрудник отдела гуманитарных наук ЛКУ, ранее издала исследование «Юлиуш Словацкий и изобразительные искусства», подготовила также к печати «Письма Яцека Мальчевского отцу» (журнал «Кресы», 2001, №48).

» В издательстве MG вышел в свет сборник исторических эссе Войцеха Зайончковского «Россия и народы. Восьмой континент. Очерк истории Евразии».

— Это книга о России сквозь призму нерусских народов, которые входили в ее состав, — сказал автор, представляя книгу в Польском агентстве печати. — В исторической литературе о России есть парадокс: история России понимается как история русских, хотя Россия как империя была многонациональным государством, в котором межэтнические отношения были едва ли не самыми сложными в мире.

История России описывается обычно через Москву и Петербург как история царей и генсеков. Зайончковский показывает, что нерусские оказали огромное влияние на историю того, что кроется под названием «Россия». «Дважды существование «вселенской России» — сначала монархически-православной, а затем коммунистической — было поставлено под сомнение национальной идеей. В первый раз это произошло в 1917-1920 гг., во второй раз — в 1991-м», — отмечает автор.

Войцех Зайончковский (род. 1963) — историк (учился в Люблинском католическом университете), опытный публицист и дипломат. Работал, в частности, в Центре восточных исследований, в Фонде имени Стефана Батория, в посольствах Польши в Москве и Киеве, аккредитован был также в Ашхабаде. В настоящее время посол Польши в Бухаресте.

» После долгого периода безвластия в варшавском Национальном музее появится новый директор. С 1 августа им станет профессор Петр Пиотровский — историк искусства из Познанского университета им. Адама Мицкевича. Профессор Пиотровский — специалист по истории искусства XX века, преимущественно искусства Центральной и Восточной Европы. Он, в частности, автор изданной четыре года назад книги «Авангард в тени Ялты. Искусство в Центральной и Восточной Европе. 1945-1989». Ранее вышла его книга «Значения модернизма», которая в 2000 г. выдвигалась на премию «Ника». В музейной среде назначение Пиотровского воспринято с заметным удовлетворением.

» В варшавском Национальном оперном театре Лацо Адамик поставил оперный диптих «Два слова», состоящий из двух независимых одноактных опер: «Verbum nobile» Станислава Монюшко и «Присяги» Александра Тансмана. Мнения критики о новой премьере разделились: на первый взгляд казалось, что это соединение воды с огнем. «Оперы, которые разделяют примерно сто лет, — это рискованное соседство, но, даю слово, спектакль стоит посмотреть», — утверждает рецензент «Газеты выборчей». А Яцек Марчинский в «Жечпосполитой» более строг к режиссерскому замыслу. Он пишет: «Лацо Адамику не удалась «Verbum nobile» как беззаботная комедия, здесь мало смешных ситуаций, очарования и легкости». Солистов рецензент тоже не хвалит: поют неровно или некрасиво. За единственным исключением. Когда на сцене появляется Адам Крушевский, происходит волшебная перемена. «Как хорошо, что еще не совсем исчезли певцы, которые верят, что музыка Монюшко имеет блеск и сценический нерв», — заключает с облегчением критик.

» 16 февраля отмечалось 70-летие со дня рождения Чеслава Немена (1939-2004) — певца с незабываемым голосом, знаменитого композитора и музыканта, незаурядного человека. Это одна из самых крупных индивидуальностей польской рок-сцены. Его музыка сопровождала слушателей несколько десятилетий. До сих пор помнятся такие выдающиеся его вещи, как «Под попугаями», «Странен этот мир», «Траурная рапсодия памяти Бема» или «Возле нас». В связи с юбилеем музыканта издательство «WAM — Студия INIGO» подготовило аудиокнигу «Немен. Время как река». Текст о Чеславе Немене читает знаток его творчества, журналист и ведущий музыкальных передач Марек Гашинский. Аудиокнига содержит также записи текстов песен и стихов в исполнении Тадеуша Маляка — выдающегося краковского актера, джазовые интерпретации произведений Немена с диска джазового пианиста Артура Дуткевича под названием «Немен-импровизации». В варшавском клубе «Нежный варвар» Марек Гашинский представил уникальные записи Чеслава Немена, обнаруженные недавно в архиве Польского радио. В Ополе несколько десятков человек собралось на Университетском холме. К памятнику музыканту возложили цветы, после чего было прослушано самое знаменитое произведение Немена «Странен этот мир». Памятник певцу установлен также в Стшельцах-Опольских.

» 4 февраля в Варшаве умер Витольд Залевский — писатель, публицист, сценарист, участник Варшавского восстания. Он прожил 88 лет. Во время немецкой оккупации принимал участие и в подпольной литературной жизни, и в движении Сопротивления. После войны работал в литературной периодике. Был одним из организаторов и многолетним литературным руководителем кинообъединения «Тор».

Кшиштоф Занусси в некрологе, подписанном вместе с ним работниками киностудии «Тор», отмечает: «Хотелось бы выразить огромную благодарность человеку, который многие годы влиял на наши вкусы и на нашу совесть».

В творческом наследии писателя есть такие произведения, как «Трактора завоюют весну» (1950) — одна из наиболее известных повестей польского соцреализма, а также «Раненый в лесу» (1960), «Солнечное сплетение» (1972), «Непобежденные» (1981), «Прощание с крепостью» (1981) и «Посланец» (1988). По «Раненому в лесу» Януш Насфетер снял фильм, в котором дебютировал Даниэль Ольбрыхский.

Витольд Залевский похоронен на варшавском кладбище Повонзки.

» 10 февраля в Кракове на 79-м году жизни скончался Ян Блонский — выдающийся историк литературы, литературный критик, переводчик и преподаватель (см. материалы в этом номере).

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Как у Александра Дюма — двадцать лет спустя. Только не так интересно, как у Дюма, которого читаешь, затаив дыхание. Продолжаются дискуссии о значении «круглого стола», за которым в 1989 г. встретились коммунистические власти с частью демократической оппозиции. Результатом встреч стали прошедшие в июне того же года «предпарламентские» выборы в так называемый контрактный Сейм, в котором коммунисты имели гарантированное большинство, вскоре, впрочем, утраченное, что привело в сентябре к назначению первого оппозиционного премьер-министра на пространстве от Эльбы до Камчатки.

Споры о «круглом столе» шли с самого начала. Часть деятелей тогдашней оппозиции, не нашедших за ним места, рассматривает эту встречу как альянс коммунистов с теми, кто стремился более к реформе «реального социализма», чем к его свержению, и считал призывы к достижению полной независимости слишком рискованными. Есть даже немало тех, кто видит в «круглом столе» сговор элит за спиной общества. Такой точки зрения придерживается, например, Петр Семка, который в статье «Стол не для всех» (**«Жечпосполита»**, № 32/2009) пишет:

«Был понедельник 6 февраля 1989 года. С утра моросило. В корпусе социологического факультета Варшавского университета собираются делегаты «Солидарности» на открытие «круглого стола» (...) С волнением записываю в блокнот фамилии прибывающих. Первое впечатление — одни профессора. Молодых лиц наперечет. Где же рабочие?»

Семка, похоже, не заметил в этой толпе профессоров ни Леха Валенсу, ни Збигнева Буяка, Владислава Фрасынюка, Тадеуша Единака, Алоиза Петшика — рабочих, которые годы военного положения и подполья использовали не только для политической деятельности, но и для самообразования: это уже не «такие» рабочие, которых рисовали марксистские учебники. Даже в качестве профсоюзных деятелей, которые «предали интересы рабочего класса».

Читаем дальше:

«Сегодня я вспоминаю, насколько люди, связанные с «Солидарностью», стремились закрыть глаза на идейные различия, существовавшие между участниками переговоров. Сама постановка вопроса, не играет ли кто из команды Валенсы против своих, вызывала хор возмущенных голосов. Однако уже тогда естественная селекция тех, кто был ближе к Валенсе, и тех, кому еще предстояло пробиться в этот круг, создавала эскиз более поздней политической конфигурации. «Неверующие левые» поняли это раньше всех. Другие искренне и простодушно не понимали еще очень долго. Иные предпочитают не понимать по сей день».

Читаю эти слова, выписываю их и всерьез задумываюсь. Ведь если утверждения Семки справедливы — а он и сейчас довольно влиятельный публицист, — то тогда, конечно же, «неверующие левые», которые так стремились участвовать в «круглом столе» (хотя ни Куроня, ни Михника власти никак не хотели видеть своими собеседниками и Валенсе пришлось добиваться их присутствия), проникли в «Солидарность» намного раньше. Когда? В годы подполья или еще в период легальной работы профсоюза?

Пусть над этим раздумывают историки, если они вообще признают такие вопросы уместными. Лично я поставил бы другой вопрос: кто в период подготовки к «круглому столу» отказался от участия в переговорах? Иначе говоря: были ли те, кого пригласили и кто посчитал эти переговоры ненужными? Мне понятно раздражение тех, кто считал себя достойным участия, а не был включен в число приглашенных. Здесь может показаться интересным комментарий другого влиятельного сейчас публициста (ровесника Семки) Цезария Михальского, который принял участие в организованной редакцией **«Европы»** (№ 6/2009) дискуссии, названной «За «круглым столом» умерли диссиденты, родились политики»:

«Я все эти события наблюдал с весьма удобной позиции радикала-нигилиста, который осенью 1988 г. сбежал от «круглого стола» в эмиграцию. (...) Я считал, что сильная власть переигрывает бессильную оппозицию, что это будет исключительно кооптация, но мое неприятие «круглого стола» сопровождалось чувством вины, что сам я дезертировал. (...)

Я бы признал «круглый стол» важным и в целом позитивным элементом политической истории поляков (...) если бы его участники требовали к себе простого уважения, а не поклонения. Уважения они заслу-

живают. Они пошли на политический риск. Но поклонения — нет, ибо государственность в 1989 г. была дана нам геополитикой, а не «круглым столом», который был аксессуаром этой геополитики, в известной мере существенным и эффективным».

Привожу именно эти голоса, так как они выражают позиции поколения, которое уже сейчас начинает играть все более важную роль в польской политической жизни. К счастью, эти голоса не слились воедино, они выражают различные позиции, создают полифонию. «Круглый стол» при этом становится предметом довольно странного спора: все участники дискуссии так или иначе обсуждают вопрос о его значении, почти единодушно подчеркивая, что решающее влияние на перемены в Польше оказали именно выборы в июне 1989-го, когда решали не «элиты», а антикоммунистическое настроение общества. В самом деле, эти выборы были чрезвычайно важны, но без «круглого стола» они бы не состоялись. Мне более чем несерьезными кажутся попытки критиков «круглого стола» утверждать, что без этих переговоров ход событий стал бы более драматичным, решения — более радикальными, а поражение коммунистов — окончательным. С чего бы? И почему политическая беллетристика должна занять место реальной истории? Разве потому, что *political fiction* уже стала частью стиля политического мышления некоторых наших публицистов — прежде всего тех, что считаются «правыми», хотя и не освободились от марксистской демагогии, проявление которой — реанимируемый Петром Семкой культ «рабочего».

Может быть, прежний опыт подсказывал отвергать радикальные решения? Да, в известной мере так. **«Газета выборча»** (2009, №32) опубликовала беседу под названием «Наш стол», в ходе которой Адам Михник говорит об этом:

«Помню (...) очень многие упрекали Валенсу, что после разговора с Кищаком он остановил августовские забастовки [1988 года]. Но я считал, что Валенса прав, что появился шанс. В такой ситуации всегда есть риск попасть в черную дыру. Но надо рисковать. Что очень важно — вся философия «Солидарности», с 31 августа 1980 года (...) заключалась в лозунге: «Мы готовы к переговорам». Это не была философия революции, не была философия силового свержения режима. Это было мышление «под сенью» доктрины Брежнева, памяти о Чехословакии 1968 года. По сути, решалась задача о квадратуре круга: как изменить Польшу и уберечься от Советского Союза. Мы считали: давление — да, насилие — нет. Конечно, в подполье были группы, которые утверждали, что с «коммуной» не о чем говорить: Лешек Мочульский, Конфедерация независимой Польши, «Борющаяся Солидарность». Но я считаю, что это были маргинальные течения».

Маргиналами они и были, о чем свидетельствует их неспособность «опрокинуть стол». В упомянутой выше дискуссии на страницах «Европы» Михальский говорит:

«...я хотел бы услышать рассказ о «круглом столе» не как о месте, где диссидентские ангелы силой собственной святости превратили в подобных им ангелов Ярузельского и Кищака, но как о начале обычной политики, уже не диссидентской, не «этической». В которой Валенса, Михник и Куронь переигрывают Мочульского [председателя Конфедерации независимой Польши], Гвязду [который соперничал с Валенсой за лидерство в «Солидарности»] или Моравецкого [председателя «Борющейся Солидарности»], потому что радикалы слабы. Они не участвуют в «круглом столе», но и не могут его «опрокинуть». Вполне естественно, что они оказываются на обочине истории. Я бы предложил сложить оружие и уважать тех, кто участвовал в «круглом столе», и тех, кто не смог его «свалить», если, конечно, наши диссидентские несторы вообще способны на какое-либо перемирие».

Акцент на «обычную политику» представляется тем более значимым, что как демократическая оппозиция до «Солидарности», так и сама «Солидарность» придавали этическим основам политики огромное значение. Именно связь политики с моралью определяла этику польского подполья, этой связью проникнута попытка создания Четвертой Речи Посполитой, предпринятая правительствами «Права и справедливости», как это подытожил в ходе дискуссии в «Европе» писатель и публицист Ежи Сосновский:

««Солидарность» с 1980 г. формировала определенный идеал моральной политики, но — как в ходе «круглого стола», так и после него — с этим понятием происходили довольно страшные вещи. Позже политическим деятелем, который последовательно говорил о необходимости возвращения моральных начал в политику, был Ярослав Качинский. Простите, пожалуйста, но если это «этическая политика», то уж благодарю покорно за такого рода мораль. По мне лучше пусть мораль и политика будут сами по себе».

На страницах **«Политики»** (2009, №7/) о «круглом столе» пишет историк Анджей Гарлицкий. Он указывает на истоки:

«Михаил Горбачев пришел к власти в марте 1985 года. В апреле того же года Ярузельский имел с ним пятичасовой разговор, который, как он утверждал спустя годы, создал основу взаимного понимания

и доверия. Вскоре Горбачев понял, что глубокий хозяйственный кризис в Советском Союзе влечет необходимость ограничить имперские цели. Москва уже не могла ни содержать Кубу, ни прежними методами влиять на европейские страны-сателлиты. У последних возник шанс восстановить суверенитет».

Красиво сказано, но уже не сегодняшним языком. Что означает эвфемизм «страны-сателлиты»? И почему «страны-сателлиты» не имеют суверенитета? Но оставим это. Важно иное: факт, что уже в 1985 г. появилась возможность прийти к неким решениям и предпринять политические действия, дающие возможность диалога с польской оппозицией. Гарлицкий пишет далее, что Ярузельский не был уверен в том, насколько сильна в СССР позиция Горбачева. Что ж, это серьезный вопрос. Да вот получилось, что с амнистией для политзаключенных Ярузельский мешкал еще год. Для истории — мгновение, а для того, кто сидит в каталажке, совсем немало. Но все же, как говорят в Польше, «годок не срок, и два — трын-трава». Время же шло, а партия во главе с Ярузельским ждала, чтобы, наконец, осенью 1988 г. начать переговоры об организации «круглого стола». Когда в сентябре 1989 г. Тадеуш Мазовецкий стал премьер-министром, оказалось, что упущено пять лет с того момента, как возникла возможность предпринять попытки перемен. Пять лет в общественной жизни — довольно много, но хорошо, что переговоры всё же состоялись. Гарлицкий при этом обращает внимание на фактор, роль которого по сей день остается не до конца проясненной. Когда же мы узнаем подробности, то, возможно, наше представление о «круглом столе» придется весьма серьезно пересмотреть. Речь идет о роли польской Церкви, которая была посредником между коммунистами и оппозицией:

«Мы пока не можем, поскольку не имеем полного доступа к церковным архивам в Польше и к архивам Ватикана, установить, как протекал процесс осознания Церковью новой роли, которую она должна была сыграть. Однако не подлежит сомнению, что огромное значение имело прекрасное знание Иоанном Павлом II польских реалий и его живая заинтересованность развитием ситуации. Папа понимал, что открывающиеся перед Польшей возможности требуют нетривиальных действий. И сумел убедить в этом руководство польской Церкви».

Таким образом, и Москва, и Ватикан — а не исключительно позиция польских коммунистов и деятелей оппозиции — оказываются важными точками координат при оценке того, что и как было в Польше возможно в то время.

Всё это, к счастью, уже история. Подводя определенные итоги, в беседе, озаглавленной «*Хэп пи-энд* «круглого стола»», напечатанной в том же номере «Газеты выборчей», Александр Смоляр заявляет:

«Были и те, кто считал, что, пока не прошли полностью демократические выборы Сейма и президента, не было свободной Польши. Но для меня начало переговоров «круглого стола» было поворотной датой. А то, что «круглому столу» сопутствовали как соглашения, так и двусмысленность, было для меня очевидным элементом изменения строя и необходимой ценой, которую следовало заплатить. (...) Дело не в доверии. Вопрос стоял так: удастся ли запустить процесс демократизации Польши. Результат выборов 4 июня — ошеломляющий для обеих сторон — показал, что соглашение, выработанное «круглым столом», имело смысл и принесло политические изменения».

Всё это так, но и само соглашение было вынужденным продолжением соглашения, заключенного девятью годами раньше при завершении большой забастовки на верфи в Гданьске и подписанного 31 августа 1980 года. Когда мы покидали верфь, один из моих друзей сказал: «Знаешь, это начало конца коммунизма!» Он был прав, мы лишь не знали, что предстоит еще очень долгий путь.

И, заканчивая, наверное, имеет смысл привести заключительную часть интервью, которое дал «Политике» генерал Ярузельский. Интервью озаглавлено «Мне эта Польша нравится»:

— Вы довольны, что получилось так, как получилось?

— Да.

— В самом деле?

— В самом деле. Может быть, я долго созревал, но сегодня уверен, что Польша находится там, где ее место, и в принципе такова, какой должна быть. Самое главное — в объединенной политико-хозяйственной европейской констелляции.

— Вам эта Польша действительно нравится?

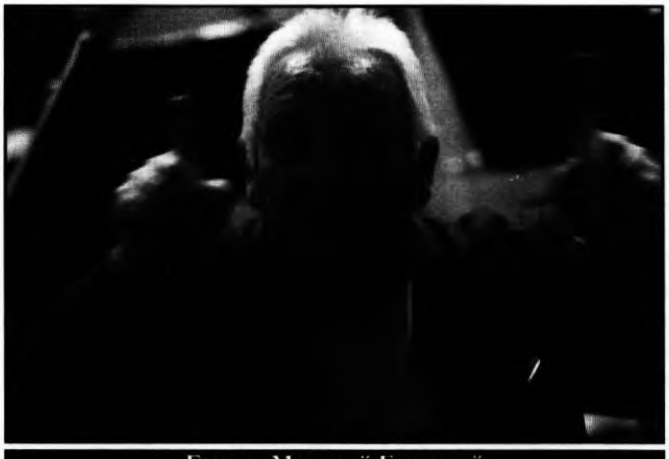
— Больше, чем предыдущая.

Не последовало вопроса, что же генералу нравилось в той, предыдущей Польше. А жаль.

Кшиштоф Дроба

МЕЖДУ ВОЗВЫШЕННОСТЬЮ И СТРАДАНИЕМ

О музыке Генрика Миколая Гурецкого



Генрик Миколай Гурецкий

Со второй половины 1960-х музыка Гурецкого начала лучиться своеобразным типом экспрессии — благородной возвышенностью. В инструментальных сочинениях эта возвышенность передавалась исключительно музыкальными средствами. Сильнее она проявляла себя в вокальных сочинениях, где появлялось слово. Слово, открывающее «взгляд на мир» — в данном случае чаще всего на мир sacrum. Механизм этого выхода к миру лучше всего, пожалуй, выявляет пьеса под названием «Amen», соч. 35 (1975) для четырехголосного хора а капелла. Тенденция к редуцированию музыкального материала соединилась здесь со стремлением использовать короткие тексты и достигла определенного порога — надлежаще возвышенной словесной формулы в ее отношении к самой музыке. «Аминь» повторяется полтора десятка раз, обозначая такое же число длинных музыкальных фраз. Слово «аминь» — это полная смиренного приятия позиция христианина, которая в данном произведении Гурецкого из выразимого (рационального) содержания преобразилась в содержание невыразимое (иррациональное), стала выходом к тайне sanctum.

Последние три десятилетия творчество Гурецкого опирается на уже сложившийся и не претерпевающий радикальных изменений язык. Сейчас конструктивизм этой музыки основан на вполне определенных гаммах, аккордах, мотивах, интонациях, которые часто принимают вид цитат, особенно из старинной и народной музыки. Аккорды, мотивы, интонации образуют материал формирования музыки посредством контраста, оперирования крайними качествами. Даже в те моменты, когда композитор движется вокруг одного полюса (например, в Третьей симфонии), ощутим не выявленный, но где-то присутствующий противоположный полюс.

Музыка Гурецкого поразительна. Не в слое средств, но в драматургии музыкального процесса. Умение пользоваться простейшими средствами (чаще всего это навязчивая повторяемость) и строить напряжение — вот одна из тайн его музыки. Этих тайн намного больше — возьмем хотя бы ее национальную атмосферу или даже национальный характер, который вырастает, в частности, из вдохновленности польской народной музыкой, но еще и из польского народного католичества. Восприятие музыки Гурецкого во всем мире показывает, что он стал, быть может, третьим польским композитором (после Шопена и Шимановского), который «поднял народное до человечества» [Норвид. *Здесь и далее в квадратных скобках прим. пер.*].

В том, что композитор написал после 1980 г., самым важным становится религиозная музыка, а любимым средством выражения — хор а капелла. Между молитвенным «Miserere», соч. 44 (1981-1987) и «Salve sidus Polonorum» [«Боже, храни светочей Польши»], соч. 72 (1997-2000), возвышенной кантатой, посвященной св. Войцеху, главному покровителю Польши наряду со св. Станиславом, которого Гурецкий почтил ранее псалмом «Beatus vir» [«Блажен муж»], — создаются хоровые песнопения, свидетельствующее об особом благоговении, которое композитор испытывает к Матери Божией: это «Мариинские песни», соч. 54, «Под Твою защиту», соч. 56 и «Totus Tuus» [«Весь Твой»], соч. 60. Написаны также обработки традиционных церковных песен, характерных для явления, определяемого как типично польское народное католичество.

Есть известное высказывание Кароля Шимановского: «Признаюсь с раскаянием, что поющийся где-то в деревенской церквушке «Святый Боже» или мои любимые «Горькие печали», каждое слово которых — для меня поэтически живой организм, всегда во сто крат сильнее затрагивали во мне религиозный инстинкт, нежели

самая искусная латинская месса». Зачарованность Шимановского народной религиозностью — явно одна из причин преклонения Гурецкого перед автором «мужицкой» кантаты «Stabat Mater». Но сходное восхищение самым обычным, народным церковным пением у Гурецкого приходит, пожалуй, с другой стороны: то, что «трогало» Шимановского, появлялось в известной степени извне, а у Гурецкого оно исходит словно бы изнутри. И поэтому в музыке Шимановского оно приобретает вид искусной простоты, а в музыке Гурецкого выступает в натуральном, «посконном» виде. Но — поспешим добавить — как у одного, так и у другого композитора религиозно-народное сплавляется воедино, образует органическое сплетение с музыкальным языком каждого из них. У Гурецкого как простота самих этих песен, так и грубоватая простота их обработок составляют силу их выразительности. Силу, которая таится не в изящном украшательстве, но в искренности молитвы.

Подобно тому, как хоровая религиозная музыка Гурецкого укоренена в самых обыкновенных, повсеместно распространенных церковных песнопениях, так и второе, не менее важное направление его хорального творчества черпает материал из мирских народных источников. К этому течению принадлежит несколько циклов песен, в частности «Вечер темный опускается», соч. 45, «Ах, венок мой лавандовый», соч. 50, «Идет туча, льется дождь», соч. 51, или же последний цикл «Пять курповских* песен», соч. 75 (1999-2002).

Всё это — вроде бы лишь «обработки» подлинных народных песен, но до чего же они «гурецкие»! Потому что, с одной стороны, влюбленность в первоисточники велит композитору с максимально возможной верностью придерживаться образца, а с другой — когда он пропускает подлинник через фильтр собственных эмоций (и мастерства), то не может не оставить на нем свой след.

Восхищение волшебством, прямо-таки чудом народной песни связывает Гурецкого с польской романтической поэзией, в том числе и с более поздней, высокопатриотической, которая в песне видела квинтэссенцию родной земли. «Песни мои, песни, / От какой вы доли? / Так ли вы растете, / Как цветики в поле?» — спрашивала Мария Конопницкая, поэтесса, близкая Гурецкому. Дилемма композитора при обработках порождалась, вероятно, сомнениями в том, пристало ли чем-то украшать букет из полевых цветов. Среди остальных «обработок» выделяются «Курповские песни». Их грубоватую фактуру создают мелодический план женских голосов и гармонический — мужских, насыщающий звуковое пространство аккордовыми параллелизмами. Так возникает единственная в своем роде, «гурецкая» гармонично-красочная атмосфера, подчиненная размеренному, как в крестном ходе, шагу-движению. Вся эта материя, казалось бы, топорная... — но выполненная с великой тонкостью и нежностью.

В течение того же длительного периода, когда в творчестве Гурецкого доминировали хоровые сочинения, возникают важные (да и не самые ли важные вообще?) инструментальные сочинения — три струнных квартета. Композитор долго созревал и, наконец, созрел (как он сам признался, «благодаря Бетховену»), чтобы взяться за этот обладающий богатыми традициями жанр (во второй половине XX века списанный в расход).

Первый квартет Гурецкий написал много позже того, как дошел «до середины жизни», — ему было уже 55 лет. Потом уж дело пошло, и за несколько лет были написаны два следующих. Все три квартета просятся, чтобы их рассматривали вместе — в их нарастании, разрастании и взаимном дополнении. Первый длится примерно четверть часа, второй — около получаса, третий — почти час. Каждый снабжен названием. В «Уже смеркается, музыка для струнного квартета», соч. 62 (1988), одночастной форме, построенной на контрасте с музыкой «перед засыпанием», использована обожаемая Гурецким старинная (ренессансная) песня Вацлава из Шамотул. Второй, «Quasi una fantasia», соч. 64 (1991), имеет развитую четырехчастную форму в бетховенском духе и с цитатами из Бетховена. Третий, «Поют песни», соч. 67 (1994-2005), потребовал уже пяти частей (со знаменательной цитатой из Второго квартета Шимановского в середине формы), чтобы «рассказать» о жизни и смерти. Ибо квартетную трилогию Гурецкого можно воспринять как всю жизнь человека в целом, с самого детства («молитвы, когда детки спать идут») через превратности судьбы («фантазия») и вплоть до смерти («Когда умирают люди — поют песни» — Велимир Хлебников). Есть в этой трилогии и весь Гурецкий — всех периодов его творчества, всего его жизненного пути.

»

Всемирная известность Третьей симфонии [«Симфонии горестных песен»] — начало чему было положено новой записью Лондонского малого симфонического оркестра с сопрано Доун Апшоу и раскручиванием этой записи коммерческими радиостанциями — стала одновременно открытием неизвестного или, скорее, недооцененного польского композитора на всемирной сцене. Что ни говори, а в кругах профессиональной музыкальной критики и любителей новой музыки Гурецкого признавали всегда — с самого его дебюта в конце 1950-х. Например, на «Варшавской осени» Гурецкого всегда принимали великолепно. «Самое интересное сочинение из числа представленных нам проявлений «польского вебернизма»» — это слова Богдана Поцея после премьеры «Эпитафии» (1958). Тот же критик об исполненной на следующий год Первой симфонии написал: «Из представителей нашего

* Курпы — этническая группа, примерно с XV в. начавшая заселять изолированный район Курповской и Белой пущ на северо-востоке современной Польши и сохранившая по сей день много своеобразных культурных и языковых черт. Циклы курповских песен есть, в частности, у Шимановского и Лютославского. — *Пер.*

авангарда Гурецкий — самый современный, и не только в смысле продвинутости технических средств — прежде всего ввиду качества его эмоционализма. Гурецкий очень сильно ощущает лихорадочный, ускоренный ритм эпохи, пульсацию великого беспокойства, «космический катастрофизм» современности». О «Canti strumentali», исполненных на «Варшавской осени» в 1962 г., Тадеуш А. Зелинский писал: ««Инструментальные песнопения» ни в коем случае нельзя назвать «опытом» или «экспериментированием». Это законченное сочинение, воздействующее, как и всякая хорошая музыка, независимо от того, какими средствами она написана». А вот как восхищался «Рефреном» после его первого исполнения (1966) выдающийся политический писатель и музыкальный публицист Стефан Киселевский: «Есть, к счастью, еще один человек, стоящий особняком и чрезвычайно мне импонирующий. Это Генрик Миколай Гурецкий (...). Его «Рефрен», единая, безостановочная звуковая плоскость, которая насыщается снизу какой-то вибрирующей глубиной, удивляет своеобычностью, силой, совершенной уверенностью в собственном пути и технике. Меня ободряет этот человек, как всегда меня ободряет одинокое величие сочинений Вареза». В 1967 г., когда состоялась премьера «Музычки-II», Владислав Малиновский констатировал: «Типичный Гурецкий: извержения огромных, первобытных жизненных сил, высвобождение элементарных достоинств материала. Если кто-нибудь мог бы олицетворять то, что определяют как «польскую школу», то именно этот композитор. Хотя вместе с тем Гурецкий вырастает по-над этой школой, необычайно сочетая стихийность с дисциплиной». В свою очередь, в 1969 г. «Старопольская музыка» дала Тадеушу А. Зелинскому возможность заявить: «Гурецкий — наверняка самый независимый талант современной польской музыки, да и, пожалуй, не только польской».

За первые десять лет участия в варшавском фестивале Гурецкий занял свое место ведущего польского композитора. Его музыка, хотя и не всегда полностью принимавшаяся, неизменно вызывала живые отклики, и безучастно пройти мимо нее было как-то невозможно. Напомним прием Третьей симфонии на «Варшавской осени» в 1979 году. Тогда Анджей Хлопецкий заявил: «Шедевр, ставящий композитора в ряду гениев», — а Ольгерд Писаренко возражал: «Могу только позавидовать тем, кто, лишенный всяких сомнений, шумно провозгласил Третью симфонию гениальным сочинением. Назначать в гении — большое удовлетворение, а риск невелик. Мне трудно присоединиться к этому хору — для меня бесспорна только «инаковость» сочинения Гурецкого, нарочитая простота его материала и конструкции, отрицание «мастерства», которое в этом сочинении достигает не испытанной до сих пор экстремальности». С тех пор эта «инаковость» будет главной чертой, выделяющей музыку Гурецкого на фоне как польской, так и всемирной музыки. Для одних она станет источником восхищения, для других — досады или раздражения.

Однако глубже самого живого отклика резонанс сочинения, то есть его влияние на чужое творчество. Неудивительно, что музыка катовицкого композитора и педагога нашла отзвук в сочинениях его учеников. Поэтому вполне правомочно отыскивать и находить влияние учителя в приверженности Анджея Кшановского к «бедным» звучаниям, в гимнических фактурах Эугениуша Кнапика или даже в такой художественной полемике, как «Симфония гимнов» (2004) Рафала Аугустина. Но резонанс «Симфонии горестных песен» имеет намного более широкий (географически) диапазон. Например, выдающийся английский композитор Говард Скемптон признаётся, что Третья симфония ослепила его и вдохновила написать «Lento для оркестра» (1990); отблески этой ослепительности мы найдем и у словацких композиторов, скажем, в оркестровом «Via lucis» (1993) Владимира Годара. А самый видный латышский композитор Петерис Васкс прямо говорит о потрясении, которое он пережил, слушая Гурецкого: «Это отразилось в моей музыке (...) в том числе — в сфере этики». Бывало и так, что воздействие музыки Гурецкого оценивалось отрицательно: еще в 1980-х в СССР официальная советская критика не единожды обвиняла «своих» композиторов в «чуждых» польских влияниях. Так, например, усматривали влияние Гурецкого у грузина Гии Канчели, что в те времена в СССР скорее вредило карьере, чем благоприятствовало.

»

Классифицировать творчество Гурецкого нелегко. Множатся попытки приписать его к течению «новой духовности», к искусству «Нью-Эйдж» или включать в постмодернизм. Постмодернизм? — милости просим, только перед этим следовало бы вырвать эту музыку из ее собственной почвы значений и смыслов и пересадить на делянку «культуры исчерпанности». И это даже окажется не так трудно, если перепутать страдание с исчерпанностью. В свою очередь, предлог для включения Гурецкого в течение «Нью-Эйдж» дают его сочинения созерцательного характера. Это тоже нетрудно. Но останется вопрос, какого рода это созерцание. Разумеется, слушатель может созерцать эту музыку, как ему захочется. Однако если он хотел бы остаться в согласии с ее сущностью, то раньше или позже он дойдет до христианской молитвы — то смиренной и полной доверия, искренней и сердечной, то драматической. Вопрос — может ли сердечная молитва христианина быть постмодернистской?

Фрагмент публикации, посвященной Генрику Миколаю Гурецкому, которая издана на английском языке институтом Адама Мицкевича. Заглавие дано редакцией.

ТАНЦУЯ В ИНВАЛИДНОЙ КОЛЯСКЕ

Беседа с Камилем Кураном из Ассоциации реабилитации и интеграционного танца «Свинг-Дуэт», объединяющей людей с ограниченными возможностями, — танцором, завоевавшим бронзовую медаль на чемпионате мира в Токио по латиноамериканским танцам и серебряную медаль в соревнованиях на Кубок мира в Голландии

— Танец на инвалидных колясках — это, кажется, совсем недавно появившийся вид спорта?

— В Польше он существует с тех пор, как открылся наш клуб, то есть 11 лет. В прошлом году в 10-й раз прошёл чемпионат Польши. В мире этот вид спорта существует полтора десятка лет.

— С какого возраста та занимаешься танцем?

— С 2002 года, то есть почти семь лет, в августе мне исполнилось 19, а когда я начинал, мне было 12 лет.

— Почему ты выбрал танец? Как всё начиналось?

— Я очень энергичный человек, заполняю собой всё вокруг, ребенком я не мог усидеть на одном месте. Все началось с того, что мой папа нашел в Интернете Фонд активной реабилитации — «Программу Phare».

Он нашел лагерь, куда решил меня отправить, — собственно говоря, меня просто силой выпихнули. Мама была против — она считала, что я слишком мал и меня одного нельзя отпускать на две недели.

Отцу это решительно не понравилось.

В этом лагере детей с ограниченными возможностями учат жить активно по шведскому методу. Происходит это по такому принципу: когда ты приезжаешь в лагерь, тебе дают двух опекунов: одного на коляске, а второго — физически полноценного. Последний помогает в технических вопросах, а опекун на коляске показывает, как наилучшим образом человеку, пользующемуся коляской, справляться в повседневной жизни, например как преодолевать поребрик, как пересаживаться.

В этом лагере я познакомился с двумя своими ровесниками, которые уже занимались танцем. Раньше я только слышал о танце на коляске. В лагере я был в июле, а в ноябре я отправился на тренировку, и, честно говоря, у меня челюсть отвисла, когда я увидел, как можно двигаться на коляске. Я увидел Петра Иваницкого, которого прежде видел по телевизору, многократного чемпиона мира, который танцевал в паре с обычной девушкой, и это произвело на меня такое впечатление, что я сам решил начать заниматься. Я записался на тренировки и оказалось, что для меня есть партнерша на пять лет старше меня — Каролина Гузовская.

Танцуя вместе, мы завоевали бронзовую медаль на чемпионате мира в Токио.

Полтора года как я танцую с Надин Кинчель.

Ей 17 лет, и она танцует с четырех лет, демонстрируя высший класс танцевального мастерства — класс «А» в латиноамериканских танцах.

— Сколько времени тебе необходимо посвящать тренировкам?

— Два-три часа в неделю. Сюда входит балет с балериной из лодзинского Большого театра, которая учит нас, как правильно ставить ладони, учит соответствующим позам в оборотах, то есть таким вещам, которые в художественном виде спорта, каким является танец, очень важны. Затем около полутора часов тренировки, во время которой мы должны протанцевать хореографию, разработанную заранее тренером. Кроме того, еще пребывание в двух лагерях: один лагерь во время каникул — это лагерь польской сборной, по времени около десяти дней, — в него входят уроки и полный спектр тренировок примерно по шесть

часов в сутки; а также двухнедельный клубный лагерь. Когда приближаются какие-то крупные соревнования, например чемпионат Польши или проходящие каждые два года чемпионат мира либо чемпионат Европы, тогда у нас проводятся так называемые консультации — уроки, которые оплачивает «Старт» (Польский союз спортсменов с ограниченными возможностями). Эти консультации проводятся в зале нашего клуба под Варшавой как дополнительные тренировки — своего рода усовершенствование. Поскольку за месяц до соревнований невозможно поменять хореографию, то в течение года нам надо брать уроки. Одна хореография — это в среднем три урока. А ведь это только разработка хореографии — предстоит еще ее протанцевать. Исключение составляет пасадобль, для этого танца хореография разрабатывается на все музыкальное сопровождение. Пасо — танец специфический, музыка звучит полторы минуты; есть остановки и есть смена ритма. Есть акцент и в середине, поэтому повторение хореографии невозможно — она должна быть целостной на протяжении всего звучания музыки. Перед крупными соревнованиями мы тренируемся самостоятельно, дополнительно два-три раза в неделю.

— Ты учишься в университете, танцуешь, находишь время для тренировок и соревнований. Живешь даже более активной жизнью, чем большинство твоих здоровых сверстников.

— Сейчас мне гораздо легче. Если раньше мне приходилось ездить из Жирардова, то теперь — поскольку меня приняли в университет — я живу в общежитии в Варшаве. Я очень счастлив, что стал студентом социологии в Университете им. кардинала Стефана Вышинского. Но я не собираюсь бросать спорт, это мое увлечение, и за семь лет оно мне не надоело.

Хорошо учиться — это своего рода семейная заповедь: у меня очень способная сестра, выпускница отделения японской филологии в Познани — она защитила диплом на «отлично», ее работа как раз касалась положения людей с ограниченными возможностями в Японии — небольшой такой вывих на почве проблем брата. Так как сестра достигает всё бóльших высот в науке, то все мне говорят: тебе, наш младший, нельзя быть хуже. В конце концов, мои знания — это мое будущее. Что касается спорта, то, конечно, случаются моменты, когда мне не хочется и лень, но у каждого человека бывают дни благоприятные и неблагоприятные, а результаты говорят о том, что мои труды потрачены не зря. Этот спорт не поддается оценке.

— Как это выглядит с технической стороны? Вероятно, для танца необходимо какое-то специальное оборудование?

— У каждого танцора на коляске — а это и есть наше оборудование — свои предпочтения. Так получилось, что вся польская сборная использует шведские коляски фирмы «Пантера». Это самые легкие коляски из всех, что есть на рынке. Одна модель весит семь с половиной килограммов. Я езжу на коляске, которая весит на полтора килограмма больше. Коляска прежде всего должна идеально отвечать потребностям пользователя — нужна ли она для занятий спортом или, скажем, нужна на каждый день, то есть такая коляска, на которой ездят по городу. Это очень важно: например, подбор ширины сиденья — если коляска идеально подобрана, то я, получив сигнал от партнерши, могу на этой коляске свободно вращаться. Могу сделать оборот, не прикасаясь к колесам руками, я тогда вращаю коляску усилием мышц живота.

Ведь дело обстоит вовсе не так, что танец целиком выполняет здоровый партнер, а тот, что на коляске, просто сидит. Большую роль играет балансировка коляски, то есть ее устойчивость, от этого зависит, не перевернется ли она. Та коляска, на которой я танцую, у меня уже три года. Много есть таких фигур, которые я выполняю на балансировании или поднимаю передние колеса, поэтому для себя я заказал именно такую, а не иную коляску. Конечно, есть разница, ведь предпочтения у танцоров разные. Для баскетбола, например, есть специальные коляски. Я нашел свою технику и не собираюсь ничего менять.

— Как в любом виде спорта здесь тоже можно легко получить травму. Каковы его минусы?

— Надо добавить, что для танцев на колясках предусмотрены две группы. Первая группа — это люди с дисфункцией от талии вверх, то есть с поражением всех четырех конечностей, и вторая, в которой я имею удовольствие танцевать, — это люди вполне физически полноценные от талии вверх.

Иногда бывают даже чересчур, потому что у них очень подвижные суставы. Поэтому у нас очень легко получить травму: вся нагрузка приходится на позвоночник.

Большинство из нас — это люди с грыжей позвоночника, и необходимы массажи, потому что в танце, как и у обычных танцоров, идет очень большая нагрузка на позвоночник. Если полтора месяца не ходишь в бассейн и к массажисту или физиотерапевту, то это сразу ощущается. Полноценному человеку невозможно объяснить, что если тебе надо проехать на коляске и преодолеть 30 поребриков, а каждый из них — высотой 20 см, и еще надо с них съехать, то через некоторое время возникают микротравмы. А если к этому всему добавить еще и занятия спортом и общее ослабление нижней части позвоночника, то в это

надо, к сожалению, инвестировать, так же как и в оборудование, ведь этого никто не будет компенсировать деньгами; ведь и ту коляску, на которой я танцую, я тоже сам купил. Как человек, занимающийся спортом, я могу искать спонсора: одно колесо к моей коляске — самое легкое на рынке — стоит 2500 злотых.

— А плюсы? Что тебе дал танец?

— Один из плюсов — это спортивная фигура: ребенком я был довольно полным, этот спорт помог мне набрать мышечную массу, а также приобрести прямую осанку, он позволил мне сбросить лишние килограммы.

Благодаря этому я приобрел двух самых близких друзей, и мы дружим до сих пор.

Второй плюс этого спорта заключается в том, что много интересных людей встречаешь на своем пути, а также получаешь возможность пережить сильные эмоции.

Я дважды занимал второе место на чемпионате Польши, у меня третье место на мировом чемпионате, а также второе место на чемпионате Европе, третье место я завоевал на чемпионате в Токио, второе место на чемпионате Европы, первое место на чемпионатах на Мальте и в Германии. Меня пригласили на показ в Афины, на турнир в Израиль. Конечно эти успехи — результат тяжелого труда, хотя этот спорт не поддается никакой оценке.

Что касается результатов и достижений, то я смотрю на это только как на некое дополнение, хотя мы с родителями и шутим, что с таким количеством кубков, в случае трудной финансовой ситуации, мы можем пойти в скупку цветного металла. На самом деле речь идет, конечно же, об удовольствии.

Еще один плюс — это путешествия. Будучи в составе сборной Польши, мы имеем дополнительные поездки, и несмотря на мой молодой возраст я посетил уже много мест. Это были турниры в Санкт-Петербурге, на Мальте, в Белоруссии, на чемпионат мира я летал в Токио, ездил на турнир и показ в Германии. Танец дал мне возможность увидеть столько мест.

— Ты ездишь в спортивные лагеря и на соревнования — по какому принципу это все организовано?

— Мы ездим в спортивные лагеря как сборная Польши, а на соревнования в рамках чемпионата Польши и чемпионата мира или Европы мы ездим как национальная сборная.

В лагеря мы ездим от клуба, едут пары, как уже серьезно продвинувшиеся в нашем виде спорта, так и более молодые, и тут тоже есть свое разделение: молодые пары — «promotion», в этой группе пять танцев, и высший класс, в котором танцую я, где уже идет разделение на стили по пять танцев, которые в свою очередь делятся на стандартный стиль и латиноамериканский.

В лагерь сборной Польши приезжают пары из трех клубов Польши. В сборной Польши восемь пар, и тут тоже есть разделение на «duo», в котором танцуют друг с другом два колясочника, и «combi», в котором я имею удовольствие участвовать, — где человек на коляске танцует с физически полноценным партнером. В составе сборной Польши шесть пар, в том числе одна пара «duo».

На чемпионатах Польши, Европы и мировых нас не представляют по именам и фамилиям, мы выступаем как сборная Польши.

В качестве сборной мы представляем Польшу и в соревнованиях на Кубок мира в Голландии, которые там проходят ежегодно.

— Почему именно там?

— Так ведь в Голландии все это и начиналось. Начинался танец на колясках — организаторами Кубка мира стали две дамы, придумавшие этот вид спорта. Это самый крупный чемпионат такого типа. Он проходит в течение двух дней. Выступать может любой, нам как сборной Польши обеспечивают перелет и размещение, но можно приехать и самостоятельно, за свой счет.

В Голландии этим видом спорта часто занимаются в семье — танцует сестра с братом или сестра с сестрой. Надо сказать, что когда я в первый раз туда приехал в возрасте 13 лет, то испытал буквально шок. Я в жизни не видел такого количества колясок, по большей части электрических, на которых сидят люди, и им достаточно шевельнуть лишь одним пальцем, только за спинкой сиденья у них респиратор, и они выезжают на паркет и танцуют. Теперь я еду туда в шестой раз. Я впервые увидел, как люди, которые, казалось бы, ни на что не должны реагировать, ведь они просто сидят и шевелят пальцем, а они при этом синхронно объезжают друг друга, делают оборот и едут рядом друг с другом в парах, в которых оба человека на колясках, — для меня было непонятно, как это вообще возможно. Это, вероятно, не так зрелищно, как в нашем случае, ибо нет самого по себе танца. Человек может только шевелить одним сухожилием, человек только видит и дышит; но ведь они в самом деле танцуют, и это видно по их глазам — сколько радости и удовольствия им это доставляет. И я думаю, что в этом виде спорта как раз об этом и идет речь. Дело не только в том, чтобы быстрее, дальше, больше, но и в этом удовольствии и эмоциях.

— Что ты танцуешь охотнее всего?

— Я танцую только латиноамериканские танцы — самбу, ча-ча, пасадобль, румбу и джайв. Стандарт меня не увлекает, я предпочитаю двигаться, выплескивать эмоции, а танец, который мы с партнершей больше всего любим танцевать, — это румба. Румба — танец любви двух любящих людей, и пара на паркете на самом деле должна суметь передать эти эмоции и страсть, это должно выглядеть так, как будто между партнерами возникает искра. Этот танец самый медленный, но и эмоций он требует самых сильных. В румбе счет идет на четыре, два такта помедленней, два — побыстрей. От нас требуется наилучшим образом интерпретировать хореографию и выжать из себя буквально всё: демонстрируя контрасты темпа, мы достигаем скорости оборотов, но есть и остановка, и при этом всё должно сочетаться с музыкой. На тренировках с нами работает тренер, но каков будет результат на паркете, зависит только от нас. Румба, а потом джайв, младший брат рок-н-ролла, — танец стихийный, в котором можно поиграть. Поскольку я — человек, которого «несет» стихия неподтвержденного ADHD (синдром дефицита внимания и гиперактивности), то в этих двух танцах я как бы реализуюсь.

Конечно, каждый танец доставляет мне удовольствие, но румба и джайв — это два мои любимые.

Наш тренер тренирует сборную Польши. Разработать хореографию на самом деле может любой тренер, но переложение ее для танца на колясках — уже настоящее искусство. Наш тренер разрабатывает для нас очень смелую хореографию, и это здорово, потому что все время нам приходится учиться чему-то новому.

— Каков масштаб этого вида спорта, сколько человек принимает участие в таких соревнованиях?

— На последнем чемпионате Польши в нашем классе было 19 пар, в соревнованиях принимали участие 60 пар, а если это сравнивать с German Open (открытым чемпионатом в Германии), с крупнейшими соревнованиями для физически полноценных людей, то там количество пар не опускается ниже тысячи.

Безусловно, у таких танцоров более широкие перспективы, а если они становятся профессионалами и добиваются успехов, то вполне могут зарабатывать танцами, например открывать школы танцев, однако если они танцуют с человеком на коляске, то у них появляется возможность участвовать в соревнованиях за границей, войти в состав сборной Польши, поэтому, я думаю, некоторые из них хотят с нами танцевать. Очень много людей, которые сидят в своих четырех стенах и слыхом не слыхивали о спорте для людей с ограниченными возможностями. И это очень больно.

Я думаю, что если бы оборудование было доступней и был бы более широкий доступ в школы танца, то гораздо больше людей, передвигающихся на колясках, занималось бы танцами. Кроме этой проблемы, есть еще самовнушение: многие, находясь под опекой семьи, сами изолируются. Я, например, знаю девушку, которая пользуется очень хорошей коляской и может тренироваться в любой области, но ей проще попросить маму, чтобы та толкала коляску. Если мне надо что-то сделать, то может быть и минус 30 на улице, и снег, а я надеваю перчатки и куртку — и пошел! Ни о чем не прошу. Доберусь в нужное место на полчаса позже, но не надо никого и ни о чем просить. Я самодостаточный нормальный парень, студент, который не чуждается прекрасного пола. С той лишь маленькой разницей, что я — на коляске. Если я встречаю, например, высокую лестницу, мне приходится выбирать другой путь, только и всего. Прошло, конечно, какое-то время, прежде чем я сам себе все это объяснил, но всё же пришел к выводу, что это вопрос желания и решимости. Как с танцем — это лишь вопрос тренировки. Всегда у каждого парня с ограниченными возможностями неизбежно появляется мысль, не предпочтет ли девушка обычного парня, который будет выше нее ростом и станет для нее опорой. А могу ли я быть для такой девушки опорой? Конечно, у меня были такие мысли, но с помощью танца я познакомился с людьми, которые передвигаются на коляске и при этом имеют нормальные семьи. Всё зависит еще и от характера, но я уверен, что каждый может в себя поверить, а увлеченность очень в этом помогает — как людям с ограниченными возможностями, так и вполне здоровым. Возможность достичь чего-либо, даже небольших успехов, всегда существует, поэтому я считаю, что следует уделять больше внимания пропаганде спорта среди людей с ограниченными возможностями. Да это еще и вопрос терпимости: одно дело — в Швеции или Голландии, и совсем другое — в Польше, где никто не обращает внимания на людей на колясках.

— Как это выглядит в смысле финансирования?

— Конечно, как в каждом виде спорта, мы тоже ищем спонсоров, желая заработать на свои нужды, организуем показательные выступления с танцами на колясках. Такие выступления мы проводим по заказу фирм для их мероприятий. Для нас не проблема устроить такое шоу, а это дает нам возможность заработать на то, в чем мы нуждаемся, — на наряды, на косметолога, на парикмахера, ибо «паркет» выдвигает свои требования: девушки должны иметь загорелое лицо, вдобавок требуется регенерация, которую мы сами

должны себе обеспечить, и оборудование. Все это в пересчете составляет около 20 тысяч в год на пару — это утопия пока что, но, возможно когда-нибудь и мы найдем спонсора.

— Ты все время употребляешь слово: пойду.

— Приду, пойду, подмету. А ведь я езжу. Из-за того, что я беспрерывно кручусь среди ходящих, я живу очень активной жизнью, не ощущаю разницы или ограничений. Это подсознательно, я говорю: пойду что-то сделать, а ведь я еду на коляске, но я об этом забываю. Многие из тех, кто пользуется коляской, стали колясочниками после аварий, им пришлось собраться, прийти в себя и начать жить заново, хотя все в их жизни перевернулось вверх тормашками.

Как-то одного парня в интервью спросили в энный раз, что изменилось в его жизни после аварии. Он ужасно не любил этого вопроса. Он посмотрел на человека, который вел с ним интервью по телевидению и сказал: знаешь, что изменилось, — я начал пи́сать сидя.

И больше он ничего не сказал, а ведь это и есть подход активного человека. Я забываю о своей коляске. Всё зависит от того, как ты сам себя воспринимаешь: если ты живешь активной жизнью и не чувствуешь ограничений, то трактуешь коляску как свои ноги и ботинки. Это трудно объяснить. Хотя в Польше очень многое изменилось, в каждом воеводстве найдется человек «первого контакта», который попадает к тому, кто пережил аварию и вдруг узнаёт, что не сможет больше ходить. Постепенно до человека доходит, что жизнь повернулась на 180 градусов. Очень многое может дать такому человеку тот, кто приедет к нему на коляске и скажет: слушай, я тоже на коляске, но у меня есть свое увлечение; я работаю, у меня есть семья. Это даст гораздо больше, чем визит вполне здорового физически психолога. Потому что он увидит человека, который тоже сумел подняться. Мы не сможем встать и почувствовать того равновесия, что есть у вас, здоровых людей. С другой стороны, если бы вас посадить на коляску, то вы не сумели бы съехать с поребрика так, чтобы не вылететь из коляски, для вас ходить — вещь естественная, нам же необходимо хорошее оборудование, чтобы иметь возможность функционировать, и в этом единственная разница.

У нас в клубе каждый физически полноценный участник уже умеет ездить на коляске, каждый по очереди садился на коляску, и каждый — вываливался из нее несчетное количество раз, но каждый на себе попробовал, узнал это ощущение.

— Если бы кто-нибудь спросил тебя: хочешь ли ты ходить?

— Некоторое время назад мой коллега спросил меня об этом, потому что сейчас проводятся исследования и, скажем, чисто гипотетически, после многих операций это было бы возможно.

Честно сказать... сам не знаю. Не знаю, так как я ничего не терял. Не знаю, что я потерял, ведь я никогда не ходил. Я нашел выход из этой ситуации, я нашел себя. Иногда меня злость берет, когда мне приходится объезжать очередную лестницу или просить приятеля помочь выехать из автобуса, чтобы не разбиться, или ждать автобуса с низким полом, а таких ничтожное количество. Не знаю, хотел бы я проявлять самоотверженность ради того, чтобы иметь возможность ходить и отставить в сторону этот кусок железа; я себе сказал, что всё есть так, как есть, и надо с этим справляться, и надо себя найти. Надо жить так, чтобы забыть, что тебя что-то ограничивает. У нас в университете нет специальных приспособлений, но к счастью у меня есть товарищи, и мне не приходится просить их о помощи, ибо для них это очевидно, и я этому рад. Я знаю, что могу жить, как любой нормальный парень. Это похоже на то, как будучи брюнетом, я хотел бы быть блондином — всё зависит от твоего мироощущения.

Я могу пойти в паб выпить пива с приятелями, я живу, как любой парень 19 лет. Недавно я получил права, хочу купить машину, которая намного облегчит мне передвижение.

Пабы, кегли — мне доступно всё. Ну, может, кроме высокогорных восхождений.

— У тебя никогда не появлялось ощущения, что хватит с тебя тренировок, пота, усилий?

— Не раз я чувствовал усталость и, находясь в зале, задумывался: что я здесь делаю? Это естественно, что на тренировках нервничаешь, что-то у тебя в который уже раз не выходит, но если тебе на самом деле это нравится, то, стиснув зубы, ты идешь дальше.

Беседу вела Сильвия Кшемяновская

Иоанна Арашкевич

МАРЫЛЯ РОДОВИЧ И ДРУГИЕ

Марыля Родович — «Это прекрасно», Sony BMG 2008.

Новая пластинка признанной звезды польской поп-музыки, королевы фестивалей Марыли Родович стала результатом сотрудничества с продюсером Анджеем Смаликом. Альбом позволяет по-новому взглянуть на творчество этой популярной певицы, принимая во внимание все неподражаемое превосходство ее художественного стиля. Сильный, слегка хриплый голос, славянская музыкальная выразительность особенно много приобретают в ее последних, очень проникновенных исполнениях. Нет никакого намека на какие-либо современные банальности в этих насыщенных эмоциями текстах, звучащих под музыкальное сопровождение гитары, аккордеона, трубы, балалайки и совсем ненавязчивой электроники. И неважно, играют ли смычковые или духовые инструменты, — действительно, «это прекрасно». Среди авторов текстов — Мунек Стащик, Кайя, Кася Носовская, Магда Умер. Пластинка объединяет стили американского «кантри» и русской народной музыки, здесь ощущается явное возвращение к акустическим, органичным аккордам. Ностальгическое настроение подчеркивается простотой мелодики, а открывающая альбом песня словно подтверждает, что интересная аранжировка — даже самого простого музыкального мотива — может впечатлять оригинальным звучанием. Автор музыки Северин Краевский со свойственным ему меланхолическим стилем создает лирическое и мечтательное настроение. Этот диск я рекомендую всем, кто ждет от музыки мысли и поднятия настроения, — даже сама обложка интригует своей хипповской эстетикой. Еще раз низкий поклон артистке за столь удачное и вдохновляющее творение, которое, возможно, и не победит в хит-параде, но наверняка станет явлением в польской музыкальной жизни.

Blue Café — «Ovosho», EMI Music Polska 2006.

«Ovosho» — это новый альбом группы «Blue Café» и вместе с тем начало новой эры в творчестве музыкальной поп-группы из Лодзи. В ансамбле теперь уже нет Татьяны Окупник, а с ее уходом ощутимо проявились изменения в музыкальной, композиторской и вокальной стилистике группы. Это первая запись лодзинского коллектива с Доминикой Гавендой вместо Татьяны Окупник. Автор аранжировки Павел Рурак-Сокала возглавляет «Blue Café». Диск содержит 16 новых композиций, которые отражают различные музыкальные стили. Необычайно интересные вокальные данные новой солистки послужили поводом к возникновению качественно нового музыкального оформления группы. Хотя следует признать, что всё же новая солистка не может пока сравниться со своей предшественницей. Главным элементом композиции служит аранжировка, представляющая вокал с сохранением характерного для «Blue Café» стиля. Динамичность, любопытное соединение звучаний в инструментовке, а также необычные интерпретации в вокальной партии позволяют говорить о том, что такое богатство материала группа почерпнула из многообразия впечатлений от тех мест и городов, в которых побывали музыканты. Большинство произведений, которые были включены в состав пластинки, — это так или иначе, в музыке или в тексте, впечатления от путешествий в разные страны мира: «Baby, Baby», «Latino», «Amsterdam» — или в разные эпохи: «Barok», «Sometimes», «SIS», а также личных путешествий: «My Road», «Always the same», «Another girl». Музыка альбома легко воспринимается и приятна для слуха.

Квинтет Матеуша Смочинского — «Inspirations», Tokarnia Music Production 2006.

Матеуш Смочинский окончил в этом году Варшавскую музыкальную академию им. Ф.Шопена по классу скрипки под руководством д-ра Анджея Гембского и проф. Романа Лясоцкого. Он работал вместе со Збигневом Намысловским и Янушем Сковронем. Свою дипломную работу он назвал

«Збигнев Сейферт — портрет скрипача». Творчество Сейферта вдохновило его на создание этого своего дебютного диска, о котором сам Смочинский говорит так: «Я верю, что энергия, которая заключена в интерпретациях маэстро, именно в нас нашла своего достойного проводника, а вами она может быть позитивно воспринята». Альбом возник под влиянием невероятно сильного увлечения творчеством выдающегося джазового саксофониста — Джона Колтрейна — автора, пожалуй, наиболее известного джазового альбома — «Kind of Blue» (1959). Характерная для Колтрейна атональная музыка и элементы free-джаза находят свое отражение в выбранных Смочинским композициях. Кроме названных имен, следует также упомянуть контрабасиста Войцеха Пульцина с его композицией «Bridge Connection». В единое целое сливаются девять фрагментов, наполненных экспрессией, мощной динамикой и богатым музыкальным содержанием. Кроме ведущей скрипки в квинтет входят: Конрад Землер (гитара), Ян Смочинский (ф-но), уже упоминавшийся Войцех Пульцин (контрабас) и Роман Шлефарский (ударные). Если говорить о музыкальном стиле, то я назвала бы это джазовым экспрессионизмом, который не всем нравится. Безусловно, это оригинальная форма клубного джаза, от которой — благодаря гиперразнообразию ее стилей — можно устать уже после прослушивания нескольких композиций.

Квинтет Матеуша Смочинского — «Expressions», Tokarnia Music Production 2008.

Новый альбом молодого музыканта — и вновь остается только удивляться его энтузиазму и темпу, в котором он работает. Для молодого, хотя и очень талантливого, музыканта записать второй диск спустя неполных два года после записи первого — это большой успех. До сих пор Смочинский воздавал почести своим учителям. Теперь в несколько измененном составе (вместо Романа Шлефарского на ударных играет Лукаш Жита) коллектив записал современные композиции, авторами которых являются члены квинтета. Безусловно, главная отличительная черта исполнения — красивое, мощное и глубокое акустическое звучание скрипки лидера группы. Хотя надо сказать, что задачей здесь было не показать, как великолепно ведет партию скрипка, а создать единый музыкальный ансамбль, что, вне всякого сомнения, группе удалось сделать. Десять новых произведений, звучащих впервые, как бы колеблются между эстетикой cool, hard bop и free, поэтому тут сложно говорить о каком-то определенном музыкальном стиле высказывания. Исполнители пытаются убедить нас, что любой тип джаза отвечает их вкусу, отсюда, к сожалению, возникает несколько преувеличенная экспрессия. Думается, что пластинка была бы более интересной, если бы музыканты предпочли какой-то один стиль, — тогда, возможно, появилось бы больше возможностей для импровизации, которая, как известно, составляет основу джаза. Матеуш Смочинский только начинает свою карьеру, и, безусловно, следует внимательно следить за его будущими успехами.

Патриция Пекутовская, Беата Билинская — «Capricioso», Dux 2007.

Альбом «Capricioso» с сочинениями для скрипки и фортепьяно Кшиштофа Пендерецкого в январе 2008 г. был удостоен высшей награды в области классической музыки — «Midem Classic Award», которая ежегодно вручается в Каннах. Это произведение исполнили скрипачка Патриция Пекутовская и пианистка Беата Билинская. Катовицким национальным симфоническим оркестром Польского радио дирижировал сам композитор. На этой же пластинке представлены произведения разных периодов творчества маэстро: «Capriccio для скрипки с оркестром» (1967), «De Natura Sonoris II» (1971), а также фортепьянный концерт «Воскресение» (20001/2002). Первое сочинение написано в период, когда композитор был увлечен авангардизмом. В то время он много писал прежде всего для скрипки — когда-то он сам играл на этом инструменте. Затем «De Natura Sonoris II» — это музыкальный трактат для оркестра. Хотя написано сочинение почти 40 лет назад, звучит оно очень современно. Совсем недавно из этого перечня произведений создано «Воскресение». (2001/2002). Композиция обращена к симфонической традиции рубежа XIX—XX веков. Исполнительницам нельзя отказать в страстности, виртуозности и эмоциональной экспрессии, которые необходимы, когда речь идет об исполнении симфонической музыки. Альбом предназначен для слушателей, которых интересует новое, «современное» исполнение уже известных произведений польской музыки рубежа XX-XXI веков.

Александр Вирпша

ОБРАЗ ПОЛЬШИ И ОБРАЗ ЛИТЕРАТУРЫ

Ян Блонский (1931-2009) — один из немногочисленных литературных критиков второй половины XX века, чьи размышления о литературе неотделимы от размышлений о Польше и судьбах поляков. Воспитанник школы Казимежа Выки, он продолжал в своих работах ту традицию комментирования литературных произведений, которая была связана с именами Станислава Бжозовского и Кароля Ижиковского. Речь идет не об идеологических воззрениях этих выдающихся эссеистов, но о серьезности подхода к художественному творчеству и умении увидеть в нем прежде всего познавательное усилие и стремление — если воспользоваться определением Джозефа Конрада — «покарать зримый мир».

Самая известная, по сей день пользующаяся популярностью книга Блонского «Смена караула» (1961) посвящена анализу новых явлений, которые возникли в польской прозе после «оттепели» 1956 года. Следующие сборники эссе — «Выступление в поход» (1978), «Роман с текстом» (1981) — тоже стали важными вехами в литературной жизни Польши. Размышляя над тем, что же определило емкость и интеллектуальную притягательность этих трудов, следует помнить, что они представляли собой уникальный сплав мастерского анализа и умения нарисовать выразительную панораму литературы, трактуемой как процесс поиска и переосмысления национальной идентичности. В эссе «Поляк — каким видят его, каким он видит себя» (1972) Блонский писал: «На протяжении последней четверти века в Польше функционировали все национальные стереотипы прошлого. Причем функционировали по-разному в разных лагерях и в разные периоды. Поистине выставка мифических моделей поляка!» Но тут же добавлял: «И одновременно — несмотря на все попытки — ни публицистика, ни литература не смогли создать символического образа польского духа, чтобы он закрепился подобно стереотипам жертвы, сармата или позитивиста. Историк, возможно, сочтет это явление позитивным: ведь оно свидетельствует о непрерывности национального сознания. Но с таким же успехом это может свидетельствовать о кризисе идентичности...».

Не вызывает сомнений, что именно проблеме польской идентичности Блонский уделял главное внимание. Доказательство тому — его великолепная историко-литературная монография «Миколай Семп-Сажинский и начало польского барокко» (1967). Особый интерес представляют размышления о политическом значении этого поэта, неслучайно перешедшего из кальвинизма в католичество: «...ода Баторию безусловно доказывает, что Семп к этому времени уже полностью идентифицировал долг

рыцарский и религиозный, видя в короле идеальный образ защитника крепости, главы государства, которое — несмотря на искореженный фундамент — стремилось к последней гегемонии в Восточной Европе». И далее: «Можно (...) очевидно поставить вопрос, неожиданный и исторически бесплодный: не испытывал ли — если говорить о политике — этот «реакционный» поэт потребности в положении и системе, единственно способных противостоять распаду государства и культуры?» В сущности, этот вопрос актуален и для современного Блонскому (речь идет о моменте празднования тысячелетия крещения Польши) интеллектуального состояния поляков. Ибо это состояние и его переосмысление в литературе были одной из главных проблем, определивших творческий стиль Блонского.

В данном контексте особый интерес представляет то, как Блонский уже с 1954 г. отстаивал поэзию Тадеуша Ружевича, которую законодатели соцреализма обвинили в нигилизме. Во время публичной дискуссии он восклицал: «Конечно, мы были не в силах помочь Ружевичу; сколько же необдуманных упреков; сколько непонимания, зависти... Его даже убеждали, что он равнодушен к человеческим проблемам (...). Пусть моралист ищет новых конфликтов, лирик — новых потрясений. (...) Поэзия, способная быть поэзией — пусть останется поэзией поколения». Один из немногих, Блонский обозначил масштаб этой лирики не только в художественном, но и в ее мировоззренческом измерении, заметив (как, впрочем, и Милош, написавший в то время стихотворение «Тадеушу Ружевичу, поэту»), что поэзия Ружевича — это ярчайшее воплощение опыта поколения (по терминологии Выки): войны и уходящего в нее корнями спора с традициями культуры. Та же прозорливость позволила Блонскому разглядеть в творчестве другого представителя этого поколения, Збигнева Херберта, «отход от вечного катастрофизма»: «У Херберта (...) вся традиция — вместе с ее наиболее набившими оскомину элементами, как, например, демонстративное пристрастие к античности, — выходит из переживания войны победителем».

Осмысление литературой этого опыта и его последствий — важнейшая тема критических трудов Блонского, который сумел заметить, что именно в 1950-е, период, казалось бы, столь неблагоприятный для искусства, в польской литературе был создан фундамент ее современного развития. «Вполне возможно, — писал ученый, — что году эдак в 2003-м на вопрос, к какому времени относятся выдающиеся достижения польской литературы XX века, добросовестный эрудит невозмутимо ответит: пятидесятые годы». Ведь именно на этот момент, продолжает Блонский, приходится расцвет таланта Витольда Гомбровича и Чеслава Милоша, в это время крепнет парижская «Культура». В 1960-е ученый отметил явление, которое назвал «эмиграцией воображения» — в прошлое или в вымысел. «Фантастическая модификация прошлого, — подчеркивал Блонский, — порой заходит так далеко, что к ней оказывается неприменим термин «исторический роман». Войцеховский (писатель, думается, недооцененный!) словно бы заново пишет историю двадцатого века, создавая вымышленную империю — то ли Австрию, то ли Россию, в пространстве которой, однако, человеческие судьбы образуют столь знакомые нам, полякам, узоры». При этом Блонский демонстрирует, какой важной задачей для послевоенной литературы оказались поиски идентичности и добавляет: «Эта тенденция не имеет точного соответствия на Западе».

Однако, сосредотачиваясь на проблеме польского духа, Блонский не ограничивался сугубо литературоведческим анализом: опубликованное в 1987 году на страницах «Тыгодника повшехного» знаменитое эссе «Бедные поляки смотрят на гетто» вызвало одну из самых оживленных дискуссий того времени. Речь в этом тексте, отсылавшем к стихотворению Милоша «Campo di Fiori», шла не только о том, что поляки несут долю ответственности за зло, каким явилась пассивность перед лицом Катастрофы, но также и о переосмыслении стереотипа поляка как невинной жертвы истории. Эссе Блонского предвосхитило дискуссии и полемики, спустя многие годы последовавшие за изданием книги Яна Томаша Гросса, которая рассказывала об участии поляков в уничтожении евреев в Едвабне.

Еще Милош в «Поэтическом трактате» писал об отношениях поляков с «историчностью». Вырваться из этого капкана помогала проза, создающая нового героя, — позиция, которую Блонский назвал «позицией аутсайдера». Ученый видел ее прежде всего в прозе Марека Хласко, но также и в творчестве Эдварда Стахуры и Мирона Бялошевского. Однако он отдает себе отчет в том, что критик не может говорить о первопричинах этого жеста, об обстоятельствах, которые заставили польскую

литературу постепенно отойти от попыток создания нового «символического образа польского духа», героя с четким мировоззрением. Препятствовала, разумеется, цензура. Она заставила Блонского отказаться от роли критика. «Как можно в подобных условиях комментировать текущую литературу? — спрашивал он. — А главное — стоит ли это делать? Имеет ли смысл быть критиком, если литературный быт отдает фальшью — интеллектуально и психологически?» Отсюда и характерное название книги «Выступление в поход». Помню, что эти слова меня потрясли — не столько своим содержанием, сколько самим фактом их публикации. Но «выступление в поход» Блонского было также важным, значимым жестом. Причем отнюдь не жестом одиночки, напротив: именно в это время друг Блонского, крупнейший театральный критик послевоенного периода Константы Пузына, демонстративно оставил официальную сцену, чтобы посвятить себя студийным спектаклям студенческих театров, на которые цензура смотрела сквозь пальцы, относя их к «любительскому искусству».

Блонский и Пузына, а также Анджей Киёвский (неслучайно ставший в 1980 г. советником забастовочного комитета в Щецине) или Людвик Фляшен (который оставил критическую деятельность ради «Театра-Лаборатории» Ежи Гротовского) — воспитанники «школы Выки», школы, которая выходила за пределы чисто эстетической рефлексии и ставила перед литературой задачи, о которых наиболее полно сказал Милош: «А все поэты в Польше — как барометр» (пер. Н.Горбаневской). Барометр этот цензура раздавила, и даже в тех случаях, когда делались попытки им воспользоваться, об этом стало невозможно говорить вслух: или слова критика вычеркнул бы цензор, или их восприняли бы как донос на писателя. Все это заставило Блонского отказаться от активной критической деятельности и сосредоточиться на более эффективной в тот момент научной работе. Свидетельство тому — слова Анджея Новаковского, активного участника подпольной издательской деятельности, ныне руководителя прекрасного научного издательства «Университас»: «Когда я стал студентом, в университете было два великих знатока литературы, умевших говорить о литературе, пожалуй, лучше, чем это делала она сама, — Казимеж Выка и Ян Блонский».

Последним критическим выступлением Блонского, касающимся подавленного историей сюжета — дискурса взаимозависимости литературы и общественной жизни — стало опубликованное в 1990 г. обширное эссе «Сумбурные размышления старого критика, раздумывающего, как бы он написал историю польской прозы в эпоху Народной Польши». Затем прогрессировавшая болезнь Альцгеймера лишила этого блестящего критика возможности работать. Сегодня, когда Блонского не стало, хочется верить, что он ушел не бесследно, что традиция литературоведения, не ограничивающегося «исследованием ножек членистоногих» (по определению Галчинского) найдет последователей.

Ян Блонский

БЕДНЫЕ ПОЛЯКИ СМОТРЯТ НА ГЕТТО

(Отрывки из эссе)

Родная страна — не гостиница, где можно прибрать после случайных постояльцев. Она строится прежде всего из памяти; иначе говоря, мы это мы только благодаря памяти о прошлом. Мы не вольны свободно распоряжаться этим прошлым, хотя — как отдельные личности — прямой ответственности за него не несем. Мы должны хранить эту память в себе, хотя она бывает неприятной или болезненной. И должны стремиться к тому, чтобы ее очистить. Но как? Очистить поле Каина — это прежде всего помнить об Авеле. Авель не был одинок — он жил в нашем доме (на нашей земле), то есть в общем доме на общей земле. Кровь осталась на стенах, впиталась в землю, хотим мы того или не хотим. Она впиталась в нашу память, в нас самих. Значит, себя мы должны очистить, то есть увидеть себя по правде. Без этого дом, земля, мы сами останемся запятнанными. (...)

Доказательство того, как это трудно, — знаменитое стихотворение Милоша «Campo di Fiori»*. В нем говорится о карусели, которую — по случайному, но до чего же значащему и особливому стечению обстоятельств — установили в Варшаве на площади Красинских (т.е. перед стеной гетто. — *Пер.*) буквально накануне восстания в гетто. Когда начались бои, карусельный бизнес не прекратился, он по-прежнему собирал детей, молодежь, зевак. (...)

Милош сравнивает «веселые толпы» варшавян с римскими торговцами, которые сразу после казни Джордано Бруно вернулись к своим обыденным занятиям и радостям — «розовым креветкам», «корзинам маслин и лимонов». И заканчивает мыслью об «одиночестве в смерти», которой противостоит поэт (цитаты из стихотворения «Campo di Fiori» здесь и далее приведены в переводе Н.Горбаневской. — *Пер*) (...).

И в самом деле: это стихотворение написано так, что говорящий, то есть поэт, выходит победителем. Одни умирают, другие развлекаются, он же «разожжет мятеж» своим словом — и уходит, довольный, что написал хорошее стихотворение... Годы спустя он чувствует, что слишком легко отделался! Писать — в сопоставлении с «ужасом» — представляется «безнравственным»: «Campo di Fiori» не сумело преодолеть «конфликт жизни с искусством». И Милош в свое оправдание добавляет, что стихотворение было «обыкновенным человеческим откликом на то, что происходило весной 1943 года», и мы, конечно, охотно соглашаемся, что это отклик прекрасный и благородный. В ту чудовищную Пасху поэт спас — как кто-то хорошо сказал — «честь человеческой поэзии». (...)

Пожалуй, каждый, кто бывал за границей, слышал вопрос: антисемиты ли поляки? Или того пуще: почему поляки — антисемиты? Сам я столько раз слышал этот вопрос и столько раз пускался в объяснения, что мог бы набросать схему, пожалуй, двух десятков подобных разговоров. «*Антисемиты ли поляки?*» — «Почему вы ставите вопрос таким образом? Бывают поляки-антисемиты, бывают филосемиты, бывают и такие, которых это не волнует, причем последних становится всё больше». — «*Конечно, есть разные поляки, но я спрашиваю о большинстве. У поляков всегда была репутация антисемитов, это же не может быть случайно!*» — «Как это всегда? Когда Англия, Франция, Испания изгнали евреев, именно в Польше они нашли прибежище!» — «*Конечно, но это было давно, в Средние века, тогда евреев везде презирали, но с середины XVIII века, в Европе Нового времени, речь неизменно шла о нетерпимости поляков...*» — «Но ведь начиная с конца *XVIII* века Польши не существовало!» (...) «*Вы устраивали погромы — зачем?!*» — «Первые погромы происходили на Украине, их спровоцировала царская полиция...» И дальше: «*Когда вы получили независимость, евреям*

* Дискуссию вокруг этого стихотворения с участием автора, Яна Блонского, Ежи Туровича и Марека Эдельмана см. в «Новой Польше», 2006, №4. — *Ред.*

вовсе не стало жить лучше. Наоборот, антисемитизм только обострился...» — «За двадцать лет перевоспитать общество невозможно — кроме того, разве не происходило то же самое во всей Европе? После первой мировой войны мы приняли множество евреев из России, после 1934 года — из Германии...» — *«Может, это и правда, но вы относились к ним как к гражданам второго сорта. И очень мало евреев спасли во время войны».* — «В Израиле есть место памяти людей, которые помогали евреям спастись, и тридцать процентов имен там — поляки». — «*Но доля спасенных евреев на душу населения была в Польше низкой, самой низкой в Европе».* — «В 1942 году в Варшаве на восемь поляков приходилось четыре еврея. Как восемь человек могут укрыть четверых?» — «*Но ведь поляки сами обнаруживали евреев и выдавали их немцам. Или полиции, которая, между прочим, была польской...»* — «Во всяком обществе найдется несколько процентов людей без стыда и совести. Вы не представляете себе, что представляла собой немецкая оккупация в Польше. За укрывание одного еврея расстреливали целые семьи, вместе с детьми». — «*Да, это так, но подпольная работа тоже жестоко каралась, а ведь у вас, кажется, все сплошь были подпольщиками. Евреи не хотели оставаться в Польше...»* — «Им было трудно жить среди воспоминаний». — *«Им было трудно жить среди поляков, которые не желали возвращать им магазины, квартиры, грозили, убивали, разве вы не слыхали о погромах в Кракове, в Кельце?»* — «Погром в Кельце был политической провокацией». — «*Ну и что? Если это и была провокация, то она нашла отклик. Неужели все десять тысяч человек были провокаторами?»* — «Евреи гибли порой не за то, что они евреи, а за то, что они коммунисты». — «*И в 1968-м они потому покидали Польшу, что были коммунистами?»* — И так до самого конца, а вернее — без конца (...)

Мы должны совершенно искренне, совершенно честно поставить вопрос о своей доле ответственности. Не будем скрывать: это один из самых болезненных вопросов, которые мы можем себе задать. Однако я думаю, что мы обязаны над ним задуматься (...) Перестать сопротивляться, оправдываться, торговаться. Подчеркивать, чего мы не в силах были сделать во время оккупации или до нее. Сваливать вину на политические, общественные, экономические обстоятельства. Прежде всего надо признать: да, мы виновны. Мы приняли евреев в свой дом, но поселили их в подвале. Когда они захотели пройти в комнаты, мы согласились пустить их только в том случае, если они перестанут быть евреями, если «станут цивилизованными», как выражались в XIX веке — разумеется, не в одной только Польше (...).

Первая публикация: «Тыгодник повшехный», 1987, №2
Приводимые отрывки посмертно перепечатаны в «Газете выборчей»

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

Проза: **И. Амиэль, А. Бобковский, П. Герц, М. Новаковский, М. Эдельман**
Л. Валенса, В. Ярузельский: о „Круглом столе" 1989 г.
Стихи Вислявы Шимборской
Р. Капустинский: фрагменты интервью
Витольд Куля: заметки историка
О. Закиров: из воспоминаний
К. Яновская и П. Мухарский: Беседы к началу столетия
Наши за границей: А. Северин, В. Пшоняк, З. Рыбчинский,
А. Холланд, Р. Полянский, А. Кшивицкий и др.
Беседы Сильвии Фролов

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Бялошевского, Хартвиг,
Яструна, Херберта и др.,

в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана,
Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,

телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации **ПИ №77-1063** от 3 ноября 1999 года)

Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:
www.novpol.ru

Лучшие писатели и критики

Национальная Библиотека представляет журналы:

twórczość

Старейший польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и литературной критике. Оказывает влияние на перемены в польской литературе.
тел.: +48 (22) 627-15-52;
тел./факс: +48 (22) 628-95-07
e-mail: tworczosc@bn.org.pl
www.culture.pl/pl/culture/artykuly/cz_tworczosc

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник. На протяжении более полувека незаменимый источник информации о книгах. В каждом номере рецензии, интервью, статьи о писателях, публицистика, библиография, анонсы.
тел.: +48 (22) 826-62-60;
тел./факс: +48 (22) 826-62-35
e-mail: noweksiazki@wp.pl

Dialog

Ежемесячный журнал, посвященный современной театральной, телевизионной и радиодраматургии.
тел.: +48 (22) 608-28-80, +48 (22) 608-28-81;
тел./факс: +48 (22) 608-28-82
e-mail: dialog@bn.org.pl
www.dialog.waw.pl

DWUTYGODNIK **ruch muzyczny**

Старейший и единственный в Польше журнал, посвященный музыкальной жизни, творчеству и вопросам музыки. Выходит 26 раз в году.
тел.: +48 (22) 608-28-70, +48 (22) 608-28-71;
тел./факс: +48 (22) 608-28-72
e-mail: ruchmuzyczny@onet.pl
www.ruchmuzyczny.pl

LITERATURA *na świecie*

Ежемесячник. Единственный журнал, уже многие годы публикующий все достойные внимания новинки современной мировой литературы.
тел.: +48 (22) 827-47-91;
тел./факс: +48 (22) 828-64-96
e-mail: litnasw@free.art.pl

НОВАЯ **ПОЛЬША**

Ежемесячник. Единственный журнал о Польше на русском языке. Богатая подборка публицистики польских и российских авторов. Переводы малоизвестных в России произведений польских поэтов и прозаиков.
тел.: +48 (22) 608-25-65, +48 (22) 608-27-95
тел./факс: +48 (22) 608-27-96; +48 (22) 608-25-05
e-mail: nowpol@bn.org.pl
www.novpol.ru

odra miesięcznik

Ежемесячный журнал, широко представляющий современные проблемы общества и искусства. Форум критической гуманитарной мысли. Польша и мир, история и возможное будущее.
тел.: +48 (71) 344-77-37;
тел./факс: +48 (71) 343-55-16
e-mail: odra@odra.net.pl
www.odra.net.pl

a akcent
literatura i sztuka ● kwartalnik

Ежеквартальный журнал, посвященный литературе и другим областям искусства в контексте последних достижений гуманитарной мысли. Выходит в Люблине с 1980 года.
тел./факс: +48 (81) 532-74-69
e-mail: akcent_pismo@gazeta.pl
www.akcent.glt.pl

TEATR

Ежемесячник, посвященный современному театру. Обзор последних премьер в Польше и за границей, критика, эссе, комментарии.
тел. +48 (022) 692 88 19;
тел./факс: +48 (022) 692 88 18
e-mail teatr@bn.org.pl

BIBLIOTEKA NARODOWA

Zakład Wydawniczy Czasopism Patronackich
02-086 Warszawa, al. Niepodległości 213, tel. +48 (022) 608 23 74; tel./fax +48 (022) 608 24 88
e-mail: czaspatron@bn.org.pl; www.bn.org.pl

ISSN 1508-5589

Cena 7 zł w tym 0% VAT